

Vol. 6. No. 2., 2025
ISSN
eISSN

EAJoL

EurAsian Journal of Leadership

EurAsian
Journal of
Leadership

ALMA
ALMATY MANAGEMENT
UNIVERSITY

Vol. 6. No. 2, 2025
ISSN
eISSN

EAJoL

EurAsian Journal of Leadership

EDITORIAL BOARD

Yerbol Suleimenov, Candidate of Mathematical Sciences, Rector of Almaty Management University, AlmaU (*Kazakhstan*)

Aigerim Kaumenova, DBA, Advisor to the Rector, Almaty Management University, AlmaU (*Kazakhstan*)

Askar Nursha, Candidate of Historical Sciences, Dean of the School of Public Policy and Law, AlmaU (*Kazakhstan*)

Elvira Aidarkhanova, Ph.D Candidate, Assistant Professor-Researcher, AlmaU (*Kazakhstan*)

Abel Polese, Ph.D, Senior Research Fellow, Dublin City University (*Ireland*)

Alberto Frigerio, Ph.D, Associate Professor, School of Public Policy and Law, AlmaU (*Kazakhstan*)

Alma Temirbekova, Doctor of Sciences in Economics, Professor, AlmaU (*Kazakhstan*)

Aigerim Serikbekova, Master of Science, Chief Specialist, Research and Development Department, AlmaU (*Kazakhstan*)

Zhuldyz Elubayeva, Doctor of Sciences in Economics, Professor, AlmaU (*Kazakhstan*)

Alimshan Faizulayev, Ph.D, Assistant Professor, KIMEP University (*Kazakhstan*)

Irina Khan, Candidate of Sciences in Philosophy, Professor Emeritus, AlmaU (*Kazakhstan*)

Pramod Jaiswal, Ph.D, Research Director at Nepal Institute for International Cooperation and Engagement (*India*)

Gabit Konusov, Candidate of Philosophical Sciences, Analyst-Manager, Kazakhstan Institute for Social Development (*Kazakhstan*)

Nina Nikiforova, Doctor of Sciences in Economics, Professor Emeritus, AlmaU (*Kazakhstan*)

Gulnar Kurenkeyeva, Candidate of Sciences in Economics, Dean of the Graduate School of Business, AlmaU (*Kazakhstan*)

Azhar Serikkaliyeva, Ph.D., Research Fellow, AlmaU (*Kazakhstan*)

Madina Smykova, Candidate of Sciences in Economics, Professor Emeritus, AlmaU (*Kazakhstan*)

Joanna Koczar, Ph.D, Professor, Wroclaw University of Economics and Business (*Poland*)

Bakhytzhan Alzhanuly, Ph.D Candidate, Director of Research and Development Department, AlmaU (*Kazakhstan*)

Bayansulu Markhaeva, Doctor of Sciences in Economics, Professor, AlmaU (*Kazakhstan*)

Lesya Karatayeva, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Kazakhstan Institute for Strategic Studies (*Kazakhstan*)

Christian Brauweiler, Ph.D, Professor, Zwickau University of Applied Sciences (*Germany*)

CALL FOR PAPERS

The emergence and activity of the EurAsian Journal of Leadership publication is driven by Kazakhstan's continued commitment to developing education and research. Almaty Management University (AlmaU) aims to contribute to Kazakhstani research through developing a high-quality periodical Journal dedicated to the themes of management and leadership.

Academic areas considered for the Journal:

Management:

- Engineering Management
- Strategic Management
- Education Management
- Healthcare Management
- Corporate Management
- Human Resources Management
- Project Management
- Leadership

Regional Development and Public policy:

- Public Administration
- Regional Studies
- Political Science
- International Relations
- Public Relations
- Law

Information Technology:

- Big Data
- Information and Communication Technology
- Information Systems
- Neural Networks and Artificial Intelligence

Entrepreneurship:

- Entrepreneurship
- Corporate Entrepreneurship and Innovation
- Social Entrepreneurship

Finance:

- Corporate Finance
- International Finance
- Accounting and Audit
- Financial Analytics

Other areas:

- Economics and Econometrics
- Tourism and Hospitality
- Marketing
- Neuromarketing and Neuro-linguistics
- Sociology
- Logistics

The publication languages are English, Russian and Kazakh.

All papers go through an anti-plagiarism check and as well as a double-blind review process.

The format of the journal publication is online and open-access.

Kind regards,

Research and Development Department

Almaty Management University, Almaty, 050060, KAZAKHSTAN
EurAsian Journal of Leadership

стр.

CONTENTS

- 5** **Социальные технологии и гражданская ответственность современного университета**
Асылбек Қожахметов, Нина Никифорова, Мадина Смыкова
- 16** **Citizenship issues in the Republic of Kazakhstan and the UK: legal-comparative analysis**
Aidana Oтынshiyeva
- 24** **Financial performance of banks: case of countries with negative interest rate**
Aliya Bazarbayeva, Akzhan Sailau, Alimshan Faizulayev
- 34** **Business Opportunity for Greenhouse Gas Emission**
Nasreddine Guerfala
- 47** **Failures in the International Legal Approach to Terrorism**
Ryan Michael Schweitzer
- 53** **Человеческий фактор как гарант безопасности полетов**
Гаухар Мысаева
- 66** **Діни білім беру посмодерн дәуірінде дүниені және өмірді тану үлгісі ретінде**
А. Алтайқызы
- 74** **Форсайтные матрицы — инструмент стратегической трансформации многопрофильной
индустриальной корпорации**
Бауржан Дуйсебаев, Калилалло Байтасов
- 84** **Рецензия на монографию И. Савина «Россия и обеспечение безопасности стран Центральной Азии»**
Габит Коңусов

Социальные технологии и гражданская ответственность современного университета*

А. Кожакметов¹, Н. Никифорова², М. Смыкова³

¹ Доктор DBA, Президент Алматы Менеджмент Университета. Казахстан, Алматы

e-mail: assylbeck@almau.edu.kz
<https://orcid.org/0000-0002-3290-3349>

² Доктор экономических наук, профессор Алматы Менеджмент Университета. Казахстан, Алматы

e-mail: nikiforova1504@yandex.kz
<https://orcid.org/0000-0002-5555-1868>

³ Кандидат экономических наук, доцент Алматы Менеджмент Университета. Казахстан, Алматы

e-mail: mraisovna@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2373-4165>

Абстракт. В статье исследуется эволюция развития вузов от формата, обучающего в XIX веке до предпринимательского университета, оказывающего и создающего влияние в XXI веке.

В процессе исследования рассмотрена трансформация перехода классических вузов в предпринимательские, что проявилось в новом видении и формировании такой концепции, как «четверная спираль», в которой новым субъектом становится общество. Реализация концепции «четверной спирали» предполагает осознание степени значимости социальной ответственности всеми ключевыми элементами национальной экономики. В связи с этим современные университеты должны рассматривать социальную и в том числе гражданскую ответственность как одну из своих социальных функций. В данном контексте, в статье поднимается вопрос о значимости разработки концепции «социальной ответственности» университета. Университет, являющийся участником «четверной спирали» приближен к модели «гражданского университета», отличительной особенностью которого является создание условий для реализации всеми участниками своей гражданской позиции и которому в этом процессе отводится особая роль.

Современные университеты должны рассматривать социальную ответственность как одну из своих социальных функций, которая предполагает ориентированность на потребности общества в целом и отдельных граждан в частности, активную социальную позицию вуза в отношении территории, на которой он находится. В контексте данной проблемы поднимается вопрос о значимости разработки концепции «социальной миссии» университета. Данная концепция, на наш взгляд, должна быть положена в основу определения социальной ответственности вуза как основного приоритета национальной образовательной политики страны.

Ключевые слова: социальная ответственность, социальные технологии, университет, общество, наука, гражданский университет, «четверная спираль», гражданская ответственность, модель, вовлеченность.

Abstract. The article investigates the evolution of the development of higher education institutions from the format, teaching in the 19th century to the entrepreneurial university, making and creating influence in the 21st century.

* A. Kozhakhmetov (DBA, President of Almaty Management University. Kazakhstan, Almaty), N. Nikiforova (Doctor of Economic Sciences, Professor, Almaty Management University. Kazakhstan, Almaty), M. Smykova (Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Almaty Management University. Kazakhstan, Almaty). «Social technologies and civic responsibility of a modern university».

In the course of the research the transformation of the transition of classical universities into business universities is considered, which is manifested in a new vision and the formation of such a concept as the «quadruple helix», in which the new subject is society. The implementation of the «quadruple helix» concept assumes awareness of the importance of social responsibility by all key elements of the national economy. In this regard, modern universities should consider social and including civic responsibility as one of their social functions. In this context, the article raises the issue of the importance of developing the concept of «social responsibility» of the university. The university, which is the participant of «the fourth helix», is close to the model of «civil university», the distinctive feature of which is the creation of conditions for all participants to realize their civic position and which has a special role in this process.

Modern universities should consider social responsibility as one of their social functions, which implies a focus on the needs of society in general and individual citizens in particular, the active social position of the university in relation to the territory on which it is located. In the context of this problem the question of the importance of developing the concept of «social mission» of the university is raised. This concept, in our opinion, should be the basis for defining the social responsibility of the university as the main priority of the national educational policy of the country.

Keywords: social responsibility, social technologies, university, society, science, civil university, «four helix», civil responsibility, model, involvement.

Введение

Современная система образования и науки, как показывает анализ мировых тенденций, становится важнейшим фактором прогрессивного развития общества любого государства.

Интеграционные процессы в образовании и науке обеспечивают внедрение инновационных технологий, безопасность и независимость страны, определяют социальную потребность в непрерывном образовании, создают условия для формирования гражданско-патриотической основы создания государственной идентичности.

Следует отметить, что участие вузов в решении социальных проблем еще незначительно. Отсутствует ясное понимание значения социальной направленности деятельности вузов, сохранения и реализации такой гуманистической составляющей миссии и ценности вуза как «служение обществу». Это, прежде всего, связано с недостаточным развитием социального партнерства в Казахстане, которое формируется на основе взаимодействия вузов, бизнеса, органов государственной власти, органов местного самоуправления и НПО. В этих условиях возрастает актуальность взаимодействия вузов с бизнесом, государством и обществом и выбора оптимальной модели сотрудничества, предполагающей получение синергетического эффекта от этого взаимодействия (Бараблина, 2012: 203-218).

Постановка проблемы

Специфика современного развития образования предполагает непрерывные изменения в системе высшего образования, что находит отражение не только в государственных концепциях модернизации высшего образования, но и в глобальном вызове, в котором пересматривается сама идея традиционного университета. Университеты в своем эволюционном развитии прошли несколько стадий от обучающего, исследовательского и до предпринимательского вуза, оказывающего и создающего влияние, характерной чертой которого является желание изменить окружающий мир и стремление к новому социальному паттерну в обществе (рисунок 1).

В процессе функционирования университетов активную роль играет государство и бизнес, что позволяет реализовать концепцию инновационного развития – концепцию «тройной спирали», в которой ведущая роль отводится предпринимательскому университету. Проблема состоит в том, что вопросы взаимодействия вузов и сообщества еще не являются составной частью их стратегии развития, не рассматриваются в качестве важного ресурса роста их имиджевого и социального капитала.

В настоящее время проводятся исследования в области трансформации классических вузов в предпринимательские, что отразилось в новом видении и формировании концепции «четверной спирали», где новым субъектом становится общество (Hazelkorn, 2017) (рисунок 2).

Рисунок 1. Эволюция развития университетов

Рисунок 2. «Четверная спираль» Ицковица

Если тройная спираль показывает взаимодействие между государством, бизнесом и университетом как ключевыми элементами экономики, то «четверная спираль» рассматривает в качестве активного участника – гражданское общество, которое является одним из важнейших факторов достижения успеха в инновационном развитии национальной экономики.

В соответствии с «четверной моделью» университет является лидером во взаимодействии с обществом, государством и бизнесом: формируя новые знания, создавая инновации, влияя на экономику и взаимодействуя с гражданским обществом. Если классическая идея университетов исходила из двух его функций: образование и наука, то теперь присоединяется третья функция – социальная. В этом случае, университет становится гражданственно ответственным, берущим на себя обязательства перед городом, его гражданами и страной в целом. Это значит, что университет бу-

дет работать не на абстрактные образование и науку, а станет решать реальные проблемы страны, города и его граждан.

В казахстанском образовательном пространстве актуальным является вопрос о роли университета в социально-экономическом развитии страны, региона и общества. В общественном сознании приоритетными должны стать глобальные интересы всех социальных групп общества. В данном контексте усиливается роль университета в формировании активной гражданской позиции. В связи с этим в XXI веке в основе миссии университета должны лежать три фундаментальные составляющие: образование, исследование и служение обществу.

Процессы, которые происходят в казахстанском обществе предполагают осознание степени значимости социальной ответственности всеми ключевыми элементами национальной экономики.

Методология исследования

При проведении исследования были использованы литературные источники по проблемам социальной (гражданской) ответственности, применены метод группировок, ранжирования, анализа и синтеза, кабинетные и полевые исследования. Прикладные маркетинговые исследования проводились с помощью опроса респондентов, по ре-

зультатам которого сделаны выводы и даны рекомендации.

Обсуждения и результаты

В рамках формирования современной системы образования можно выделить ряд особенностей в вопросах подхода высших учебных заведений к социальной ответственности (рисунок 3).

Рисунок 3. Степени социальной ответственности

Теории социальной ответственности прошли несколько этапов в своем развитии. Одним из первых, кто начал исследовать вопросы социальной ответственности был Милтон Фридман. По его мнению, социальная ответственность рассматривается как способ повышения прибыли с помощью имеющихся ресурсов, соблюдая «правила игры» на рынке. Данная концепция получила развитие в середине XX века и называется «корпоративный эгоизм» (Фридман, 2006: 240).

Эволюционные изменения, происходящие в обществе, отражались и в вопросах социальной ответственности. Следующим ученым разви-

вающим данную теорию был Эдвард Фримен, который сформулировал «модель заинтересованных сторон», в которой он выделил и структурировал все заинтересованные лица, которые влияют на деятельность компании в рамках социальной ответственности (Freeman, 1984). При этом он считает, что основные задачи компании состоят в систематизации и построении отношений со стейкхолдерами. Согласно «модели заинтересованных сторон» применяются 2 подхода к стейкхолдерам. Первый предполагает продвижение основных ценностей каждой из заинтересованных сторон и определяет воз-

можные варианты улучшения положения стейкхолдеров.

Второй подход представляет собой этическое лидерство. При этом, на наш взгляд, обеспечивает связь между этическими ценностями и устойчивым развитием компании. Компании ищут новые формы и способы поддержки стейкхолдеров, в связи с этим появляются инновационные форматы социальных проектов. Один из примеров, такого подхода демонстрирует компания BI Group, создавшая более привлекательный, модифицированный формат детского дома - «дом мамы». Цель данного проекта - помочь одиноким матерям (которые хотят бросить своих детей), в сложных жизненных ситуациях, предоставляя им моральную и материальную поддержку, предлагается также психологическая и социальная помощь (Рахимбаев, 2016).

Концепция социальной миссии университета исходит из стремления максимизировать выгоды, которые он может создать для общественности; социальную вовлеченность в разрешение проблем общества; социальное участие и создание новых и более продвинутых экономических решений для общества. Усиление социальной ответственности ведет к тому, что не только вузы становятся участниками развития региона, города, на территории которых они расположены, но и представители местного сообщества, бизнеса и региональные органы власти.

Социальная ответственность вуза должна проявляться и в повышении доступности высшего образования для уязвимых слоев населения республики для этого необходимо:

- к существующим мерам поддержки социально уязвимых слоев населения внедрить целевые гранты для групп населения, имеющих доходы ниже прожиточного минимума на каждого члена семьи;
- стимулировать увеличение финансирования (выделение грантов) со стороны местных

органов власти, бизнеса в лучшие университеты при условии обязательной отработки выпускниками в регионе проживания;

Это позволит обеспечить устойчивость экономической и политической системы республики благодаря высоко образованной сельской молодежи, которая внесет больший вклад в развитие сельских территорий, АПК, усилит интеллектуальный потенциал и предприимчивость нации.

На университет, реализующий концепцию социальной миссии возлагаются следующие функции:

формирование общественного интеллекта, предполагающее свободное развитие человека;

- подготовка элиты общества, которые занимают активную гражданскую позицию и способствуют инновационному развитию экономики;
- создание новых знаний и смыслов, которые предъявляют новые количественные и качественные требования к трудовым ресурсам;
- развитие предпринимательской культуры, соблюдение требований которой формирует положительный психологический климат в университете и определяет его рыночную капитализацию;
- активный участник социальных взаимодействий с заинтересованными сторонами и представителями социальной среды общества.

Данные функции в полном объеме реализуются в предпринимательском университете, оказывая влияние на всех участников «четверной спирали». Модель такого университета приближена к модели «гражданского университета», который предоставляет возможность для получения новых знаний, повышения квалификации, а главное для реализации своей гражданской позиции (рисунок 4).

Рисунок 4. Взаимодействие университетов с гражданским обществом

Несмотря на то, что «Негражданский университет» часто проводит широкий спектр различных мероприятий, это еще не означает, что он работает в интересах общества, территории, города. В то время как «Гражданский университет» является источником человеческого капитала, инноваций и предпринимательства для стимулирования

и поддержания личного, социального и экономического развития страны. Гражданский университет развивает знания и навыки, необходимые гражданам для достижения ими успеха на рынке труда и поддерживает гражданское общество. На рисунках 5 и 6 показано отличие гражданского университета от негражданского.

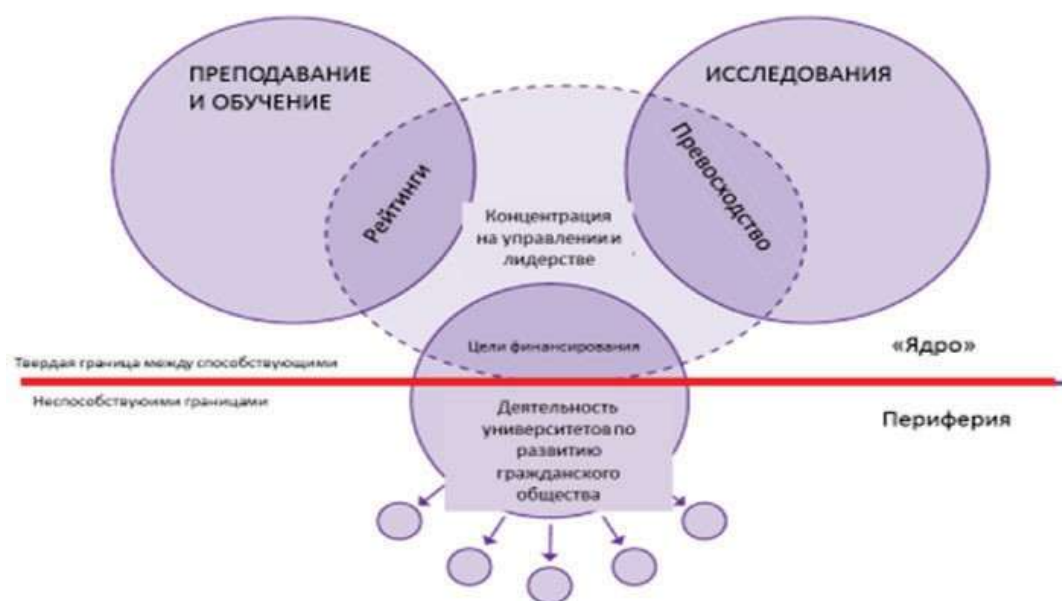

Рисунок 5. Негражданский университет

Рисунок 6. Гражданский университет

Отличие «Гражданского университета» от «Негражданского университета» состоит в том, что целью первого является стать лучшим для кого-то, а для второго стать лучшим в чем-то.

Основная цель «Гражданского университета» состоит в формировании открытого сообщества людей, которые заинтересованы в собственном профессиональном развитии в общественно-по-

литической сфере и способные и готовые делиться знаниями и профессиональным опытом с другими. В связи с этим, «Гражданский университет», важнейшей функцией которого является реализация социальной миссии (третья миссия), можно рассматривать в качестве модели предпринимательского вовлеченного и оказывающего влияние университета.

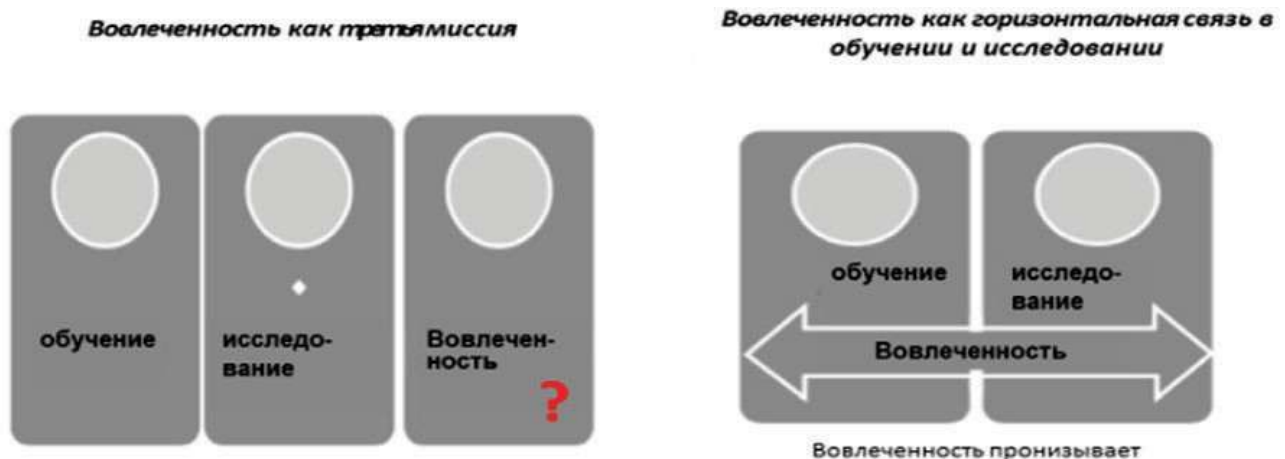

Рисунок 7. Вовлеченный, оказывающий влияние университет

Предпринимательский социально вовлеченный университет предполагает реализацию следующих аспектов:

- социальную ответственность – стремление максимизировать выгоды, которые вуз может создать для общественности;
- вовлеченное обучение предполагает развитие необходимых навыков у студентов и осуществление педагогической деятельности, оказывающей положительное влияние на общество;
- трансферт знаний, направленный на рост двухстороннего потока знаний и развитие взаимоотношений между университетом и обществом в целом;
- активное вовлечение общественности в научно-исследовательскую деятельность вуза (Константинов, 2005: 106-126).

В рамках реализации модели предпринимательского социально вовлеченного университета в AlmaU ведется работа по всем выше названным направлениям. В частности, AlmaU

является пионером взаимодействия с гражданским обществом в Казахстане. В контексте «вовлеченное обучение» впервые в AlmaU с 2015 года ведется дисциплина Service Learning как обязательный курс для студентов первого курса и участие студентов в качестве волонтеров. В результате было реализовано более 90 проектов, привлечено более 30 партнеров и проведено более 50 тысяч часов волонтерской работы на благо общества. В рамках такого направления как трансфер знаний в AlmaU по заказу ERG реализуется пилотный проект экосистема студенческого предпринимательства. Цель проекта способствовать обучению молодежи в своих родных городах путем преобразования региональных университетов в предпринимательские. В результате реализации проекта вузы четырех регионов Казахстана преобразованы в предпринимательские университеты. В проекте участвовали 8 университетов, 1 колледж и 277 преподавателей и 1973 студента.

При формировании модели предпринимательского социально-вовлеченного университета целесообразно развивать подлинное гражданство, реализуя принципы социальной ответственности и гражданской активности, а также разработать широкий спектр инструментов для оценки уровня вовлеченности и его воздействия на обучение (Weber, Glyptis, 2000: 341-358).

Для понимания дефиниции «социальной ответственности» у молодежи и их восприятия на каждом уровне жизненного этапа были проведены исследования в форме опроса. В исследовании приняли участие 80 студентов. Цель исследова-

ния – определить степень понимания восприятия студентами социальной ответственности.

Задачами этих исследований явились:

- понимание обучающимися термина «социальная ответственность»;
- выявление степени социальной ответственности студентов на уровне страны, города, учебной группы и семьи;
- определить уровень ответственности на разных этапах становления личности.

В процессе исследования было выявлено, с чем больше ассоциирует понятие социальная ответственность у студентов (рисунок 8).

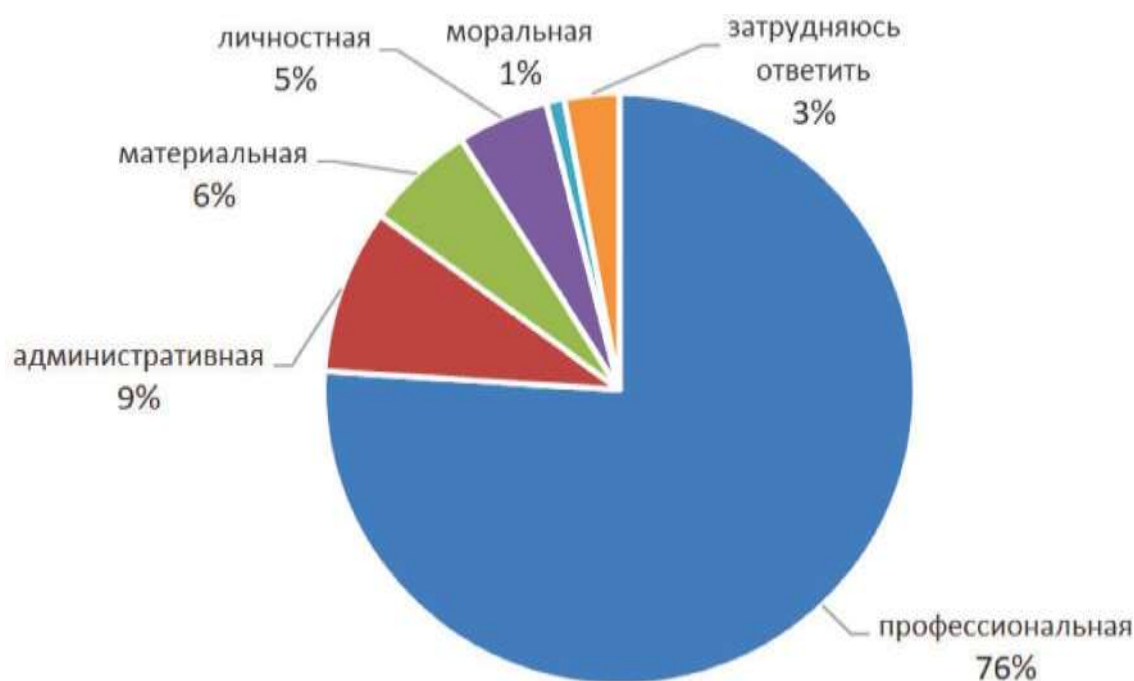

Рисунок 8. Ассоциация термина «социальная ответственность»

Как видно из данных рисунка, большая часть опрошенных (76%), считают, что социальную ответственность отождествляют с профессиональной деятельностью, незначительная часть отнесли ее к административной (9%), материальной – 6%, личностной – 5% и моральной – 1%. Как показали исследования студенты в большей степени понятие социальной ответственности отождествляют с профессиональной деятельностью и в меньшей степени с личными качествами и нравственными нормами. Результаты опроса показали, что наибольший

уровень причастности и ответственности несут респонденты по отношению к семье (62,3%). При этом уровень социальной ответственности в учебной группе составил 45,4%. Самый низкий уровень социальной ответственности респонденты показали по отношению к стране и городу (рисунок 9).

На вопрос «когда наступает социальная ответственность?», большая часть респондентов считает, что она наступает в период трудовой деятельности (60%), на втором месте ответ – в период обучения в школе (17%).

Рисунок 9. Мера ответственности в семье, в учебной группе, в городе и стране

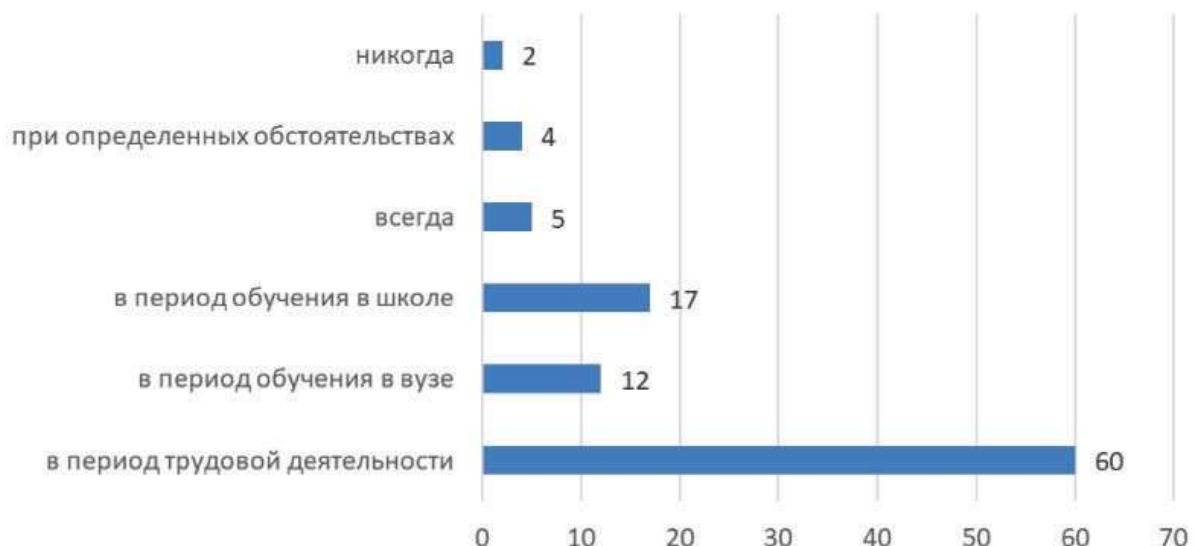

Рисунок 10. Период начала социальной ответственности студента как личности

Таким образом, проведенное исследование показало:

- понятие «социальной ответственности» в большей степени у студентов отождествляется с профессиональной ответственностью, снижена значимость нравственной ценности;
- для студентов более значимы семейные ценности и в меньшей степени ценности страны и общества в целом;
- наблюдается деформация понятия социальной ответственности, отсутствует четко выраженная гражданская позиция.

В связи с этим, перед университетами стоит задача сформировать у обучающихся четкую гражданскую позицию посредством проведения разнообразных мероприятий (реализация социальных проектов), целью которых будет являться воспитательная, рекреационная и социальная работа со студентами (Vazquez, Aza, Lanero, 2014: 195-208).

В этом ключе возрастает роль социальных технологий, представляющих собой интеллектуальный ресурс, позволяющий не только изучать и прогнозировать социальной трансформации, но

и активно влиять на развитие общества, региона, города, его граждан и в том числе молодежи, а также на достижения эффективного социального результата (Hazelkorn, 2017).

Социальные технологии являются важнейшим элементом культуры общества и становятся продуктом эволюционного развития. Формирование социальных технологий процесс сложный и не однозначный, осуществляется в соответствии с изменениями, происходящими в обществе.

В условиях постоянных социальных изменений в международной практике в последние годы основной акцент направлен на применение инновационных методов освоения социального пространства, т.е. его технологизации. Предпосылкой развития социальных технологий стали сформированные потребности быстрого внедрения и расширения новых различных видов деятельности в обществе. Основная цель социальных технологий достигнуть новых способов и методов реализации потенциального спроса при минимальных издержках (Shucksmith, 2017).

В современном обществе, учитывая его специфику, социальные технологии с одной стороны опираются на эффективное развитие информационно-коммуникационных технологий, глобализацию, с другой стороны учитывается специфика национальных, культурных особенностей населения и его менталитет.

Социальные технологии осуществляются и реализуются в различных прикладных сферах деятельности, в том числе и в образовании. Особое место в структуре социальных технологий отводится социальной ответственности вузов. Система образования наиболее чувствительна ко всем социальным изменениям и в то же время более быстро реагирует на происходящие трансформации в обществе.

Заключение

Проведенный анализ показал, что процесс трансформации вузов в настоящее время не может происходить изолировано от социума. Университеты, в своем эволюционном развитии прошли несколько этапов, и были подведены к

тому, что они становятся активными участниками гражданского общества в связи с тем, что студенческая молодежь наиболее прогрессивная часть социума.

Социальные технологии, используемые для формирования гражданского университета, обеспечивают наиболее эффективную модель, когда университет является открытым для общества и вовлечен в социально-значимые проекты и мероприятия. На современном этапе, использование социальных технологий в высшем образовании, позволит разработать программу взаимодействия, которая обеспечит интеграцию процесса обучения в проблемы социума.

Модель гражданского университета даст возможность для разностороннего развития студентов, на основе того, что они, сталкиваясь с социальными проблемами и вопросами, могут их решать в процессе обучения, что будет способствовать развитию гражданской позиции и патриотизма.

Процесс перехода к формату гражданского университета возможен благодаря пониманию студентами дефиниции «социальная ответственность». Результаты проведенного маркетингового исследования показали, что в процессе обучения и воспитания студентов, возникает необходимость культивирования вопросов социальной ответственности и повышение нравственной составляющей данного понятия.

Использование социальных технологий в процессе становления гражданского университета позволит создать наиболее эффективную систему трансформации университета от закрытой модели к университету, который вовлечен в социальные проблемы на региональном и глобальном уровне и готов решать поставленные временем социальные вопросы.

Литература

- Freeman, R. (1984). *Strategic Management: A Stakeholder Approach*. Pitman.
- Hazelkorn, E. (2017). "Civic Universities and Engaged Citizens – What is the role of Higher Education in the Age of Populism?" *University of Portsmouth*.

- Shucksmith, M. How can academics and the third sector work together to influence policy and practice? *OBE. Carnegie Fellow*.
- Vazquez, J. Aza, C. Lanero, A. (2014). "Are students aware of university social responsibility? Some insights from a survey in a Spanish university". *International Review on Public and Nonprofit Marketing*. Vol. 11. Issue 3. P. 195-208.
- Weber, J. Glyptis, S. (2000). "Measuring the impact of a business ethics course and community service experience on students' values and opinions". *Teaching Business Ethics*. No 4, pp. 341-358.
- Бараблина, С. Мехришвили, Л. (2012). Социальная ответственность: роль высших учебных заведений. *Вестник международных организаций*. Т. 7. № 1. С. 203-218.
- Константинов, Г. Филонович, С. (2005). Университеты, общество знания и парадоксы образования. *Вопросы образования*. № 1. С. 106-126.
- Рахимбаев, А. Проект «Дом мамы» меняет стратегию. https://forbes.kz/process/businessmen/i_ryibu_i_udochku_1/. 04.11.2015.
- Фридман, М. (2006). Капитализм и свобода. Москва: Новое издательство. 240 с.

Citizenship issues in the Republic of Kazakhstan and the UK: legal-comparative analysis*

A. Otynshiyeva

Ph.D, Al-Farabi Kazakh National University. Kazakhstan, Almaty

e-mail: aidana-best91@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7637-842X>

Abstract. The article examines the citizenship issues based on the experience of the Republic of Kazakhstan and the United Kingdom. A comparative analysis of the scientific views of domestic and foreign scientists; reveals the problematic aspects of protecting citizenship institute.

In the era of globalization, the role of the citizenship in solving urgent problems of human civilization is growing. In recent years, dramatic changes have occurred in the global legal system and the legal system of Kazakhstan. These changes will serve as the basis for the protection, enforcement and development of human rights. On the one hand, it is a process of integration and regionalization based on world globalization, on the other hand, domestic political and liberal reform processes in Kazakhstan.

The main aim of the article is in the context of globalization, to do a comparative analysis of citizenship institute in the Republic of Kazakhstan and in the UK, to develop further recommendations for improving the human rights legislation of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: citizenship, human rights, freedoms, legal status of individuals, enforcement, implementation, government.

Абстракт. В статье рассматриваются вопросы гражданства на основе опыта Республики Казахстан и Великобритании. Проведен сравнительный анализ научных взглядов отечественных и зарубежных ученых; выявлены проблемные аспекты защиты института гражданства.

В эпоху глобализации роль гражданства в решении актуальных проблем человеческой цивилизации возрастает. В последние годы происходят большие изменения в правовой системе мира и правовой системе Казахстана. Эти изменения послужат основой защиты, обеспечения и развития прав человека. С одной стороны, это процесс интеграции и регионализации, основанный на мировой глобализации, с другой - внутриполитические и либеральные процессы реформ в Казахстане.

Основная цель статьи - в контексте глобализации провести сравнительный анализ института гражданства в Республике Казахстан и Великобритании, разработать дальнейшие рекомендации по совершенствованию законодательства Республики Казахстан в области прав человека.

Ключевые слова: гражданство, права человека, свободы, правовой статус личности, правоприменение, реализация, государство.

Introduction

The current stage of development of the Institute of citizenship is presented as a process of improving the constitutional and legal norms that it manages. At this stage, there is a process of improving and improving the constitutional law by making changes

and additions to the laws on citizenship, as well as improving the constitutional law. Currently, it is determined by the constitutional and legal norms that define the basis of the organizational and legal mechanism for regulating civil citizenship in the Republic of Kazakhstan. They determine the construction and functioning of the system of state

* А. Отыншиева (Ph.D, КазНУ имени аль-Фараби. Казахстан, Алматы). «Вопросы гражданства в Республике Казахстан и Великобритании: сравнительно-правовой анализ».

bodies that regulate the activities of civil institutions. In General, the norms of the Constitution form the basis of the organizational and legal mechanism, establish the political and ideological basis of the system of state bodies, their powers in the field of citizenship, ways of improvement and international integration. The constitutional and legal system of mechanisms of legal influence on public relations is designed to ensure: the use of democratic forms of decision-making and execution on citizenship issues; the creation of the necessary organizational and legal opportunities for the activities of Executive bodies in the field of citizenship; stability of the main internal relations and internal coordination of the work of individual parts of the state mechanism (Amandykova, 1998).

Methodology

The Republic of Kazakhstan is a multinational, multi-ethnic state. According to statistics, as of June 1, 2019, the population of Kazakhstan was 18 million 489.7 thousand people (Zimanov, 2008), they belong to more than one hundred nationalities and nationalities.

In the period from 1731 to 1986, there were about 700 national liberation uprisings and movements for their freedom in our country. In the past centuries, our people have been repeatedly subjected to demographic catastrophes. As a result of the famine of 1931-1933, 49% of the Kazakh people died for liberation, with the exception of those who were in the battles for freedom, and about 1 million refugees were released abroad. In the first half of the twentieth century, our people died from various problems, went to other countries, lost only 5 million people. It was an irreparable, grave tragedy.

In the period from 1870 to 1970, about 7 million people were evacuated to Kazakhstan, not even counting the network of camps, German and Japanese prisoners. In 1897, in the first Russian census, the number of Kazakhs in Kazakhstan was 81.7%, and in 1962-29% under the rule of Khrushchev. Thus, the Kazakh people were ignored as a nation. This was the real Koran of the national policy of Lenin's «genius» nation, which at that time led us to the song and motto. The territory of Kazakhstan, which occupies the ninth place in the world in terms of its territory, has almost

completely turned into a testing ground for nuclear and biological weapons. These tests not only poisoned the Kazakh land, but also weakened the life of our people. The spirit of the population, wear and tear of the place. The beginning of the new year-August 29, 1949, the beginning of nuclear tests at the Semipalatinsk nuclear test site remained only after the Decree of the Head of state on August 29, 1991. After it fell into the Red imperatoria, when it shot down independence, our language, mentality and religion, our country turned into a path of development (Sman, 2008).

Citizens of the Republic of Kazakhstan fully enjoy the guaranteed civil, political, economic and social rights and freedoms proclaimed by the Constitution and laws of the Republic of Kazakhstan. The concept of «citizenship» «comes from section II of the Constitution of the Republic of Kazakhstan of 1995» Man and citizen». In accordance with article 10 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, citizenship of the Republic of Kazakhstan is accepted and terminated in accordance with the procedure established by law, is uniform and equal, regardless of the basis on which it was obtained. A citizen of the Republic of Kazakhstan may not be deprived of citizenship, the right to change their citizenship, or be expelled from Kazakhstan.

In general, the issue of citizenship is one of the main topical issues of the constitutional legislation of various States, including Kazakhstan and the United Kingdom. Traditionally, the concept of civil society is closely linked to the relationship between an individual and the state, which guarantees citizens certain rights and obligations, and the legal status of full members of society (Brooks, 2013).

In addition, there is an opinion that the concept of citizenship is based on the concept of a society with disabilities. As a rule, society is a sovereign social entity, and the state at its center organizes the rights and obligations of each member of society. Most basic social relations operate on the territorial borders of each society. The state has a monopoly of competences on the territory of the society. Any group of society-economic, social, political, cultural, gender, etc. – is assumed to have a social structure. In general, such relationships are a social structure where the life opportunities of each member of a given society are organized and regulated (Coulton, 2012).

Creating a new democratic state, living on equal terms, and modernizing civil society-all this is due to constitutional reform that strengthens « citizenship», which means that civil and political rights and responsibilities should not only be official, but also in their real life in all members of society. in the final and comprehensive consideration of the civil concept, we must first pay attention to its content, second, its boundaries, third, the concepts of conformity and ewmax, the competence and scope that combine rights and obligations (Dorf, 1996).

During the development of legal science in the Republic of Kazakhstan, historical principles of creating the institution of citizenship were formed, which have now found their legal significance and vision in national legislation.

Recently, the concept of citizenship has become a broader contract that constitutes rights and obligations for all citizens. The laws, rules and practices that govern democracy protect and support their commitment to the equality and dignity of all our citizens. Sometimes it is necessary to confront cultural experiences that contradict these core values. In General, civil society is based on fundamental human rights and responsibilities.»Civic means finding a common place in different cultures and beliefs in accordance with our core values.» in my opinion, a person is considered a citizen of this country only if it is an active subject of a historical and socially significant process at a critical time of society or the state. The institution of civil society is closely linked to the development of the state; it is important in the life and development of the state. It implements the constitutional regulation of basic principles at the state level (Ewing, 2005).

An individual can fully understand all rights and freedoms only as citizens of one state; this includes the right to participate in the political life of the state, which is a determining factor for States that are democratic in nature, the right to participate in elections and to be elected to state bodies and local self-government bodies (Finnis, 1994).

Article 15 of the universal Declaration of human rights confirms that a person's nationality is a fundamental right. It provides for the acquisition of rights within the country concerned, and in turn provides for prosecution for non-performance. Thus, the state defines various rights and obligations, and

their content depends on whether a person is a citizen of that country or not.

Civil-one of the factors that Express the formation and existence of modern statehood. In accordance with the decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated January 20, 1998 No. 3827 «on professional and other holidays in the Republic of Kazakhstan», the law of the Republic of Kazakhstan «on professional and other holidays in the Republic of Kazakhstan» has been in force since January 1, 1998, which comes into force after ten calendar days after its first official publication. In fact, the civil state is a political and legal manifestation of its population, people, people and citizens.

According to academician Sapargaliev, the concept of citizenship should be considered not as a political and legal phenomenon, but as a social and legal phenomenon, since it is one of the main factors in the formation and further existence of modern statehood. When viewed as a political and legal phenomenon, its integral character disappears, it ceases to exist as a social phenomenon.

For the development of a civil law state and the creation and formation of civil society. As a civil socio-legal institution develops at the state level. The formation and development of citizenship as an integral part of the modern legal field depends on the level of political and economic development of the country, which is provided by the complex of rights and freedoms of each citizen. It is supported by responsibility for the actions or omissions of subjects that harm the guaranteed interests.

Legal regulation of the acquisition of citizenship is carried out independently by each state, based on the principle of state sovereignty. This means that citizenship is reflected in the close relationship between the citizen and the state.

The most important difference between a member of a particular state and the institution of citizenship is behavior in relation to social groups that make up the political body of civil society, if the former regulates behavior in social groups (Fuller, 1956).

The experience of many successful economies in the world shows how important the role of every citizen of Kazakhstan in the formation of statehood, fostering a sense of patriotism, leading to an increase in the level of civil identity among the citizens of the country. the Patriotic feeling of a man should be directed to one country, to one state. Due to the

fact that a person's citizenship is linked to the state, respectively, their citizenship is closely linked to their homeland, Homeland and patriotism. Consequently, civic consciousness and patriotism are integral elements of civic identity. Civil identity unites the people, it is the core of social integration (Goodpaster, 1973). Nevertheless, citizenship is expressed not only in the performance of people's duties, but also in the ability to defend their interests at the level of the state, state bodies, officials, and the ability to solve their problems.

Civil society is a constantly developing, advanced phenomenon. Due to the lack of full citizenship, its essence, activity, quality, structure and overall mechanism are damaged. Such historical events as violent policies for people of the Soviet period, including the deportation to Kazakhstan of political repressions, Chechen, Ingush, Korean, Kurdish and other nationalities, not only destroyed the concept of citizenship, but also led to the collapse of the former Soviet States, active political isolation of citizens. The institution of civil law recognized in the words "established « did not even allow a sense of citizenship to actually become and develop in the minds of the population.

The citizenship Institute provides an opportunity to share public and shared interests during its development process. Civil society is not a static object, it is a constant relational process that defines roles, hierarchy, and relations in society, changing along with the concept of territoriality. (Howard, 1987) as for the history of the formation and development of the institution of citizenship, in Soviet times in the Kazakh steppe, because of the class approach, the people were divided into two parts: workers and exploiters. Workers formally own rights and freedoms, exploiters had absolutely no political, socio-economic rights and freedoms, and other rights were restricted. Surprisingly, neither in the absence of full citizenship nor in the absence of full citizenship, workers and exploiters were recognized as citizens of the state, even if they are not full citizens of the country.

The history of the Kazakh people, the development of the Kazakh people, the Kazakh culture, the history of representatives of other nationalities living in Kazakhstan is a system of priceless values, with a broad history root. In accordance with the Law of the Republic of Kazakhstan «on state youth policy in

the Republic of Kazakhstan» and the decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated August 31, 2012 No. 1119 «on approval of The rules for holding a competition for an administrative public position and forming a competition Commission» (hereinafter-the rules) for holding an administrative public position of corps «B»: Only a state that highly values the values of a person and a citizen can flourish. Consequently, a state that can correctly implement the concept of multiculturalism is developing and thriving. In Kazakhstan, the unity of ethnic groups, peace in the country and beyond, and the preservation of national identity will lead to a bright future for Kazakhstan.

Scientists who have studied the concept of multiculturalism include: U. Kimlika, S. Benhabib, M. Vevierka, S. fish, M. Walzer (Mantu, 2009), and others. Currently, a number of domestic and Russian scientists are comprehensively studying the advantages, Advantages, harms and harms of implementing this concept. Among lawyers, cultural scientists and political scientists, there are quite a lot of supporters of multiculturalism, and others. Scientists who believe that the promotion of multiculturalism has no benefit often rely on the experience of developed countries such as the United Kingdom, France, and Germany. (Margot, 2003) German Chancellor Angela Merkel, former British Prime Minister David Cameron, former French President Nicolas Sarkozy said that multiculturalism in their countries has fallen and failed (Marochini, 2012). According to many scientists, European countries reject multiculturalism, so the country should avoid critical moments that hinder society, preserving national and spiritual values, and not forget about the special responsibility of the Kazakh people as the organizer of all Nations.

Lawyer, Professor G. Sapargaliev "since each national group has come under the influence of indigenous national culture, it goes beyond the unified cultural space of Kazakhstan. As a result, unnecessary ideological elements can be introduced into the culture of national groups. And it threatens inter-ethnic harmony. The risk may arise not only from these sources. Unfair use of mass media in the modern conditions of the information revolution is a source of threat to the culture and morality of the people of Kazakhstan, for which there is no concept of territorial state space, « the critical sides of

multiculturalism noted. The head of state in a recent interview dedicated to the unity Day – may 1, said that he is constantly worried.; «For 25 years, we have learned to live without conflicts, conflicts, but even the safest countries in the world become the target of terrorist attacks, so inter-ethnic and inter-religious relations are closely monitored,» he said. Stability and harmony are not formed with themselves, it must be a person, be a nation, society, state, labor-intensive work.

Nevertheless, on the basis of a balanced and far-sighted policy of the Head of state, the developed multiculturalism, cohabitation and interaction of ethnic groups within the same country have borne fruit: a special Kazakh (Eurasian) mentality has been activated, a special spiritual situation has emerged that does not perceive isolation, nationalism. The whole world is aware of our society, which lives under a peaceful sky, where there are citizens of different nationalities, where friendship and harmony between different peoples and ethnic groups reign. This indicates that Kazakhstan occupies a worthy place in the world community.

If you look at the history of multicultural development in the country, it is the tsarist government that begins with the implementation of the colonial policy of Kazakhstan. Due to the weakness of the administrative reforms of the tsarist government, starting from the sixties of the XIX century, it switched to the “most reliable” way of colonization, that is, the relocation of Russian and Ukrainian peasants to the Kazakh land. At the end of the XIX century, Uighurs and Dungans were resettled in Kazakhstan, during the Second world war-German, Korean, Ingush, Kurdish, Polish, Kalmyk, Karachay, Chechen, Balkar, Crimean Tatars, Meskhet Turks and others. The article deals with the issue of the origin of the Kazakh genera of the Elder Zhuz: suryoyo, Dulat, Alban, Suan, ysty, Shaprashty, Oshakty, Sergeli from the point of view of population genetics and data Shezhire. The tsarist government, through a totalitarian system, was called upon to destroy the national consciousness and lead the process forever. And politics during the great Patriotic war-this is the suspicion of those who exercised the Bolshevik power, go to the side of the enemy. In order to release this suspect, several nationalities were deported; the number of forcibly deported according to 1945 data was about

2 million 464 thousand (Olson, 2015). The threat of opposition to the Fatherland closely United all the peoples and peoples on the territory of the USSR, which formed fifteen Union republics. after the collapse of the USSR, the Kazakh land became closely connected and closely associated with the diverse culture of representatives of different nationalities who inhabited modern Kazakhstan.

Great Britain is a long-term immigration country, largely recognized as a multi-ethnic state based on its colonial history and the Commonwealth system. However, after the EU expanded, especially after it expanded to the East, there were concerns about immigration. In 1992, after the creation of the European Union, all its member States, while retaining their citizenship, adopted EU citizenship.

Both civil and feudal advantages in Western liberal States, and inherited status that increases a person's life opportunities.

The country where she obtains citizenship and accepts it has its own requirements and features. I believe that the issue of acquiring British citizenship, its advantages and disadvantages. How difficult is it to become a citizen of such a developed country? This is one of the most pressing issues in the modern legal system. Because in the conditions of modern globalization, the migration process takes its turn all over the world. Therefore, such issues as obtaining, accepting, and dual citizenship are relevant in every legal system. In General, I try to reveal the aspects, priorities and problematic aspects of accepting British citizenship.

Tensions in the UK, between Brits and other nationalities (especially Scots), the development associated with the European Union and the adoption of European citizenship, the absorption of immigrants (especially unlikely Muslims), the decline in the welfare of the population and the stress on the social rights of citizens (Tropey, 2000) - all this has affected the lively debate over British nationality and citizenship.

The legal regulation of civil relations in the UK differs significantly from the legal regulation of citizenship in the Republic of Kazakhstan, which is due to the presence of case law in the country's legal system. A special influence on the formation of a special regulation of citizenship on the territory of great Britain is the historical formation of a country of a colonial character.

The concept of «nation» – in the citizenship act 1981 on citizenship, which characterizes citizenship as a defined legal relationship between a British citizen and the UK itself, as well as with all former Commonwealth of Otar States, the concept of «citizenship» - includes legal relations with a British citizen and directly with the UK and its dependent territories.

The national legislation of the United Kingdom regulates such methods of acquiring British citizenship:

- By birth (a child born in the UK, one of the parents is a British citizen or resident in the country, is considered a British citizen);
- By place of birth (if the child was born outside the country and one of the parents is a British citizen, the child is considered a British citizen);
- On naturalization (acceptance of citizenship). An applicant for adult British citizenship is strictly checked for compliance with the requirements of the citizenship act 1981. Citizens who wish to take British citizenship may be required to have knowledge of English, Scottish or Welsh, permanent residence in the UK, Royal service, etc. If a British citizen marries a citizen of another country and the latter seeks to obtain British citizenship, the requirements can be greatly simplified. Adults can apply for British citizenship for at least five years in the UK or three years married to a British citizen. It can be noted that becoming a citizen of a certain society is the process of discovering the natural essence, existence of a national group. This is a characteristic of naturalization. Thus, naturalization is largely carried out as an explicit expression of the process of nationalization (Urry, 2015).

Registration (in the case of a minor who has the right to do so but has not used it for various reasons; Registration of an adult resident in the territory of another state but under British protection and entitled to British citizenship under the citizenship act 1948; registration of an adult citizen of Islands belonging to Britain and territories that are British dependencies) (Varun, 2015).

A significant contribution to the legal regulation of citizenship in the UK is considered to be the adoption

of the citizenship act in 1948 (British Nationality Act, 1948). This law defines three statuses: - Citizenship of the United Kingdom and its colonial countries;

Citizenship Of The United Kingdom;

- citizenship of dependent countries (Zhang, 2015).

Results and Discussion

The scientific novelty of the article consists in the author's approach to the study of the legal foundations of regulation and protection of human rights and freedoms. In the paper, from the point of view of globalization, the essence and significance of the legal status of the individual were investigated; features of the historical stages of the development of the status of a person are revealed; a comparative analysis of the legal status of a person in the Republic of Kazakhstan and the UK.

In determining the legal status of a person, foreign experience is considered in the content of the work. In our opinion, we would like to make suggestions on improving the legislation of the country governing the area of the legal status of an individual, in particular: to administer justice in our country, we need to introduce the principles of English law, for which we use the practice of English in our judicial practice. This is a reflection of the exercise of the judiciary and human rights in developed democracies. The research is based on the need for further training of judges on the basis of British judicial practice, improving the judicial system in the country, preparing judges for international affairs, which increases the legal status of the individual, further development of the rule of law, civil society and legal awareness and culture of citizens. A scientific analysis of the application of English law in the legal practice of Kazakhstan was carried out. It has been argued that this process is necessary to ensure and develop the rule of law in the Constitution and international law.

An updated system that confirms the status of a person should be one of the fundamental principles of state and social structure. It should determine the list and content of fundamental and sectoral human rights, freedoms and duties, state goals, tasks and content of state bodies. These questions are carefully studied and recommendations are given in the article.

Conclusion

In the research the following scientific conclusions were reached by the author: Human rights were the result of a certain stage in the development of society, in which public consciousness reached a level of understanding of the importance of the preservation of each person for all social perspectives. Rights were also the result of a society that had conquered a certain socio-economic level that allowed it to meet human needs. Of course, the state, due to its weak economic, political, social and other development, cannot meet all the vital needs of man. However, for the development of a progressive rule of law and society, the perspective ideas implemented in the policy of the human state give grounds to say that the field of human and civil rights is inexhaustible and especially important.

The ways in which human rights and freedoms are enshrined and reflected in law vary, but in most cases their main source is constitutions. The issue of the status of the individual is one of the main issues in the content of the constitution. Constitutional regulation of the status of a person and a citizen is basic, fundamental, as well as primary, derivative, basic, as it determines the content of laws and other legal acts relating to the status of an individual.

In fact, for the first time the constitutional enshrinement of human and civil rights and responsibilities was enshrined in the 1937 Constitution of the Kazakh SSR. The next Constitution of the Kazakh SSR of 1978 further strengthened the legal status of man and citizen. However, the current Constitution of the independent Republic of Kazakhstan, adopted on August 30, 1995, for the first time declared man, his rights and freedoms as the highest value, became the basis not only for international principles of human and civil rights, but also for accession to a number of international conventions.

The creation of the legal status of a person and a citizen in the UK is associated with the formation of constitutional law. The fundamental rights and freedoms of various categories of citizens should be considered not only in the classical legal acts of the «unwritten» constitution of the United Kingdom, but also in the absence of a consolidated Constitution as constitutional acts in the Great Charter of Freedom in 1215, the Petition of Rights in 1628, the current European Convention on Human Rights, 1998

reflected in the Act on Human Rights (Howard, 1987).

International law promotes the formation of basic principles of civil law regulation, such as the right to citizenship, the prohibition of voluntary deprivation of citizenship. These general principles are aimed at the convergence of national legal systems on matters of citizenship, serve as a criterion for the legitimacy of domestic acts of citizenship and are the link between the institution of citizenship in constitutional and international law. In the UK, there are three types of specialized government human rights institutions dealing with human rights, working independently of each other - the Ombudsman (Parliamentary Commissioner), the Commission on Human Rights, and the Special Commissioner for the Protection of Certain Types of Subjective Rights and Legal Interests.

According to the legal doctrines of the Republic of Kazakhstan and Britain, the most important elements that form the basis of a person's legal status are citizenship, the principles of legal status and the basic rights and freedoms of direct citizens. The general principles of the legal status of an individual predetermine the basic boundaries of a person's legal status in all areas of the exercise of his legal capacity, regardless of the regulation of public relations in any public sphere. Fundamental rights, freedoms and responsibilities form the basis, core, core of the legal status of man, which is determined by the integrity of the norms of all areas of Kazakhstani and British law.

It is necessary to increase the number of institutions, bodies and organizations that protect human and civil rights and freedoms in the Republic of Kazakhstan. It is necessary to pay attention to the quality, function, optimal solution of issues in accordance with the law. It would not be wrong to say that the legal protection of any issue through appropriate legislation, the ratification of international legal treaties in the state, the opening of a large number of quality commissions to advise on the implementation of the law - a solid step towards improving human rights and freedoms.

There are some recommendations for the actual application of research results. The positive aspects of the institution of the Ombudsman of the United Kingdom should be introduced into the practice of our country. In particular, the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated September 19, 2002. About the Commissioner for Human Rights,

approved by the Decree N 947 to include in the rules the position of “Parliamentary Commissioner for Administrative Affairs”, “Commissioner for Pensions”, “Commissioner for Press Complaints”, “Commissioner for Trade Union Affairs” to consider complaints of citizens against negative governance. It is necessary to introduce the principles of English law in the country for the administration of justice. The prestige of British judges is so high that they resolve not only domestic but also international disputes. British judges are considered to be the strongest judges in the world. We need to improve the skills of judges on the basis of improving the judicial system of the country, so that we can train judges to decide cases not only at the national level, but also at the international level.

Литература

- Амандыкова, С. (1998). *Конституционное право Республики Казахстан: Учеб. пособие для юрид. факультетов*. Караганда, Болашақ баспа. С.60.
- Brooks, T. (2013). *The Life in the United Kingdom Citizenship Test: Is it Unfit for Purpose*. P. 4.
- Coulton, N. (2012). God, the Bible and human rights. *Ecclesiastical Law Journal*. 14(2). P.284.
- Dorf, M. (1996). Incidental burdens on fundamental rights. *Harvard Law Review: JSTOR*. N109(6). P.1175-1180.
- Ewing, K. (2005). Tham Joo-Cheong. The continuing futility of the Human Rights Act. *Public law*. p. 693.
- Finnis, J. (1994). Natural Law and Legal Reasoning: in his *Natural Law Theory. Contemporary Essays*. Oxford. P.88.
- Fuller, L. (1956). Human Purpose and Natural Law. *The Journal of Philosophy*. N53(22). P.699.
- Goodpaster, G. (1973). The Constitution and Fundamental Rights. *Ariz. L. Rev. HeinOnline*. N 15. p.480.
- Howard, R. Donnelly J. (1987). What are Human Rights in International Handbook of Human Rights? *Greenwood press*. N 1 (36). P.2.
- Mantu, S. (2009). *Deprivation of Citizenship in the United Kingdom*. 181 p.
- Margot, E. (2003). Globalisation of Responsibility: Interdependence and Cooperation in the Protection of Human Rights in International Law. *The London School of Economics and Political Science*. p.55.
- Marochini, M. (2012). Indivisibility and Interdependence of Human Rights – Should There Be Limits to The European Court of Human Rights Reading Significant Socio-Economic Elements into Convention Rights? *The University of Dundee*. P.34-38.
- Olson, M. (2015). et al. Citizenship discourses: production and curriculum. *British Journal of Sociology of Education*. Vol. 36. No. 7. 1036 p.
- Tropey. (2000). The Invention of the Passport: Surveillance, Citizenship and the State. *Cambridge University Press*. p.159.
- Urry, J. (2015). Globalization and citizenship. *Journal of World-Systems Research*. Vo. 5. No. 2. 312 p.
- Varun Uberoi Tariq Modood. (2015). Multiculturalism Rethought: Interpretations, Dilemmas and New Directions. *EUP*. 5 p.
- Zhang, C., Lillie, N. (2015). Industrial citizenship, cosmopolitanism and European integration. *European Journal of Social Theory*. Vol. 18. No. 1. 95 p.
- Зиманов, С. (2008). *Қазақтың билер соты-бірегей сот жүйесі*. Алматы. 216 б.
- Сман, А. (2008). Правовое положение личности в Республике Казахстан (конституционно правовой аспект): автореф. д.ю.н.: 12.00.02. Алматы. С.8.

Financial performance of banks: case of negative interest rate countries*

A. Bazarbayeva¹, A. Sailau², A. Faizulayev³

¹ Masters in Bang College of Business (BCB), KIMEP University Office. Kazakhstan, Almaty
e-mail: aliya.bazarbayeva07@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3547-4148>

² Research Fellow. Research And Development Department.
Almaty Management University. Kazakhstan, Almaty
e-mail: akzhan.sailau@kimep.kz
<https://orcid.org/0000-0002-0212-0538>

³ Assistant Professor in Acc & Fin of Bang College of Business (BCB),
KIMEP University Office. Kazakhstan, Almaty
e-mail: a.faizulayev@almau.edu.kz
<https://orcid.org/0000-0002-0212-0538>

Abstract. The aim of this study is to observe the effects of bank-specific and macroeconomic variables on the financial performance of conventional banks operating in new classified countries (countries with negative interest rates) over the period of 1997-2017. In order to empirically investigate profitability determinants, we employed OLS method (FGLS panel-data model). The results show that bank specific and macroeconomic variables are very crucial in explaining the profitability. The originality of this work is the classification of countries by interest rate policy.

Keywords: Banks, Negative Interest Rate Policies.

Абстракт. Целью данного исследования является наблюдение за влиянием специфических для банков и макроэкономических переменных на финансовые показатели обычных банков, работающих в новых классифицированных странах (странах с отрицательными процентными ставками) в период 1997-2017 гг. Для эмпирического исследования детерминант рентабельности мы использовали метод OLS (панельная модель данных FGLS). Результаты показывают, что банковская специфика и макроэкономические переменные очень важны для объяснения рентабельности. Оригинальность данной работы заключается в классификации стран по процентной политике.

Ключевые слова: Банки, политика отрицательных процентных ставок.

Introduction

There are big transformations in banking operating system can be seen within the last two decades. Either external and internal factors significantly influence the structure and performance of banks. Banks are considered to play a major role in financing economic

activity and in separate segments of the market. Profitable banking sector is better in resisting negative shocks, moreover they are able to contribute towards the stability of the financial system in general. Hence, academics, bank management, financial markets, bank supervisors are deeply interested in bank determinants of bank performance. Linear models is

* А. Базарбаева (Магистр Факультета бизнеса имени Бэнга, Университет КИМЭП офис. Казахстан, Алматы), А. Сайлау (Научный сотрудник, Research and Development Department, Алматы Менеджмент Университет. Казахстан, Алматы), А. Faizulayev (Старший преподаватель факультета бизнеса имени Бэнга, Университет КИМЭП офис. Казахстан, Алматы). «Финансовые показатели банков: примеры стран с отрицательной процентной ставкой».

used in most of the studies bank profitability, such as (Short, 1979), (Bourke, 1989), (Molyneux & Thornton, 1992), (Demirgüç-Kunt & Huizinga, 2000) and (Goddard et al., 2004) in order to assess the impact of numerous factors that may have a significant impact on explaining profits. In this study we investigate the effect of bank-specific and macroeconomic determinants on bank profitability. The group of the bank-specific determinants of profitability involves capital adequacy, efficiency, credit risk and liquidity. The second group of determinants relates to the macroeconomic environment within which the banking system operates. In this context, we include GDP growth, inflation rate, corruption rate, political stability and banking crisis dummy among the explanatory variables.

The paper is organized in the following manner. Section 2 represents the literature on bank profitability. Section 3 discusses stata and methodology. Section 4 shows empirical results. Section 5 summarizes the paper.

Literature Review

Key determinants of banking sector performance call substantial attention of academia, financial markets and bank management (P. P. Athanasoglou et al., 2008). According to the empirical findings and theoretical justifications, it was concluded that there were some internal and external factors that had a great influence on commercial banks. Concerning theoretical reasoning, researches (the late 1980s/early 1990s) began to implicate market power (MP) and efficiency structure (ES) theories (P. P. Athanasoglou et al., 2008). Results of MP assert that market structure actually alters performance of banks. Businesses operating in highly concentrated industries can easily settle costs and heighten rates, that leads to spreading of their monopolistic power as well as attaining more lucrative rates in comparison with firms concentrated in small industries (Li et al., 2017). Conversely, ES theory suggests that developing the efficiency of management and scale proficiency bring to higher concentrations and extra profit due to lower charges and economies of scale. As reported by (Olweny & Mamba, 2011), the balanced portfolio model is the most applicable and significant in evaluation of bank performance; it supports the bank's portfolio conformation and asset diversification. In the

literature, empirical studies investigating financial performance of banks apply variables, which are classified into three groups: (1) individual bank-specific factors (2) banking sector/industry specific factors and (3) macroeconomic indicators. Some empirical findings may underline the importance of one group's variables, while others consider two or all three categories. Furthermore, some researches were oriented towards specification of individual country's banking systems, while the rest have concentrated on countries panels (P. P. Athanasoglou et al., 2008), (Alper & Anbar, 2011), (Munyambonera, 2013), (Căpraru & Ihnatov, 2014), (Dietrich & Wanzenried, 2014), (Tan, 2016). In the meantime, there are several investigations demonstrating the opposite results on the same studies with substantive distinctions. By way of illustration, this distinction may be seen in the case of bank size and relationship between size and profitability; some studies state that the bank size negatively effects on profitability of banks (Tan, 2016) whereas according to (Alper & Anbar, 2011) growth of bank size increases the bank profitability. Apart from that, some studies demonstrated no statistically noticeable connection between bank size and profitability (Dietrich & Wanzenried, 2014). These conclusions refute the size hypothesis that asserts that there is a higher chance of large banks' benefit misuse of the economies of scale in their transactions.

Studies dealing with internal determinants employ variables such as bank adequacy, risk management (liquidity ratio & credit risk) and efficiency.

Risk management: The risk management is another important factor of the banking performance that controls an asset quality and levels of liquidity. In order to reduce risks, the majority of financial institutions are diversifying portfolios or increasing their liquidity during the crisis period. Regarding the situation, the risk may be classified as credit risk or liquidity risk. In the findings of (Molyneux & Thornton, 1992) results have been shown that the levels of bank liquidity and profitability had negative and significant relationship. On the other hand, (Bourke, 1989) found a contrary result, showing the negative relationship between credit risk and bank profitability (Miller & Noulas, 1997). The explanation of findings is that banks tend to expose more high-risk loans to customers, which in the future lead to the accumulation of more unpaid loans. It mostly implies these loans to produce minimum returns.

Capital adequacy: The capital adequacy is one of the fundamentals of ratio in the measuring of banks' capital capacity. The ratio consists of equity to total assets, and it can be explained as the higher the ratio, the higher bank performance and the lower the foreign findings in these banks. In other words, the high ratio depicts that bank is able to reduce its risk exposing with stakeholders and swallow the costs. Furthermore, the ratio can be positively related with bank profitability which explains that banks with higher capitalization have lower risk to go into bankruptcy that decreases its losses from funding and costs ((Berger et al., 1993), (Bourke, 1989), (Bashir, 2003). However, (Beckmann, 2011) dispute that if capital is high, it produces lower profit, because well-capitalized bank are more risky, and they do not invest in potential projects with high returns, as a consequence, a low risk, in turn leads to low returns. According to (Olweny & Mamba, 2011) the banks with higher CA ratio are considered as a well-performing and have lower level of default.

Turning to the external determinants of bank profitability, we consider variables, such as GDP Growth, Inflation, Corruption, Political Stability and Dummy.

GDP Growth: GDP Growth can measure the total economic activity, adjusted to inflation. Actually, it substantially affects to demand and supply of banks deposits and loans. According to studies, GDP Growth positively related to bank profitability (Demirgüç-Kunt & Huizinga, 1999), (Demirgüç-Kunt & Huizinga, 1999). At the meanwhile, studies of (Alper & Anbar, 2011) also showed a positive relationship between bank profitability and GDP development in case of increasing demand on lending.

Inflation: This measurement is used for estimating changes in CPI for all goods and services. It has an effect on revenues and costs. According to the study of (Perry, 1992) inflation can have positive or negative effect on profitability depending on it was anticipated or not. Therefore, in the case of anticipation, banks have a possibility to adjust interest rate in purpose of profit increase. In contrast, when inflation was not anticipated, there are no any bank adjustments and therefore, it leads to the situation when cost enhances faster than revenues (Alper & Anbar, 2011). In the study of (Dietrich & Wanzenried, 2014) was found negative effect on profitability, when inflation was not predicted correctly ((Faizulayev et al., 2020).

Corruption: There is no clear connection

between corruption and banks profitability, however, (Bougatef, 2015) suggests that corruption may contribute to the issues with bad loans, which lead to negative profitability. On the other hand, (Mauro, 1995) found that different varieties of corruption (e.g "speed money") may have even a positive effect as avoidance of bureaucratic delay. At the same time, (Mongid & Tahir, 2011) in his study suggests that corruption may overstate the worth of crisis. The empirical study proposes that foreign banks have more lucrative profit on comparison with domestic ones in the environment of corruption.

Dummy: In order to differentiate the performance of Islamic banks and conventional banks, time variable will be used in the study. Additionally, during the crisis time, especially in 2009-2011, such dummies are widely used to identify the impact on both IB and CB performance. In 2007, the financial crisis has been occurred in the US and spread into the emerging countries by 2008 (Chazi & Syed, 2010). In the studies of (Faizulayev et al., 2020), similar indicator is used to cover the effect of the crisis on QISMUT+3 countries during 2009–2011.

NIM: We use Net Interest Margin (NIM) as a dependent variable to proxy for profitability. NIM is well-known profitability indicator that illustrates whether bank has made reasonable decision while setting the loans. The measure of NIM ratio is net interest income to the total asset, and it is used in the literatures of (Kosmidou & Zopounidis, 2008), (Spathis et al., 2002), and (Dietrich & Wanzenried, 2011).

Overall, the using references gives detailed explanation of in-door and industry-specific indicators that impacts on bank profitability, while the macroeconomic determinants' results may vary depending on their proper estimation.

Data and Methodology

We are investigating profitability determinants by observing the influence of bank-specific and macroeconomic variables on the financial performance of conventional banks operating in new classified countries (countries with negative interest rates) by employing Feasible Generalized Least Squares method. The data is collected from the World Bank database over the period of 1997-2017. The following

baseline will be estimated in order to determine the fundamental relationship between each variable:

$$Y = \beta_0 + \beta_1 TETA + \beta_2 CTI + \beta_3 NPL + \beta_4 LIQ + \beta_5 LGDP + \beta_6 inf + \beta_7 CRP + \beta_8 POL + \beta_9 DUM + \varepsilon$$

Y = The financial performance of bank as expressed by the NIM.

β_0 = is the constant parameter.

β_1 -9 = are model coefficient parameters.

ε = residual term

Table 1. Summary and measurement of the variables

Symbol	Variables	Proxy	Researchers
Dependent variables			
NIM	Net interest margin	Net interest income/total assets	(Naceur, 2003)
Independent variables:			
Bank specific variables			
TETA	Capital adequacy	Bank capital to total asset (%)	(Boadi et al., 2015), (Bourke, 1989), (Bashir, 2003)
CTI	Efficiency	Bank cost to income ratio (%)	(Munyambonera, 2013)
NPL	Credit risk	Non-performing loans to gross loans (%)	(P. P. Athanasoglou et al., 2008)
LIQ	Liquidity ratio	Liquid assets/total assets (%)	(Bourke, 1989), (Molyneux & Thornton, 1992)
Macroeconomic variables			
GDP	GDP growth	GDP logarithm	(Demirgüç-Kunt & Huizinga, 1999), (Bikker & Haixia, 2002)
Inf	Inflation rate	Annual inflation based on CPI	(Perry, 1992), (Bourke, 1989); (Molyneux & Thornton, 1992), (Bashir, 2003); (Kosmidou & Tanna, 2005)
CRP	Corruption rate	Control of corruption: percentile rank	(Mongid & Tahir, 2011), (Chen & Liao, 2011)
POL	Political Stability	Political stability: percentile rank	(Alesina & Perotti, 1996), (AY YALÇINKAYA et al., 2016)
DUM	Banking crisis dummy	1=Banking Crisis, 0=None	(Faizulayev et al., 2020), (Dietrich & Wanzenried, 2011), (Mirzaei et al., 2013)

Dependent Variables: The net interest margin (NIM) is used as a measure of performance in the study. The NIM variable is defined as the net interest income divided by total assets. And it gives an estimation of the profit earned on interest activities. (Naceur, 2003).

Independent Variables: In this article the following bank-specific characteristics as internal determinants of bank profitability are used:

Capital Adequacy: We use the ratio of equity to total assets (TETA) which represents the bank readiness to incur losses and get risk exposure with shareholders.

We assume that if this ratio is high then the necessity in external funding is reduced and bank profitability becomes higher. The expected positive relation between TETA and performance concludes that well-capitalized banks encounter lessened cost of becoming bankrupt which leads to the decreased funding and risk costs (Boadi et al., 2015), (Bourke, 1989), (Bashir, 2003).

Efficiency: We calculate efficiency by bank cost to income ratio (%) that represents how banks can be efficient in terms of allocation of resources and utilization as human and technological changes.

In studies this link was found as a negative one. In theory such relationship can be explained by the assumption that higher costs negatively influence to profitability of bank. This conclusion can be explained by high operational costs among commercial banks. (Munyambonera, 2013).

Credit Risk: We use the ratio of non-performing loans to gross loans (NPL). In literature, increased exposure to credit risk usually associated with low level of firm profitability and, hence, negative relationship is expected. However, banks take measures to monitor the credit risk and implement policies to foresee the future risk, and in the result, they can get an improved profitability level. Therefore, credit risk can be considered as a predetermined variable (P. P. Athanasoglou et al., 2008).

Liquidity: We use the ratio of liquid assets to total assets (LIQ) to measure a liquidity. The high percentage of this ratio shows a high level of bank liquidity. One of the biggest bank failure reasons is low level of liquidity. On the other hand, there is an opportunity cost of higher returns while keeping the liquid assets. According to study of (Bourke, 1989) there is a positive relationship between bank liquidity and profitability. However, banks may grow cash holdings in order to decrease the risk level in times of insatiability. Oppositely, (Molyneux & Thornton, 1992) state on negative correlation between liquidity and profitability levels.

Macroeconomic Variables: We use the following macroeconomic characteristics as external determinants of bank profitability:

GDP growth: We use GDP growth estimated by GDP logarithm (GDP) to measure the total economic activity adjusted inflation. It has a significant influence on numerous factors as demand and supply of deposits and loans. According to the literature there is a positive relationship between GDP and bank profitability due to increased level of the demand for lending (Demirgüç-Kunt & Huizinga, 1999), (Bikker & Haixia, 2002).

Inflation rate: Inflation rate (Inf) estimated by annual inflation based on Consumer Price Index (CPI) measures overall growth in CPI for all goods and services. Inflation has an impact on revenues and costs. The relationship between Inf and profitability has either positive or negative impact depending on whether it is expected or not (Perry, 1992). Banks adjust interest rates in order to increase revenue in case of anticipation of Inf. Contrarily, costs will increase faster than revenues of Inf

is not expected. However, majority of studies states a positive link between Inf and profitability (Bourke, 1989); (Molyneux & Thornton, 1992), (Bashir, 2003), (Kosmidou & Tanna, 2005).

Corruption rate: We use corruption rate to measure the level of public corruption (CRP). (Mongid & Tahir, 2011) found an interesting result from corruption index (CRPIX) which was positive (0.04) and significant at 5%. They suggest that operation of banks in environment of corruption may flourish on pricing regarding lending and deposit rates. In fact, banks enjoy profitability even if they are inefficient, because of ability of compensating higher cost due to corrupt environment and increasing more revenue. On the other hand, (Chen & Liao, 2011) found an opposite negative impact of corruption on bank profitability.

Political stability: We use political stability variable to determine the profitability of the banking sector. In accordance with (Alesina & Perotti, 1996) the consequences of political instability lead to increased risk in economy which comes from political risk. Because of tight link between these two sectors it also impacts microeconomic and macroeconomic performance of the country negatively. Therefore, the banking sector which is a fundamental of financial sphere should be exposed to influences either in supply and demand. Of course, we can see a particular impact on supply side due to increased risk, however, costs of banks are also rises in the same manner. (AY YALÇINKAYA et al., 2016)

Banking crisis dummy: The dummy variable estimated 1=Banking Crisis, 0=None which is sign of financial distress in the banking system. (Mirzaei et al., 2013) in their study found that IBs surpasses their peer in terms of NIM or NNIM in the top nine Islamic finance-oriented countries. There is more negative impact of crisis on CB rather than IBs. Only one negative and statistically significant coefficient was found in 2011, while CBs had 7 significant coefficients for CBs. According to these results we may see that QISMUT+3 countries were not taking risky assets which triggered the financial crisis. The result shows the work of (Dietrich & Wanzenried, 2011). The elasticity of IBs can be explained by better capitalization and implication of non-interest-based activities. Therefore, they were able to resist in terms of global financial crisis during 2009–2011 suggested (Faizulayev et al., 2020).

Empirical Results

Before running regression analysis, we tested the model for the robustness:

- Multicollinearity test (independent variables are correlated - biased estimation);
- Autocorrelation (error terms are correlated);
- Heteroscedasticity (distribution of error term is not normally distributed).

First of all, we declared the model by running time series analysis. Since we used the data for the 1996-2017 year period, the given data is not evenly distributed.

In order to satisfy the regression model and the coefficient values itself, we then test multicollinearity of each specific variables included in the model. As the multicollinearity reduced the robustness of coefficient values, weakening the statistical power of model, it is important to see the result of VIF (Variance inflation factor).

```
. regress NIM TETA CTI NPL DLIQ LGDP Inf CRP POL DUM
```

Source	SS	df	MS	Number of obs	=	95
Model	9.39183441	9	1.04353716	F(9, 85)	=	6.00
Residual	14.7722804	85	.173791534	Prob > F	=	0.0000
				R-squared	=	0.3887
				Adj R-squared	=	0.3239
Total	24.1641148	94	.257065051	Root MSE	=	.41688

NIM	Coef.	Std. Err.	t	P> t	[95% Conf. Interval]
TETA	.0465568	.0544129	0.86	0.395	-.0616307 .1547443
CTI	-.0097727	.0045211	-2.16	0.033	-.0187619 -.0007835
NPL	-.0241868	.0250163	-0.97	0.336	-.0739259 .0255523
DLIQ	-.8708769	.386567	-2.25	0.027	-1.639476 -.1022781
LGDP	-.2661583	.1612247	-1.65	0.102	-.5867162 .0543996
Inf	.0583935	.0439912	1.33	0.188	-.0290729 .1458598
CRP	.2438939	.4649212	0.52	0.601	-.680494 1.168282
POL	-.5601789	.4967231	-1.13	0.263	-1.547797 .4274396
DUM	-.0132149	.1418352	-0.09	0.926	-.2952212 .2687913
_cons	5.360744	2.105492	2.55	0.013	1.174462 9.547027

```
. correl NIM TETA CTI NPL DLIQ LGDP Inf CRP POL DUM
(obs=95)
```

	NIM	TETA	CTI	NPL	DLIQ	LGDP	Inf	CRP	POL	DUM
NIM	1.0000									
TETA	0.2876	1.0000								
CTI	-0.3947	-0.0017	1.0000							
NPL	0.0458	-0.0037	-0.2773	1.0000						
DLIQ	-0.2786	0.0219	0.4025	-0.3883	1.0000					
LGDP	-0.0456	-0.2335	-0.2278	0.3130	-0.7171	1.0000				
Inf	0.4013	0.2943	-0.1628	-0.2113	0.0171	-0.3267	1.0000			
CRP	-0.2274	-0.0712	0.0161	-0.2079	0.2185	0.0006	-0.0670	1.0000		
POL	-0.3994	-0.2924	0.2291	-0.2722	0.2933	-0.0339	-0.2761	0.8822	1.0000	
DUM	0.0056	-0.2108	-0.0009	0.2996	-0.1561	0.1668	0.0681	-0.0668	-0.1620	1.0000

As a result of correlation analysis, we clearly see the relationship between dependent and independent variables, for example, NIM is positively correlated with TETA, NPL, inflation rate and dummy variable,

while it is negatively correlated with CTI, LIQ, GDP, corruption rate and political stability variables.

Having supplied correlation result, now we move to determine how variables affected by the strength

of correlation and independent variables. The table shows VIFs for the independent variables and it starts at a value of 1. In fact, the result of VIF can be valid if it will be accounted between 1 to 5. If the suggested result is greater than 5, so it represents the critical level of multicollinearity, indicating the poorly estimated coefficients and the p-value of them is uncertain. Looking at the table, we can see that the mean VIF for the model is equal to 4.14, which is explained as a moderate correlation between variables.

Furthermore, GLS panel-data model uses Wooldridge test to indicate the autocorrelation, which normally shows the degree of similarity between time series and a lagged time interval. P-value should be less than 1% or 5% or 10%, if there is autocorrelation. The supplied result rejects the null-hypothesis, meaning that there is a first-order autocorrelation.

```
Coefficients: generalized least squares
Panels:      heteroskedastic
Correlation: no autocorrelation
```

```
Estimated covariances      =      20
Estimated autocorrelations =      0
Estimated coefficients      =      9
```

```
Log likelihood              = 12.42606
```

```
. estat vif
```

Variable	VIF	1/VIF
POL	12.35	0.080975
CRP	10.19	0.098144
LGDP	3.07	0.325288
DLIQ	3.06	0.326360
TETA	1.96	0.510797
Inf	1.85	0.540255
CTI	1.78	0.563235
NPL	1.53	0.654599
DUM	1.46	0.683917
Mean VIF	4.14	

```
. xtserial NIM TETA CTI NPL DLIQ LGDP Inf CRP POL DUM
```

```
Wooldridge test for autocorrelation in panel data
```

```
H0: no first-order autocorrelation
```

```
F( 1, 18) = 0.126
```

```
Prob > F = 0.7268
```

NIM	Coef.	Std. Err.	z	P> z	[95% Conf. Interval]
TETA	-.0507096	.0237443	-2.14	0.033	-.0972474 -.0041717
CTI	-.0186394	.0007169	-26.00	0.000	-.0200445 -.0172342
NPL	-.0352242	.0067082	-5.25	0.000	-.048372 -.0220765
DLIQ	.8010557	.0765845	10.46	0.000	.6509529 .9511586
LGDP	.2361357	.0133426	17.70	0.000	.2099847 .2622866
Inf	.001494	.0123017	0.12	0.903	-.0226169 .0256049
CRP	.2475039	.2227351	1.11	0.266	-.1890488 .6840567
POL	-.8688988	.1375182	-6.32	0.000	-1.13843 -.5993681
DUM	.1433367	.0338886	4.23	0.000	.0769163 .2097572
_cons	0	(omitted)			

Turning to the heteroscedasticity, generally, the time series model can experience significant error variance changes from the beginning to the end of series, which means that the independent variable NIM can change its value during the given period. The main problem with heteroscedasticity is that the standard error is biased. On the other hand, homoscedasticity can be explained when the

error term has the same distribution across the variables.

The findings show that “hetero nested in homo” and the prob > chi2 statistic for the model, which rejects null hypothesis stating as all of the regression coefficients (other than the constant term) are zero. LR chi2 (104) = -117.64; Prob > chi2 = 1.0000.

Coefficients: generalized least squares
Panels: homoskedastic
Correlation: no autocorrelation

Estimated covariances = 1 Number of obs = 95
Estimated autocorrelations = 0 Number of groups = 20
Estimated coefficients = 10 Obs per group: min = 3
 avg = 4.75
 max = 5
Log likelihood = -46.39575 Wald chi2(9) = 60.40
 Prob > chi2 = 0.0000

NIM	Coef.	Std. Err.	z	P> z	[95% Conf. Interval]	
TETA	.0465568	.0514695	0.90	0.366	-.0543215	.1474351
CTI	-.0097727	.0042766	-2.29	0.022	-.0181546	-.0013908
NPL	-.0241868	.023663	-1.02	0.307	-.0705655	.0221919
DLIQ	-.8708769	.3656558	-2.38	0.017	-1.587549	-.1542047
LGDP	-.2661583	.1525033	-1.75	0.081	-.5650593	.0327427
Inf	.0583935	.0416115	1.40	0.161	-.0231637	.1399506
CRP	.2438939	.4397715	0.55	0.579	-.6180423	1.10583
POL	-.5601789	.469853	-1.19	0.233	-1.481074	.360716
DUM	-.0132149	.1341626	-0.10	0.922	-.2761688	.249739
_cons	5.360744	1.991596	2.69	0.007	1.457287	9.264201

. local df=e(H_g)-1

. lrtest hetero homo, df(104)

Likelihood-ratio test LR chi2(104) = -117.64
(Assumption: hetero nested in homo) Prob > chi2 = 1.0000

Finally, after taking account all suggested results, we can run the regression analysis.

Coefficients: generalized least squares
Panels: heteroskedastic
Correlation: common AR(1) coefficient for all panels (0.2006)

Estimated covariances = 20 Number of obs = 95
Estimated autocorrelations = 1 Number of groups = 20
Estimated coefficients = 10 Obs per group: min = 3
 avg = 4.75
 max = 5
Wald chi2(9) = 567417.94
Prob > chi2 = 0.0000

NIM	Coef.	Std. Err.	z	P> z	[95% Conf. Interval]	
TETA	-.0905886	.0255426	-3.55	0.000	-.1406511	-.040526
CTI	-.0150049	.0009676	-15.51	0.000	-.0169014	-.0131084
NPL	-.0333345	.0069014	-4.83	0.000	-.0468609	-.0198081
DLIQ	-.3024455	.1867803	-1.62	0.105	-.6685282	.0636371
LGDP	-.307552	.0858385	-3.58	0.000	-.4757924	-.1393116
Inf	-.0380869	.0144682	-2.63	0.008	-.0664441	-.0097297
CRP	.447795	.2454274	1.82	0.068	-.033234	.9288239
POL	-1.075953	.1489904	-7.22	0.000	-1.367969	-.7839372
DUM	.0429365	.0379534	1.13	0.258	-.0314509	.1173239
_cons	6.974445	1.101868	6.33	0.000	4.814823	9.134067

The results of FGLS panel-data model indicate that increasing capital adequacy negatively affects NIM which means that higher bank capital to total asset ratio may lead to decrease of net interest margin. This finding contradicts with the expected positive relation between TETA and bank performance shown in the study of (Boadi et al., 2015), (Bourke, 1989), (Bashir,

2003). Similarly, bank efficiency ratio is negatively related to NIM meaning that higher costs negatively influence to profitability of bank, which support the study about high operational costs among commercial banks of (Munyambonera, 2013). In terms of credit risk, NPL is negatively related to NIM, which expects the increased exposure to credit risk associated with

low level of firm profitability. This results supports the study of (P. P. Athanasoglou et al., 2008). Likewise, LIQ has negative relationship with NIM, meaning that the higher percentage of this ratio, a higher level of bank liquidity. Thus this finding contradicts the study of (Bourke, 1989) stated a positive relationship between bank liquidity and profitability. However, the study of (Molyneux & Thornton, 1992) maintains the suggestion with negative correlation between liquidity and profitability levels. Regarding macroeconomic variables, there is a negative relationship between GDP and bank profitability due to decreasing level of the demand for lending, which is contrary to the study of (Demirgüç-Kunt & Huizinga, 1999), (Bikker & Haixia, 2002). Moreover, the relationship between Inf and profitability has been expected either positive or negative impact depending on whether it is expected or not according to (Perry, 1992). Since banks adjust interest rates in order to increase revenue in case of anticipation of Inf, which may impact on costs to increase faster than revenues of Inf. However, the regression results counter a positive link between Inf and profitability (Bourke, 1989); (Molyneux & Thornton, 1992), (Bashir, 2003), (Kosmidou & Tanna, 2005). POL is negatively correlated with NIM, because the consequences of political instability lead to increased risk in economy which comes from political risk (Alesina & Perotti, 1996) and this results supports the expectation. As for the CRP and dummy (bank crisis), the results show positive relationship, which suppose that bank performance, in environment of corruption, may flourish on pricing regarding lending and deposit rates (Mongid & Tahir, 2011), although the result is contrary to (Chen & Liao, 2011), which found an opposite negative impact of corruption on bank profitability. Whereas the dummy variable which estimated 1=Banking Crisis, 0=None, having positive relation with NIM because if increasing number of banks peer. However, the study of (Mirzaei et al., 2013) found the negative correlation, showing that IBs surpasses their peer in terms of NIM or NNIM in the top nine Islamic finance-oriented countries.

Conclusion

To sum up, this study identified the empirical basis to analyze the impact of bank-specific, industry-specific, and macroeconomic determinants on the bank profitability. We observed the conventional

banks, operating in countries with negative interest rates (Switzerland, Denmark, Japan, Sweden and Spain) over the period of 1997-2017 and applied FGLS panel-data model. The results show that capital plays an important role in bank's profitability and increased exposure of credit risk may lead to losses. Moreover, the impact of macroeconomic variables also had significant sign on the bank's performance, indicating that the banks usually adjust interest rates in order to increase revenue in case of inflation growth. In addition, we considered the impact of political stability in those counties, which resulted in negative sign as well as GDP growth.

References

- Alesina, A., & Perotti, R. (1996). Income distribution, political instability, and investment. *European Economic Review*. [https://doi.org/10.1016/0014-2921\(95\)00030-5](https://doi.org/10.1016/0014-2921(95)00030-5)
- Almazari, A. A. (2014). Impact of Internal Factors on Bank Profitability: Comparative Study between Saudi Arabia and Jordan. *Journal of Applied Finance & Banking*.
- Alper, D., & Anbar, A. (2011). OKUNDU_02.03.2018_GÜZEL_Bank Specific and Macroeconomic Determinants of Commercial Bank Profitability: Empirical Evidence from Turkey. *Business & Economics Research Journal*.
- Athanasoglou, P., Brissimis, S., Athanasoglou, P., & Brissimis, S. (2004). The effect of mergers and acquisitions on bank efficiency in Greece. *Economic Bulletin*.
- Athanasoglou, P. P., Brissimis, S. N., & Delis, M. D. (2008). Bank-specific, industry-specific and macroeconomic determinants of bank profitability. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*. <https://doi.org/10.1016/j.intfin.2006.07.001>
- AYYALÇINKAYA, A. E., ŞANLISOY, S., & AYDIN, Ü. (2016). Türk Bankacılık Endüstrisinde Performansın Belirleyenleri ve Politik İstikrarsızlık İlişkisi. *Sosyoekonomi*. <https://doi.org/10.17233/se.45274>
- Bashir, A.-H. (2003). DETERMINANTS OF PROFITABILITY IN ISLAMIC BANKS: SOME EVIDENCE FROM THE MIDDLE EAST. *Islamic Economic Studies*.
- Beckmann, R. (2011). Profitability of Western European Banking Systems: Panel Evidence on Structural and Cyclical Determinants. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1090570>
- Berger, A. N., Hancock, D., & Humphrey, D. B. (1993). Bank efficiency derived from the profit function. *Journal of Banking and Finance*. [https://doi.org/10.1016/0378-4266\(93\)90035-C](https://doi.org/10.1016/0378-4266(93)90035-C)
- Bikker, J. H., & Haixia. (2002). Cyclical patterns in profits , provisioning and lending of banks and ... *Banca Nazionale Del Lavoro Quarterly Review*.

- Boadi, E. K., Li, Y., & Lartey, V. C. (2015). Determinants of Bank Deposits in Ghana: Does Interest Rate Liberalization Matters? *Modern Economy*. <https://doi.org/10.4236/me.2015.69094>
- Bougatef, K. (2015). The impact of corruption on the soundness of Islamic banks. *Borsa Istanbul Review*. <https://doi.org/10.1016/j.bir.2015.08.001>
- Bourke, P. (1989). Concentration and other determinants of bank profitability in Europe, North America and Australia. *Journal of Banking and Finance*. [https://doi.org/10.1016/0378-4266\(89\)90020-4](https://doi.org/10.1016/0378-4266(89)90020-4)
- Căpraru, B., & Ihnatov, I. (2014). Banks' Profitability in Selected Central and Eastern European Countries. *Procedia Economics and Finance*. [https://doi.org/10.1016/s2212-5671\(14\)00844-2](https://doi.org/10.1016/s2212-5671(14)00844-2)
- Chazi, A., & Syed, L. A. M. (2010). Risk exposure during the global financial crisis: the case of Islamic banks. *International Journal of Islamic and Middle Eastern Finance and Management*. <https://doi.org/10.1108/17538391011093261>
- Chen, S. H., & Liao, C. C. (2011). Are foreign banks more profitable than domestic banks? Home- and host-country effects of banking market structure, governance, and supervision. *Journal of Banking and Finance*. <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2010.11.006>
- Demirgüç-Kunt, A., & Huizinga, H. (1999). Determinants of commercial bank interest margins and profitability: Some international evidence. *World Bank Economic Review*. <https://doi.org/10.1093/wber/13.2.379>
- Demirgüç-Kunt, A., & Huizinga, H. (2000). Financial Structure and Bank Profitability. *International Journal of Cooperative Information Systems*. <https://doi.org/10.1596/1813-9450-2430>
- Dietrich, A., & Wanzenried, G. (2011). Determinants of bank profitability before and during the crisis: Evidence from Switzerland. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*. <https://doi.org/10.1016/j.intfin.2010.11.002>
- Dietrich, A., & Wanzenried, G. (2014). The determinants of commercial banking profitability in low-, middle-, and high-income countries. *Quarterly Review of Economics and Finance*. <https://doi.org/10.1016/j.qref.2014.03.001>
- Faizulayev, A., Bektas, E., & Ismail, A. G. (2020). Profitability and persistency in the service industry: the case of QISMUT+3. *Service Industries Journal*. <https://doi.org/10.1080/02642069.2018.1461210>
- Goddard, J., Molyneux, P., & Wilson, J. O. S. (2004). The profitability of European banks: A cross-sectional and dynamic panel analysis. *Manchester School*. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9957.2004.00397.x>
- Kalifa, W., & Bektaş, E. (2018). The impacts of bank-specific and macroeconomic variables on the capital adequacy ratio: evidence from Islamic banks. *Applied Economics Letters*. <https://doi.org/10.1080/13504851.2017.1340559>
- Kosmidou, K., & Tanna, S. (2005). Determinants of profitability of domestic UK commercial banks : panel evidence from the period 1995-2002. In *Money Macro and Finance (MMF) RESEARCG Group Conference*. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107415324.004>
- Kosmidou, K., & Zopounidis, C. (2008). Predicting US commercial bank failures via a multicriteria approach. *International Journal of Risk Assessment and Management*. <https://doi.org/10.1504/IJRAM.2008.019311>
- Li, Y., Spigt, R., & Swinkels, L. (2017). The impact of FinTech start-ups on incumbent retail banks' share prices. *Financial Innovation*. <https://doi.org/10.1186/s40854-017-0076-7>
- Mauro, P. (1995). Corruption and Growth. *The Quarterly Journal of Economics*. <https://doi.org/10.2307/2946696>
- Miller, S. M., & Noulas, A. G. (1997). Portfolio mix and large-bank profitability in the USA. *Applied Economics*. <https://doi.org/10.1080/000368497326994>
- Mirzaei, A., Moore, T., & Liu, G. (2013). Does market structure matter on banks' profitability and stability? Emerging vs. advanced economies. *Journal of Banking and Finance*. <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2013.04.031>
- Molyneux, P., & Thornton, J. (1992). Determinants of European bank profitability: A note. *Journal of Banking and Finance*. [https://doi.org/10.1016/0378-4266\(92\)90065-8](https://doi.org/10.1016/0378-4266(92)90065-8)
- Mongid, A., & Tahir, I. M. (2011). Impact of corruption on banking profitability in ASEAN countries: An empirical analysis. *Banks and Bank Systems*.
- Munyambonera, E. F. (2013). Determinants of Commercial Bank Profitability in Sub-Saharan Africa. *International Journal of Economics and Finance*. <https://doi.org/10.5539/ijef.v5n9p134>
- Naceur, S. (2003). The Determinants of the Tunisian Banking Industry Profitability: Panel Evidence. *Universite Libre de Tunis Working Papers*.
- Olweny, T., & Mamba, T. (2011). Effects of Banking Sectoral Factors on the Profitability of Commercial Banks in Kenya. *Economics and Finance Review*.
- Perry, P. (1992). Do Banks Gain or Lose from Inflation? *Journal of Retail Banking*.
- Short, B. K. (1979). The relation between commercial bank profit rates and banking concentration in Canada, Western Europe, and Japan. *Journal of Banking and Finance*. [https://doi.org/10.1016/0378-4266\(79\)90016-5](https://doi.org/10.1016/0378-4266(79)90016-5)
- Smirlock, M. (1985). Evidence on the (Non) Relationship between Concentration and Profitability in Banking. *Journal of Money, Credit and Banking*. <https://doi.org/10.2307/1992507>
- Spathis, C., Kosmidou, K., & Doumpos, M. (2002). Assessing Profitability Factors in the Greek Banking System: A Multicriteria Methodology. *International Transactions in Operational Research*. <https://doi.org/10.1111/1475-3995.00371>
- Tan, Y. (2016). The impacts of risk and competition on bank profitability in China. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*. <https://doi.org/10.1016/j.intfin.2015.09.003>

Business Opportunity for Greenhouse Gas Emission*

N. Guerfala

MBA, P.Eng, MASc, Director, Enwave Energy Corporation. Canada, Toronto

e-mail: nasreddine.guerfala@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0002-2093-0307>

Abstract. The goal of this article is to identify the role of the building sector and its potential contribution to the reduction of greenhouse emissions in the Canadian environment. More particularly, the article focuses on residential buildings in Ontario. It identifies the business opportunity for building owners and tenants of existing residential buildings to reduce their energy use and carbon footprint.

In order to identify the main contributors to GHG emissions in residential buildings, secondary data from Natural Resources Canada were analyzed. It has been identified that natural gas is the main energy source contributor of GHG emissions from residential buildings in Ontario. In addition, space heating, water heating, and appliances are the key predictors of GHG emissions. Projection of the evolution of GHG emissions with current measures in the future were predicted along with a scenario meeting the emission reduction target. Based on the findings and the projection, the main recommendations for existing buildings were to follow the new benchmarking initiative, to undertake recommissioning and to implement energy efficiency projects related to building envelope and equipment upgrades along with hot water conservation. For new buildings, a net zero or low carbon building construction with onsite renewable energy generation is the recommended option.

Keywords: Energy, Canada, Gas, Economy

Абстракт. Целью данной статьи является определение роли строительного сектора и его потенциального вклада в сокращение выбросов парниковых газов в окружающую среду Канады. В частности, статья посвящена жилым зданиям в Онтарио. В ней определены бизнес-возможности для владельцев и арендаторов существующих жилых зданий по снижению энергопотребления и углеродного следа.

С целью определения основных источников выбросов парниковых газов в жилых зданиях проведен анализ вторичных данных Министерства природных ресурсов Канады. Установлено, что природный газ является основным источником энергии, который способствует выбросу парниковых газов жилыми домами в Онтарио. Кроме того, ключевыми предикторами выбросов ПГ являются отопление помещений, водяное отопление и бытовые приборы. Прогнозирование эволюции выбросов ПГ с учетом текущих мер в будущем спрогнозировано вместе со сценарием, отвечающим целевому показателю по сокращению выбросов. Основанные на полученных результатах и прогнозе, основные рекомендации для существующих зданий заключались в том, чтобы следовать новой инициативе по эталонному тестированию, сформулировать рекомендации и реализовать проекты по энергоэффективности, связанные с обновлением ограждающих конструкций зданий и оборудования, а также со сбережением горячей воды. Рекомендуемым вариантом является строительство зданий с нулевым или низким уровнем выбросов углерода с выработкой на месте возобновляемой энергии.

Ключевые слова: энергетика, Канада, газ, экономика.

* Н. Герфала (MBA, P.Eng, MASc, директор, Enwave Energy Corporation. Канада, Торонто). «Возможности для бизнеса по сокращению выбросов парниковых газов».

Introduction

Climate change is one of the most important issues facing humanity today. Global warming has emerged in the last century and is, for the most part, attributed to human activity and the release of greenhouse gases to the atmosphere. Canada is concerned by the climate change and global warming since it has affected its Arctic islands and accelerated its ice loss. Greenhouse gas emissions will also affect all Canadians' health, all economic sectors, the natural environment and wildlife for generations to come (Environment Canada, 2014).

However, limiting these fatal impacts is possible and almost mandatory for Canada across all economic sectors. Making the right choices immediately in order to achieve a low carbon transition is important to mitigate the risk of climate change, to stay competitive and to guarantee a long term prosperity (National Round Table on the Environment and the Economy, 2012).

Therefore, reducing the greenhouse gas emissions in Canada is a shared responsibility

between government, businesses and consumers and each party has a role to play (Environment Canada, 2014). While the government role is to introduce policies and regulations enabling these reductions, businesses have to cope and adapt with the new environment and contribute to the country's emission reduction. Consumers have also to be aware of the climate change potential hazard and therefore use the energy more wisely and efficiently thus reducing energy consumption and emissions.

The Canadian government committed to reduce greenhouse gas (GHG) emissions by 19% by 2020 and by 30% by 2030 below 2005 levels. Therefore, a few measures were undertaken by the government in different sectors and will lead to a significant reduction in equivalent CO₂ emissions (130 Mega tons by 2020). However, the current measures are still not enough to meet the Canadian target. There is still a significant gap between the desired target and the current measure potential for greenhouse emission reduction (Figure 1).

Figure 1: Progress on Canada's 2020 Target (Mt CO₂ eq)

Source: (Environment Canada, 2014)

The province of Ontario on the other hand has set its own GHG targets. In fact, Ontario aims to reduce its emission by 15% in 2020, 37% by 2030 and 80% by 2050 below 1990 greenhouse gas

emission levels. Therefore, the province has taken a lot of measures including the complete phase out of coal generating facilities in 2014. While Ontario was successful to meet 2014 targets (6% reduction

below 1990 levels), the future targets will be hard to meet with the current measures as shown in Figure 2 above. That's why Ontario issued a climate change action plan where the province will invest between 5.9 to 8.3 billion dollars in different

actions such as buildings energy retrofits, electric vehicle incentives and transit in order to reduce emission by 9.8 MT of CO₂ in an attempt to meet 2020 targets (Ministry of the Environment and Climate Change, 2016).

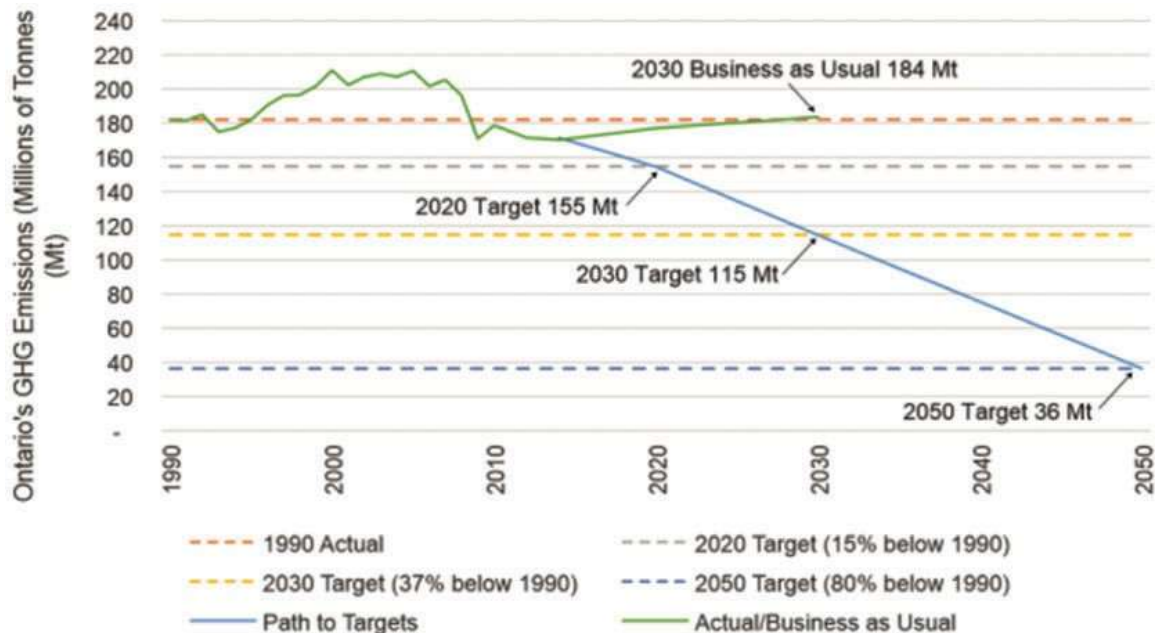

Figure 2: Progress on Ontario's GHG reduction Targets (Mt CO₂ eq)

Source: (Environmental Commissioner of Ontario, 2016)

The preliminary literature review showed that the main contributing sectors to the GHG emissions are transportation, electricity generation, oil and gas and buildings. The government has focused on two major sectors: transportation and electricity. For instance, Canada has recently banned the construction of traditional coal-fired electricity generators. In addition, it introduced regulations in the transportation sector that will guarantee that passenger vehicles will have 50% less GHG emissions by 2025 compared to 2008 models (Environment Canada, 2014). Therefore, more focus should be on other emitting sectors.

Both oil and gas and building sector GHG emission predictions show an increased pattern. The increase of the oil and gas emissions can be explained by a forecasted increase of production driven by an international demand for these Canadian fossil fuels

(Environment Canada, 2014). However, despite an increased equipment efficiency and decreasing energy intensity per square footage, the building sector will increase its emissions by 16.66% from 2005 to 2020. Buildings have a great potential for GHG reduction. For instance, according to the World Resources Institute, buildings present the biggest portion of 'Low cost emission reduction' with over 5.5 Gigatons of equivalent CO₂ affordable reduction potential worldwide (Renilde Becqué, 2016). The goal of this article will be to identify the role of the building sector and its potential contribution to the reduction of greenhouse emissions in the Canadian environment. More particularly, I would like to focus on building owners and tenants of existing residential buildings in Ontario and their possible actions on energy use and CO₂ emission/rejection levels.

Method Outline

This article will start by a literature review where the key concepts are identified. The goal of this literature review is to define the current state of research done to identify the general business response to climate change in general and buildings in particular. It focuses on recent scholarly and popular articles related to the subject. After that, the proposed research methodology is outlined with a conceptual model establishing the relationships between the different key variables. The testable hypotheses are stated along with the secondary data to be used and analysis tools and methods. After that, the secondary data analysis is performed and findings are summarized. Projections and emission forecasts are outlined at the end of the analysis. Based on the data analysis and literature review, the main recommendation is proposed at the end of this article.

Literature Review

The literature review explores why buildings as businesses should respond to climate change and the possible benefits and risks in different regulatory frameworks. A specific focus on the current state of regulations in Canada and Ontario is also outlined. The review is concluded with a summary and the relevance of the research in the current state of literature.

Since the adoption of the Kyoto Protocol, businesses around the world needed to pay high attention to climate change and existing or forecasted national regulations. The Paris Agreement established in October 2016 builds upon the Kyoto Protocol and brings almost all nations together to fight climate change. It aims to keep a global temperature rise below 2 degrees Celsius above pre-industrial levels. However, one major party has pulled back with the official withdrawal of the United States from the agreement under Trump administration. Therefore, businesses have a choice to make whether to consider climate change or not.

Andrew Hoffman depicts the business logic behind voluntary GHG reduction for businesses in the United States in the absence of regulation about carbon emissions. He explains how businesses need certainty to make good strategic decisions. As an

example, he describes how businesses disliked the uncertainty created by the withdrawal of the United States of America from the Kyoto protocol (Hoffman, 2005).

The article also builds the business case for GHG reduction and presents the strategic reasons and benefits from GHG reduction in seven categories as follows (Hoffman, 2005):

Operational improvement: these improvements are manifested in different outputs such as energy cost reduction as a result of energy efficiency measures.

- Anticipating and influencing climate change regulations: businesses need to be ahead of the game in terms of regulatory compliance on the international, national and state levels and not only forecast but also influence regulations based on the business positioning from the climate change.
- Accessing new sources of capital: this relates to the incentives offered by governments to encourage businesses to reduce GHG emissions.
- Improving risk management: Businesses have to assess the natural and financial consequences of climate change.
- Elevating corporate reputation: addressing climate change can improve the business reputation among different stakeholders such as employees, general public, community and media.
- Identifying new market opportunities: the new policies about carbon reduction can create new markets cited by the author such as GHG reduction technologies, carbon sequestration, new biomaterials and alternative sources of energy.
- Enhancing human resource management: a business that invests in carbon footprint reduction measures engaging its workforce can see an increased morale, retention rate and lower recruiting costs.

In a related book, Hoffman also describes climate change as a market transition which will have serious implications on businesses (Hoffman & Woody, 2008). For instance, regulation related to carbon emissions will affect energy prices which affect all business segments. Therefore, it will have an influence on asset value and business decisions.

However, this also constitutes a good opportunity for businesses to undertake voluntary actions not only for corporate social responsibility but also for financial and strategic reasons. The authors provided a roadmap for businesses to deal with the potential introduction of carbon dioxide emissions regulations. He suggests that businesses should begin by evaluating their level of exposure. Then, they should be prepared for immediate implementations of carbon footprint reduction measures. Moreover, they should carefully assess any emergent business opportunities and finally try to influence the forecasted regulation and policies (Hoffman & Woody, 2008). While the review of Hoffman was mainly concentrated on the United States business environment where no carbon emission regulation existed, another study was conducted in two different countries: Canada and Germany (Eberlein & Matten, 2009). It tried to evaluate the business response to climate change regulation in two opposite regulatory frameworks. While the Canadian situation presented underdeveloped climate change regulations, the German one was characterized by strong regulations. The study concluded that the shortage of regulation in Canada was mostly the result of strong business lobbying against climate regulation prior to 2005. This situation constituted a barrier for many businesses to invest in carbon reduction measures and hindered the emergence of any initiatives. The authors suggest that the absence of regulation in Canada is unlikely to allow the country to achieve its target in terms of carbon reduction. On the contrary, the strong German regulatory framework offered a certainty. The German companies took advantage from the available government incentives and worked towards innovating new low emission products and technologies (Eberlein & Matten, 2009).

Current State of Regulation in Canada

The Canadian government strategy to fight climate change and reduce carbon emissions has evolved dramatically after 2005. Canada's provinces have taken the lead in setting regulations and strategies to address the climate change and GHG mitigation. To illustrate, British Columbia has introduced a carbon-tax, Quebec adopted a cap and trade system and

Ontario focused on coal electricity generation phase out and renewable energy generation during the last decade. Moreover, a cap and trade system has been implemented. More coordination and cohesiveness is needed from the federal government to standardize regulations across the country. Meanwhile, provinces continue to voluntarily work together through collaborative arrangements including Canadian provinces and US states (Gass & Boyd, 2015). In particular, the government of Ontario has introduced a 'cap and trade' system in April 2015, to be operational in 2017 under the Western Climate Initiative (WCI). It has joined the efforts of other jurisdictions such as Quebec and California in their fight against climate change (Ministry of the Environment and Climate Change, 2016). This cap and trade system is expected to limit the amount of emissions from the economy (the cap) and allows market participants to trade among themselves (the trade) in a flexible and cost-effective way. It will therefore create a price on carbon pollution by the market not the government. The cap also ensures greenhouse gas reductions since it gives polluters, which have to pay for the pollution they are responsible for, an incentive to cut emissions. This system gives companies certainty and predictability, and enables them to find new ways to reduce their carbon footprints such as investing in new clean technologies (Ministry of the Environment and Climate Change, 2016). In summary, this review of the business response to climate change within different regulatory framework will be used to address the research question that explores the building sector response in Canada in a transition from an unregulated environment to a heavily regulated one.

Building Landlords and Tenants

Building owners are required to improve the energy performance of their buildings for different reasons: the rise of energy prices, the emergence of new standards and the awareness of the public about energy and environment (Natural Resources Canada, 2014).

However, the implementation of energy efficiency measures and therefore carbon reduction measures faces some barriers. The Carbon Trust Report identifies the 'landlord-tenant divide' or 'split incentive problem' as the biggest challenge to the implementation of energy efficiency measures

in buildings. It is defined as ‘the situation where one party (landlord or tenant) has no incentive to invest in carbon reducing measures as the other party receives the benefit of the investment (such as the energy savings), (The Carbon Trust, 2009). To illustrate, the landlord has little incentive to invest in efficiency projects if the tenant pays for his own bills and therefore would benefit from a cost reduction. Similarly, the tenant that doesn’t pay for his utilities has little incentive to reduce his consumption but the landlord will have benefits from investing in energy efficiency measures. Therefore, tenants in commercial and residential buildings whose utilities cost are included in their rent consume more energy than tenants who pay their own bills (Kahn, Kok, & Quigley, 2014). In addition, these tenants are more reluctant to pay any extra and are unlikely to accept to pay for energy saving measures (Axon, 2012).

Contrarily, several studies in Switzerland demonstrated the willingness of tenants to pay for energy saving measures in residential properties (Wiencke, 2013). Similarly, multiple studies suggest that ENERGY STAR and LEED Buildings which refer to green and energy-efficient buildings realized higher rent per square footage. Such findings affirm the willingness of tenants to pay more for green buildings (Wiencke, 2013). In fact, some consumers are even willing to pay a premium to reduce their environmental impact and help fight the climate change by choosing to pay for companies like Bullfrog Power that will invest in green and renewable energy and put it into Canada’s energy system on behalf of the customer. This initiative has already attracted thousands of consumers and saved more than 1 million tonnes of CO₂ (Power, 2017).

In summary, this literature review demonstrates an immediate need for businesses in Canada to develop a business strategy that identifies the opportunities and mitigate the risks of climate change and related regulations. Buildings in particular have a huge opportunity and a great potential to reduce their carbon footprint through different ways: commissioning, benchmarking and energy efficiency retrofits. The literature also shows that despite a split incentive problem between building landlords and tenants, there is some evidence that tenants are more willing to pay a premium for green buildings. The regulatory framework in Ontario is changing rapidly with the introduction of the ‘Cap and Trade’ in January 2017

and the mandatory ‘Energy and Water Reporting and Benchmarking for large Buildings’ starting in July 2017. This will heavily affect buildings landlords and tenants in Ontario. Therefore, the need for such a study is relevant due to a shortage of studies done recently involving both tenants and landlords in residential buildings in Ontario.

Expected Contribution

This research will help establish the different relationships between the carbon emission and the different contributing factors and variables for residential buildings in Ontario. It will be explanatory and try to provide a knowledge of the best combination of GHG reduction measures for residential buildings in the current regulatory framework in Ontario.

The results of this article will help residential buildings identify the best business strategy for carbon reduction in Ontario and therefore contribute to the emission target of the province by 2030 and 2050. The article would draw a roadmap for residential building owners and tenants in Ontario and provide practical recommendation on energy use and Greenhouse emissions reduction measures and their potential effectiveness.

Recommendations

Residential buildings in Ontario have an opportunity to contribute to the Canadian target of GHG reduction by 30% by 2030 below 2005 level. The data analysis reveals that there should be a special focus on:

- Natural Gas: It is the biggest contributing energy source to GHG emission in residential buildings of Ontario and needs to be addressed;
- Space heating and water heating: these are the main contributing energy end-use to GHG emission and need to be reduced;
- Single detached buildings: Single detached buildings have the biggest energy intensity and space heating GHG emission intensity in the built environment;
- Older residential buildings which tend to consume more energy and emit more GHG emission.

Below are the main recommendations based on the data analysis of the Natural Resources Canada Comprehensive Energy Use Database for residential buildings and literature review:

Benchmarking: The literature review identified Benchmarking as a key tool to measure and report energy use and carbon emission in buildings. For instance, Benchmarking allows building owners to build the energy and carbon emission baseline, visualize energy use patterns, identify saving opportunities and report energy savings and carbon reduction results easily. In addition, building owners can compare their buildings with similar buildings in Ontario. With the introduction of the new Energy and Water Reporting and Benchmarking for Large Buildings (more than 50,000 square feet of floor space) by the Ministry of Energy of Ontario, building owners of multi-unit residential with more than 10 residential units must report the following (Ontario Ministry of Energy, 2017):

- Monthly energy and water consumption;
- Monthly performance data, e.g. energy and water use intensity, ENERGY STAR score (where available);
- GHG emissions and intensity;
- Building characteristic information, such as gross floor area.

With such measures in place, multi-unit residential buildings will have the opportunity to raise awareness about energy conservation and emission reduction, achieve concrete results and actively contribute to the Canadian and Ontario GHG reduction targets.

Commissioning and re-commissioning: as identified in the literature review constitute one of the best options available for building owners to reduce the energy use and carbon footprint of their residential buildings. It involves simple measures such as fine tuning the control system, checking set points, comparison of current operations with design conditions, and realizing some maintenance and minor system retrofits. The process is usually cost-effective and has a quick payback. In fact, commissioning and recommissioning can lead to lower operation cost, better energy efficiency, low energy consumption and lower carbon emissions. In addition, it usually leads to better thermal comfort and improved indoor air quality. All residential buildings in Ontario should undertake this measure which does not require a large capital cost and is very rewarding. In fact, while the

cost of commissioning can vary depending on the size and complexity of the building, studies show that the cost of commissioning is \$2.9/m² and the value of resulting energy saving range between \$1 and \$8 per square meter. In addition, the value of non-energy saving benefits (such as increased asset value, lower operation costs, better equipment performance and improved indoor air quality and thermal comfort) is between \$1 and \$4.75 per square meter. Therefore, a commissioning project has typically a payback period ranging from 0.2 to 2.1 years (CarnmetEnergy, 2008). With a high adoption of commissioning and regular frequency (once a year or continuous commissioning), energy and emission reduction can be sustainable. To illustrate and based on the data analysis, if all residential buildings in Ontario undertake a yearly commissioning that will lead to a 10% reduction in natural gas use. This will translate to 39.3 PJ of energy reduction and a 1.6 Mt of CO₂ (8.35% reduction in Natural gas GHG Emission).

Energy efficiency retrofits: Energy efficiency retrofits involve the replacement of major building equipment such as heating/cooling system, lighting and improvement to the building envelope. The data retrieved from the 2011 Survey of Household Energy Use reveals that in Ontario, more than 20% of households did not any energy efficiency improvement since January 2000. Therefore, there is a major opportunity for building owners and tenants of these households to reduce their energy consumption and cut their carbon emission by realizing energy efficiency projects. These projects can be implemented as part of their renovation process. The focus of these households should be on improving their building envelope and upgrading their HVAC system based on efficiency. The analysis of the statistical data of the 2011 Survey of Household Energy Use shows that 45.8% survey respondents reported that their windows age is more than 10 years. Moreover, 46.1% reported condensation on inside surface of their windows and 34.5% admitted the existence of air leaks around windows. However, only 37.5% of Ontario households made improvement to their windows and only 17.5% made improvement to exterior walls. Such findings prove the need to upgrade windows and exterior walls along with other parts of the building envelope. A better building envelope provides lower heating and cooling loads thus lower energy consumption and carbon emission

within the buildings. Better equipment efficiency in residential buildings will lead to less consumption and less GHG emissions. In particular, space heating systems are the greatest contributors to energy consumption and carbon emission. The data analysis for space heating by system type shows a correlation relationship between the GHG emission intensity per square meter and the heating system efficiency GHG emission. To illustrate, Figure 4 below clearly

shows that the emission intensity per square meter drops with an increased GHG emission from high efficiency natural gas heating system and increases with an increased GHG emission from normal efficiency natural gas heating system as showed in Figure 5. Therefore, buildings should continue to focus on converting their natural gas heating systems to high efficiency ones to drop their GHG emission intensity.

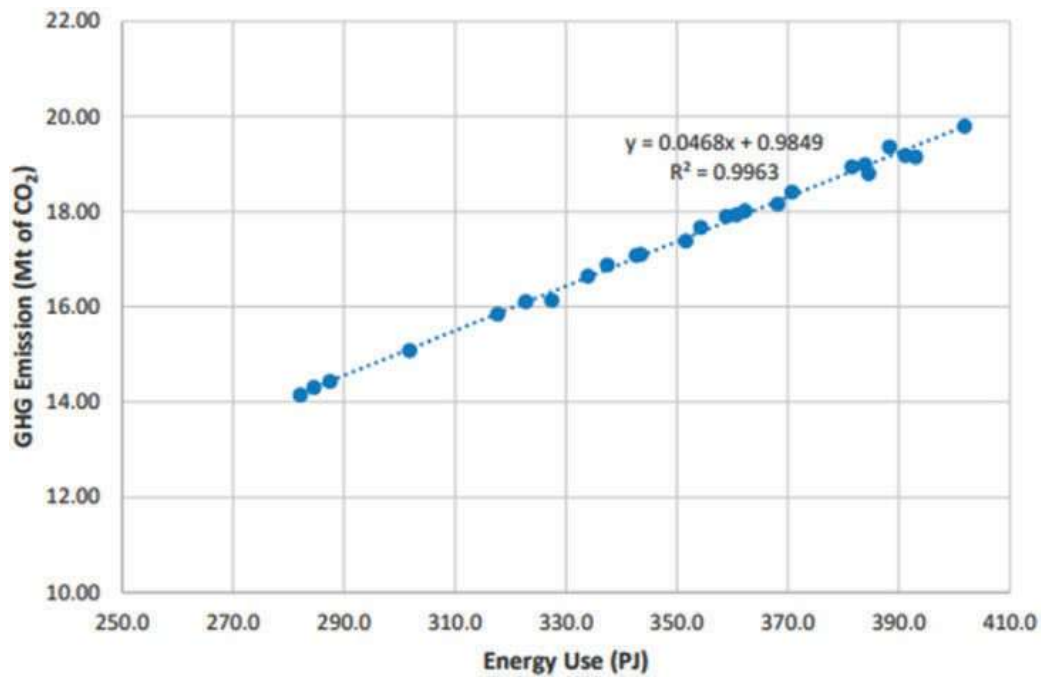

Figure 3: Natural Gas Energy Use vs GHG emission

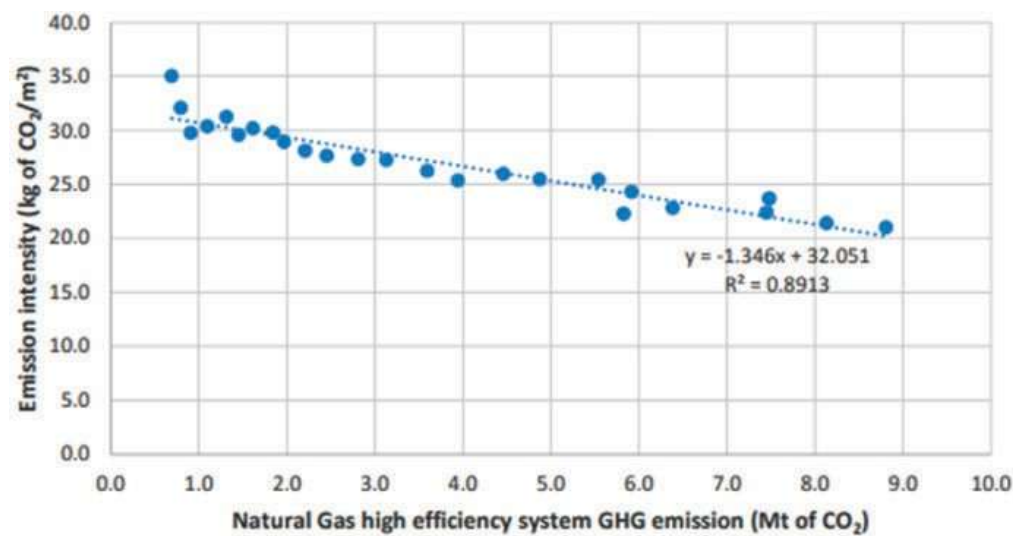

Figure 4: Natural Gas high efficiency heating system vs Emission intensity

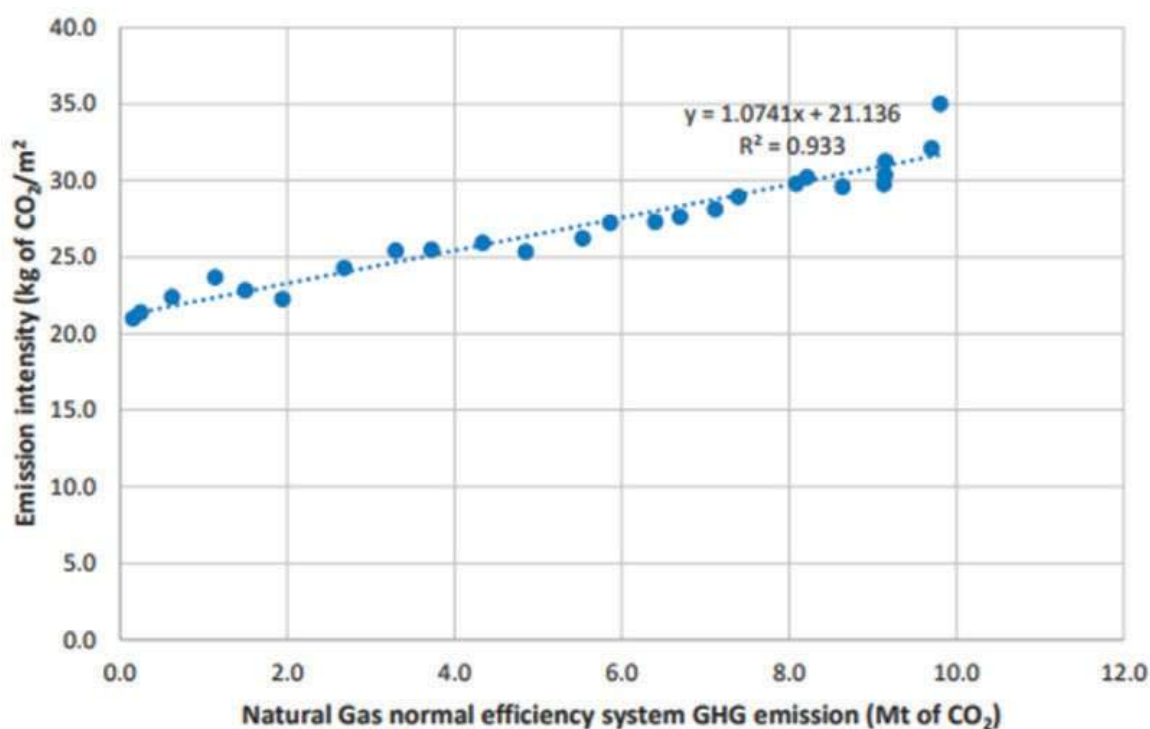

Figure 5: Natural Gas normal efficiency heating system vs Emission intensity

In assessing which heating systems are the best candidates, buildings should focus on high efficiency systems to reduce their energy consumption and their

GHG emission. Figure 6 below presents the different options. It is clear that heat pumps are by far the best option followed by an electric heating system.

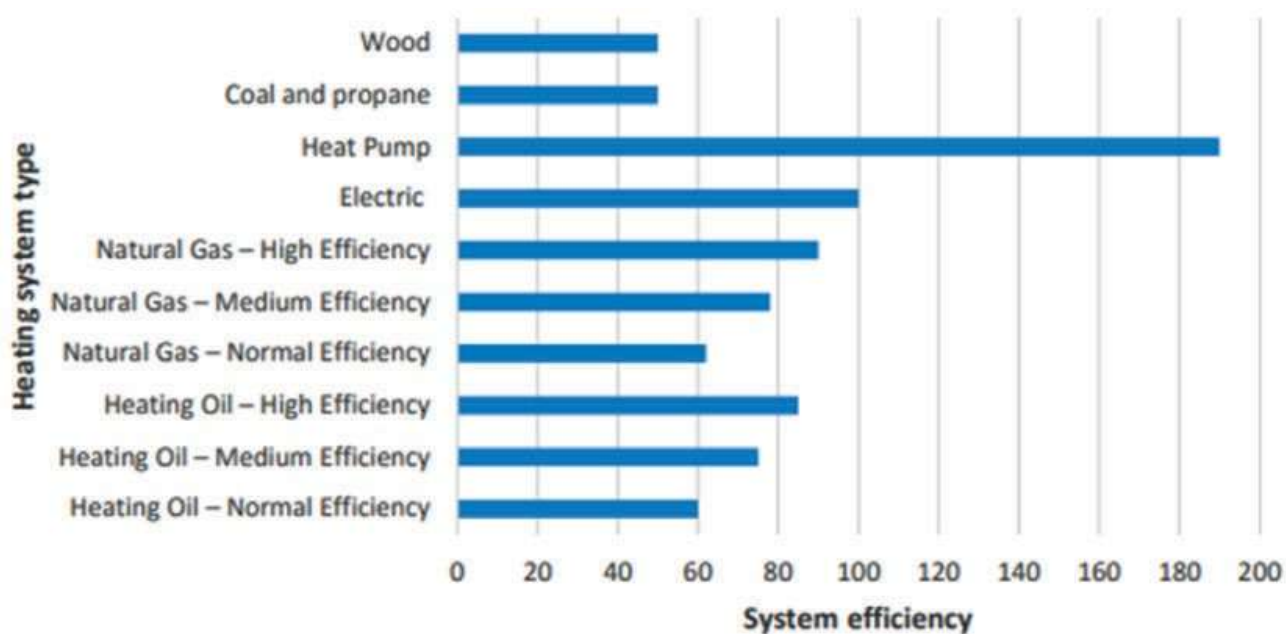

Figure 6: Heating System Stock Efficiencies by System Type

Energy efficiency projects face some challenges such as the capital cost requirement and the need of vacancy when undertaking deep retrofits which can delay the implementation of such projects. Some of the challenges can be offset with government incentives to undertake energy efficiency projects which improves the business case and reduces the payback period. Typically, energy efficiency retrofit projects result in 15 to 40% energy savings and have payback periods ranging from 2 to 7 years.

Fuel switching: Since residential buildings consume energy in different forms (electricity, natural gas, heating oil, wood coal and propane) and the emissions are mainly due to the use of natural gas for space heating and water heating, residential buildings have the opportunity to reduce their carbon emission by switching from natural gas to electricity which is low-carbon in Ontario due to the generation mix (which relies mainly on nuclear power). This can be achieved through the replacement of gas fired boilers, furnaces and other heating equipment by high efficiency electric heating equipment such as heat pumps. In fact, the switch from an 80% efficient boiler to a heat pump (with a coefficient of 3) can reduce the heating energy use by 75% (Canada Green Building Council (CaGBC), 2016). Other alternative solutions include switching to low carbon district heating/cooling systems.

- While fuel switching is a great alternative for residential buildings to reduce their emissions, it can face many challenges to be implemented:
- Complex implementation in larger buildings such as multi-unit residential buildings due to a need for shutdowns and vacancy;
- The low cost of natural gas compared to electricity is a major barrier, historically building owners switched from electricity to natural gas for economic reasons;

Despite major advancements in the heat pump technology, the initial capital cost is still high and the business case is hard to justify. In fact, the typical costs of Air Source Heat Pumps ranges from \$5,000 to \$16,000. Moreover, the operating costs of a heat pump is more than 120% higher than natural gas heating system. From a homeowner perspective, natural gas prices have to increase significantly to consider this option.

However, when the heating system uses oil or electricity, the heat pump technology has less 5 years' payback (Independent Electricity System Operator (IESO), 2017). However, it is expected that the natural gas price will increase due to new regulations related to cap and trade (Government of Ontario, 2017). To illustrate, the 2017 cap and trade cost for residential customers is expected to be 3.3 cents per cubic meter of natural gas which translate to an additional annual expense of \$70 to \$80 per average household in Ontario (Enbridge, 2017). However, this is not enough to attract residential customers to switch to electricity given the cheap operational cost difference between natural gas and electricity. In order to achieve parity, natural gas prices need to increase by almost 100%. That's why government incentives are mandatory for residential building owners to encourage fuel switching when an equipment upgrade is needed in the near future.

Integration of renewable energy in the residential energy mix: This strategy refers to the on-site renewable energy generation through solar, wind or biomass. Solar photovoltaic is the most common system to generate electricity. This electricity can be used to offset the building space heating and water heating requirements. With the advancements in the solar technology and energy storage along with a reduced cost of equipment and government support, this can constitute a viable option to greatly reduce the GHG emissions of residential buildings in Ontario.

Low carbon new residential buildings: While 80% of the existing buildings will remain in 2030, there will be a major development in Ontario residential building stock that can be exploited. Investors and new building owners have an opportunity to contribute to the reduction of carbon emissions through investment in the construction of net zero buildings. These buildings usually offset their GHG emission with low carbon renewable energy generated onsite or contractually procured (Canada Green Building Council, 2017). Tenants on the other hand should be willing to pay a premium to live in green buildings that respect the environment which will put some pressure on building developers and exiting building owners to upgrade their standard and embrace green initiatives.

If all new residential building were to be constructed according to a certain zero or low carbon

standard, a significant reduction emission can be achieved. Government can either impose a new building code for residential building to reduce their carbon footprint and/or reward net zero buildings through grants and incentives. In order to achieve the

GHG reduction target from residential buildings in Ontario, different recommendation was considered. The table below depicts the potential impact of the main recommendation on emission reduction based on the literature review:

Table 1: Average GHG reduction per measure

Measure(s)	GHG Emission Variance (%)
Current measures	+6.25%
Recommissioning	-8.35%
Energy efficiency retrofits	-20.00%
Fuel switching (heat pumps or district energy)	-70.82%

Different scenarios were considered in order to assess the impact of each of the recommendation and the required level of adoption among residential

buildings to achieve the 30 per cent reduction target in 2030. Table 2 below present the different scenarios considered:

Table 2: Different scenarios saving and GHG reduction per measure

#	Scenario	Recommissioning adoption (%)	Energy efficiency retrofits adoption (%)	Fuel Switching adoption (%)	Implementation	Years to 2030
0	Current measures	-	-	-		
1	Recommissioning	70%	0%	0%	2018	12
2	1 + Energy efficiency retrofits	70%	50%	0%	2020	10
3	2 + Fuel switching	70%	50%	30%	2022	8

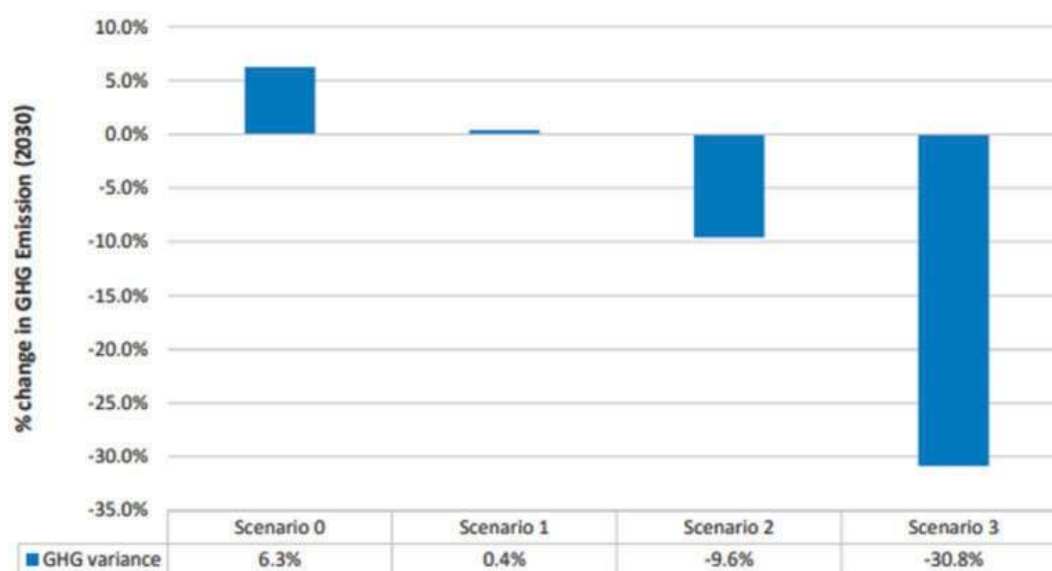

Figure 6: Summary of potential scenarios results (2030)

As shown in figure 6 above, Scenario 3 which suggest that of all residential buildings in Ontario, 70% would implement commissioning, 50% energy efficiency retrofits and 30% would switch from natural gas to heat pump would be the perfect scenario to achieve the GHG reduction target. Accomplishing such scenario and adoption rate would not be easy and would require government intervention for encouragement by incentive and grant or enforcement for fuel switching at the time of equipment upgrade.

Limitations of the Analysis

The analysis considered Ontario as one geographical area, however the energy consumption and GHG emission of residential buildings will most likely depend on climatic conditions. In fact, the space heating and space cooling energy use are closely related to the heating degree days and cooling degree days respectively which vary considerably in different parts of Ontario (i.e. southern Ontario vs northern Ontario).

Future work should assess different theoretical scenarios using assumed rate of adoption of each of the recommended measures above. A deduction of the best combination of measures to reduce the GHG emission and meet the provincial target of residential buildings in Ontario by 2030. In order to do so, the population growth in Ontario along with the increase of building stock and the evolution of building type, energy source, energy end-use need to be forecasted.

Conclusion

This article explored the business opportunity for residential buildings in Ontario to contribute to the emission target reduction. In order to achieve the ambitious emission reduction target of 30% by 2030 below 2005 level, there is a need for a joint effort between building owners, building tenant (renters) and the government. Building owners of existing building need to invest in energy efficiency projects that can reduce their energy consumption and cut their emission along with improved tenant comfort and indoor air quality. Future building owners need to invest in low carbon and net zero building and

focus on acquiring high efficiency equipment along with onsite renewable energy generation to offset emissions caused by building heating and cooling loads. Building tenants need to adjust their behavior to reduce heating and cooling waste. In addition, they need to be aware about the climate change challenge and value green buildings and green initiatives, for instance, they may pay a premium to live in a green building or to implement a major building retrofit to reduce GHG emissions. The Government has also an important role to play by supporting green initiatives in residential buildings. This can be achieved through grants or incentives or by imposing new green standard and/or building codes. The introduction of Cap and Trade is also a first step in order to impose a carbon price, push businesses to think about climate change and shift the energy prices of natural gas. With the introduction of the Energy and Water benchmarking initiative in Ontario, the government will soon have a clear vision about the biggest energy consumers and GHG emitters. Therefore, an action plan should be developed to target these buildings and implement the appropriate measures.

References

- Axon, C. J., Bright, S. J., Dixon, T. J., Janda, K. B., & Kolokotroni, M. (2012). Building communities: reducing energy use in tenanted commercial property. *Building Research & Information*, 40(4), 461-472.
- Canada Green Building Council (CaGBC). (2016). *Building solutions to climate change*. Vancouver: CaGBC.
- National Round Table on the Environment and the Economy. (2012). *Framing the Future: Embracing the low-carbon economy*. Ottawa: National Round Table on the Environment and the Economy.
- CarnmetEnergy. (2008). *Recommissioning Guide for Building Owners and Managers*. Varennes: Natural Resources Canada.
- Eberlein, B., & Matten, D. (2009). Business Responses to Climate Change Regulation in Canada and Germany: Lessons for MNCs from Emerging Economies. *Journal of Business Ethics*, 86, 241-255.
- Enbridge. (2017, 7 12). *Cap and Trade-Residential*. Retrieved from Enbridge: <https://www.enbridgegas.com/corporate/ontario-clean-energy-future/cap-andtrade/Residential.aspx>
- Environment Canada. (2014). *Canada's Emission Trends*. Gatineau: Environment Canada.
- Environmental Commissioner of Ontario. (2016). *Facing Climate Change: Greenhouse Gas Progress Report*. Toronto: Environmental Commissioner of Ontario.

- Gass, P., & Boyd, B. (2015, November 17). *Canadian Climate Change Policy: Lessons from the provinces*. Retrieved from International Institute for Sustainable Development: <https://www.iisd.org/blog/canadian-climate-change-policy-lessons-provinces>.
- Government of Ontario. (2017, 7 12). *Cap and trade*. Retrieved from Ontario: <https://www.ontario.ca/page/cap-and-trade>
- Hoffman, A. J. (2005). Climate Change Strategy: The business Logic behind voluntary Greenhouse Gas reductions. *California Management Review*, 47(3), 21-46.
- Hoffman, A. J., & Woody, J. G. (2008). *Climate Change: What's Your Business Strategy?* Boston: Harvard Business Press.
- Independent Electricity System Operator (IESO). (2017). *An Examination of the Opportunity for Residential Heat Pumps in Ontario*. Toronto: Independent Electricity System Operator.
- Kahn, M. E., Kok, N., & Quigley, J. (2014). Carbon emissions from the commercial building sector: The role of climate, quality, and incentives. *Journal of Public Economics*, 113, 1- 12.
- Ministry of the Environment and Climate Change. (2016). *Climate change action plan 2016- 2020*. Toronto: Ministry of the Environment and Climate Change.
- Natural Resources Canada. (2014). *Improve Your Building's Energy Performance: Energy Benchmarking Primer*. Ottawa: Natural Resources Canada.
- Natural Resources Canada. (2014). *Survey of Household Energy Use 2011: Detailed Statistical Report*. Ottawa: Natural Resources Canada.
- Ontario Ministry of Energy. (2017, 7 12). *Energy and Water Reporting and Benchmarking for Large Buildings*. Retrieved from Ministry of Energy: <http://www.energy.gov.on.ca/en/ontarios-ewrb/>
- Power, B. (2017, April 1). *Bullfrog Power*. Retrieved from Bullfrog Power: <https://www.bullfrogpower.com/>
- Renilde Becqué, E. M.-S. (2016). *Accelerating Building efficiency: Eight Actions for Urban Leaders*. Washington, DC: World Resources Institute.
- The Carbon Trust. (2009). *Building the future, today*. London: The Carbon Trust.
- Wiencke, A. (2013). Willingness to Pay for Green Buildings: Empirical Evidence from Switzerland. *JOSRE*, 5(1), 111-133.

Failures in the International Legal Approach to Terrorism*

R. Schweitzer

Graduate Student in Political Science of Columbia University. USA, New York, NY 10027

e-mail: rms2233@columbia.edu

<https://doi.org/10.20429/aujh.2019.090106>

Abstract. The recent rise in terrorism around the world has raised many questions surrounding the impact of international law. Each country and organization has a different definition of 'terrorism' and who/what groups are included in this definition. For this very reason, trying to prosecute international terrorist or terrorist organizations is complex and typically unfair in its approach. As the world continues to change, so does terrorism; however, the definition of terrorism is outdated and obsolete. Until terrorism can truly be understood in the international community, the international legal approach to terrorism will continue to fail.

This paper will explore the ambiguity of terrorism in international law and will demonstrate the importance of states and legal bodies to agree upon a clear, definitive definition of 'terrorism' in international law. To conduct this research, I synthesized and analyzed current literature, treaties, agreements, and laws from nations and international organizations, which will allow international policy makers to understand the need for a strong legal definition of 'terrorism'.

Keywords: Terrorism, International Law, United Nations, Security.

Абстракт. В связи с недавним ростом терроризма во всем мире возникло много вопросов, касающихся воздействия международного права. Каждая страна и организация имеет свое определение понятия «терроризм» и того, кто/какие группы входят в это определение. Именно по этой причине попытки преследовать в судебном порядке международные террористические или террористические организации являются сложными и, как правило, несправедливыми в своем подходе. По мере того, как мир продолжает меняться, изменяется и понятие «терроризм», однако определение терроризма устарело и неактуально. До тех пор, пока терроризм не будет по-настоящему понятен международному сообществу, международно-правовой подход к терроризму и далее будет терпеть неудачу.

В настоящем исследовании изучена двусмысленность понятия «терроризм» в международном праве и продемонстрирована важность того, чтобы государства и юридические лица договорились о четком, окончательном определении понятия «терроризм» в международном праве. Для проведения этого исследования я обобщил и проанализировал современную литературу, договоры, соглашения и законы стран и международных организаций, что позволит лицам, ответственным за разработку международной политики, понять необходимость выработки четкого правового определения понятия «терроризм».

Ключевые слова: терроризм, международное право, ООН, безопасность.

Introduction

Over the last few decades, countries, states, and organizations have dealt with a new, complex international threat - terrorism. As the world has become more complex and interconnected,

so too, has the struggles between ideologies (political and religious) and cultures. This global interconnectedness, or globalization, has allowed many to interact, liberalize, and modernize in ways previously unimagined, but these processes have also brought about swift changes that many find

* Р. Швейцер (выпускник по специальности «политология» Колумбийского университета. США, Нью-Йорк, 10027). «Провалы международно-правового подхода в борьбе с терроризмом».

disagreeable. In order to defend against the onslaught of changes currently seen in the modern world, some actors and states have used terrorism as a means to undermine certain changes to ideologies, governments, and institutions. Without a working international legal system to deal with terrorism, sometimes, these acts go without acknowledgment from the international community.

While the domestic and international sphere has been quite capable of handling economic, social, and political threats in the past, as seen in the World Wars, various humanitarian crises, and economic depressions, the international order has not found an effective way to deal and respond to terrorism (and the threats and damages it brings). International organizations, like the United Nations and International Criminal Court, try to find ways to deal with terrorism, but since states have various interests when it comes to terrorism, it is hard to create an international legal standard, as Sir Arnold K. Amet addresses in “Terrorism and International Law: Cure the Underlying Problem, Not Just the Symptom.” This paper will analyze further scholarly works and international laws/treaties in order to place the ‘terrorism’ ambiguity within a larger legal context. Without a comprehensive international legal standard and definition of terrorism, acts of terrorism will continue to aggravate difficulties within worldwide legal frameworks.

Definition Issue

The international legal system is inadequate in its response to terrorism and this inadequacy is reflected through the lack of a universal definition of terrorism, the lack of an international structure to deal with terrorism, and the ambiguousness of groups like the Palestine Liberation Organization. When there is a lack of agreement on what constitutes terrorism and who can be considered a terrorist, it is difficult to create an adequate response from the legal perspective. A lack of definition creates tension between domestic and international entities, especially when attempting to create cohesive treaties and structures.

This becomes more complex as terrorist activities are always changing; therefore, the definition is always evolving as well. In order to understand this

evolution, it is important to start from where the international system began in the modern mindset—the League of Nations. The League of Nations defined terrorism as “criminal acts directed against a state or intended to create a state of terror in the minds of particular person or a group of persons of the general public.” This definition is very broad, clearly lacks motivation for these incidents (i.e. political motivation, ideologies, etc.), and does not create a response plan for terrorist incidents. This Convention, while a good attempt, contained flaws, and would never actually go into force, due to the onset of the World War (Okoronye, 2013).

Another attempt at creating a universal definition was with the United Nations’ 1994 “Declaration on Measures to Eliminate International Terrorism,” it defines *terrorism* as “Criminal acts intended or calculated to provoke a state of terror in the general public, a group of persons or particular persons for political purposes are in any circumstance unjustifiable, whatever the considerations of a political, philosophical, ideological, racial, ethnic, religious or any other nature that may be invoked to justify them.” This definition went further in the right direction than the League of Nations’, but it still lacked who could be defined as a terrorist and only referred to terrorist acts to ‘provoke a state’.

After the events of September 11th, 2001, the United Nations’ UN Security Council Resolution 1566 defined terrorism as “criminal acts, including against civilians, committed with the intent to cause death or serious bodily injury, or taking of hostages, with the purpose to provoke a state of terror in the general public or in a group of persons or particular persons, intimidate a population or compel a government or an international organization to do or to abstain from doing any act” (United Nations Security Council, 2004). Resolution 1566 is only one of many changes throughout the definition of *terrorism* at the United Nations. For many other entities (states, organizations, etc.) the definition of terrorism is much broader or narrower. This UN definition is still inadequate because many states do not agree with it due to the fact that each state uses different definitions to advance particular interests (Wiak, 2012). As a point of demonstration and comparison, the United States under “Title 22 Chapter 38 U.S. Code § 2656” defines *terrorism* as “premeditated, politically motivated violence

perpetrated against noncombatant targets by subnational groups or clandestine agents” (U.S. Code, 2018). Of course, after recent terrorist attacks, under the Patriot Act, the United States government has provided a much wider, yet nuanced definition of *terrorism*. The United States has changed their definition, not to advance an international agenda, but rather to pursue a particular domestic agenda. On the other hand, Egypt, under the “Anti-Terrorism Reform Act” defines *terrorism* as “any use of force... aimed at disturbing the peace” (Chiha, 2013). Egypt uses this narrow definition in order to “weaken political opposition” and target groups that may challenge the government (Chiha, 2013). In each of these instances, domestic definitions of *terrorism* do not match the UN’s definition.

Treaties

As demonstrated, the issue of defining terrorism is a complex issue for many governing bodies around the world, but it is only the beginning of the faults in the international system when it comes to responding to terrorism. Before the events that transpired in the United States on September 11, 2001, the international legal community only had a few means in place to deal with terrorism. Even so today, there is not one, overarching treaty to deal with terrorism. The United Nations does play a role in dealing with terrorism, which will be discussed later in this paper, but there is still a lack of a unified treaty or agreement for the international community to follow. Instead, there are treaties and conventions dealing with different types of terrorist activities (but these still have their flaws, too).

One such example of this was the “Montreal Convention for the Suppression of Unlawful Acts Against the Safety of Civil Aviation 1971.” Within this convention, it stated that any acts of destruction to an aircraft while on the ground, which would later cause issues in-flight, were illegal (Okoronye, 2013). While this was a good first step, especially due to the fact that aviation terrorism really had not taken place much at this point, in hindsight, there were clear flaws. The type of events that took place on 9/11 is not mentioned in this 1971 convention, so it was clearly lacking - the convention only states the illegality of destruction on the ground, not mid-flight.

It would be several decades later for this flaw to be acknowledged. The post 9/11-period became the time when the international community was concerned and ready to confront the issue of terrorism. In 2010, the United Nations Office of Counterterrorism created the “Convention on the Suppression of Unlawful Acts Relating to International Civil Aviation.” Under this convention, it “criminalizes the act of using civil aircraft as a weapon to cause death, injury or damage” in addition to any destruction before or after a plane leaves the ground (United Nations Office of Counter Terrorism). This updated convention fills in the gaps of the previous treaties relating to aviation terrorism, as with the Montreal Convention, discussed previously.

Another example of these individual treaties to suppress terrorist acts is the United Nations’ “1988 Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Maritime Navigation.” This convention “makes it an offence for a person unlawfully and intentionally to seize or exercise control over a ship,” which would later be updated in 2005 to include the criminalization of using “a ship as a device to further an act of terrorism” (United Nations Office of Counter Terrorism). However, even with the updated phrasing and inclusion of the word “terrorism” in the convention (along with all other conventions) does not have a set mechanism to enforce these international agreements, which is why the international community fails in its response to terrorism. If a terrorist incident occurs, it has become extremely complex to decide not only how to deal with the offenders and where they should be tried and punished, but also how to enforce these treaties and conventions in the first place. There are some international structures in place that help with address some of these concerns; however, as will be shown, they are still inadequate.

In 1972, the General Assembly of the United Nations expressed “deep concern over increasing acts of violence, which endanger innocent human lives or jeopardize fundamental freedoms” (Wiak, 2012). While the UN began to see terrorism as a larger threat, a unified definition still was unable to be determined. However, in the 1972 General Assembly, an Ad Hoc Committee for international terrorism was created, “consisting of the representatives of 35 countries” (Wiak, 2012). This was one of the

first international action committees to deal with terrorism. Unfortunately, with such a diverse group of countries working together, the members failed to agree on “fundamental issues as the assessment of the legality of acts of terrorism committed in the struggle for national liberation...and the need to agree on one definition” (Wiak, 2012). After several more years of this working committee, nothing further was agreed upon, besides realizing the importance of dealing with terrorism as an international community. The UN did have another way to deal with terrorism – the Security Council.

UN Security Council

Late into the 1990s, the UN Security Council (UNSC) was underused, especially within the realm of dealing with terrorism. Up until this point, the Security Council “under Chapter VII of the UN Charter, [had only] imposed sanctions on countries engaged in terrorist activities” (Wiak, 2012). However, after 9/11, the Security Council became more involved in the fight against terrorism, including “[exercising] its right to issue decisions legally binding on all the UN member states [and] aimed at expediting international cooperation and correspondence of domestic laws” (Wiak, 2012).

One of the most important introductions by the UNSC was resolution 1373, which aimed to counteract the financing of terrorism. Under this resolution, it “[requires] the UN member states to thoroughly review internal legislation and take legislative action to implement them into national law” (Wiak, 2012). This was the first instance, under Chapter VII of the UN Charter, which required “adjusting domestic laws” across all nations (Wiak, 2012). This is important to note especially since there still is not an agreed upon definition of terrorism nor is there an enforcer of UNSC decisions. Based upon this fact, not all states, such as Iran and Russia, comply with UNSC decisions on terrorism and challenge the legality of such resolutions. Without an international enforcer, the legality of international agreements, treaties, and UN resolutions will continue to be challenge; in essence, making the international response to terrorism inadequate since no decisions or actions are binding on all states. However, in order to mitigate these issues, the United

Nations has created two bodies that specifically deal with terrorism – the Office of Counter-Terrorism and the Al-Qaeda/Taliban Monitoring Team (a United Nations Security Council Subsidiary Organ). These two UN components track, monitor, and mobilize the rest of the response teams; however, as these programs were created very recently, even as early as 2017, it has yet to be seen how effective these implementations will be in international law and terrorism.

International Criminal Court

In order to bring some control or enforcement into the international arena, cases of terrorism have been brought to the International Criminal Court. The International Criminal Court (ICC) has jurisdiction of crimes of genocide, crimes against humanity, war crimes, and crimes of aggression (Okoronye, 2013); however, currently, while terrorism could fall under some of these crimes, terrorism is not tried in the ICC. As this paper has shown, the main reason for inadequacy of the response to terrorism is a lack of a collective definition.

The Diplomatic Conference in Rome in 1998 “restricted the competence of the ICC only to the category of core crimes” and rejected the jurisdiction of terrorism due to a lack of a unified definition (Wiak, 2012). As such, when terrorist acts occur, individual states deal with the legal actions – as the US did with Al-Qaeda after the events of 9/11. Again, though, this is not an effective way to deal with terrorism due to the fact that there is not a unified definition of what constitutes terrorism or a terrorist; therefore, since there is a failure to define terrorism, even at the legal/court level, the international community cannot begin to deal effectively with terrorism. This ambiguity allows individual states to exercise autonomy, which leads to issues like in the Israeli/Palestinian conflict, becoming unresolved legally. This subjectivity allows for an unregulated international system where there are not legal precedents, but only retaliatory acts. Without a definition of terrorism or an international legal structure to deal with terrorism, groups can become labeled and tried as “terrorists,” when in fact they may be simply “freedom fighters” (Goldstone, 2003).

Palestine Liberation Organization

Dealing with terrorism in the international legal arena has typically led to failure. This failure comes from the fact that terrorism has not been defined and accepted within the international community. The difficulty lies with the subjectivity behind what constitutes terrorism and who qualifies as a terrorist organization. For each state, designating a group as a “terrorist” is varied, which makes international legal standards and means difficult to apply. As one scholar described, “the statement, ‘one man’s terrorist is another man’s freedom fighter’ [has created] one of the most difficult obstacles in coping with terrorism” (Ganor, 2002). Without a cohesive definition in the international legal field, political violence is often times in the grey area and not classified as a terrorist act. As stated before, this definition ambiguity allows states to decide independently when to label a group as terroristic, which can allow for unwarranted protections and/or persecutions. One of the best examples of this difficulty is with the Palestine Liberation Organization (PLO).

The PLO was created to challenge the authority of Israel to own and create settlements in historically Palestinian territory. Often times, this challenge to Israeli authority has created bloodshed, with innocents from both sides of the argument dead. Under some definitions, such as from the perspective of the United States and Israel, the PLO would be, and is, classified as a terrorist organization. However, to many Arab states, most notably Palestine and Egypt, the PLO’s actions do not allow for the organization to be classified as ‘terrorist.’ In 1972 when the Popular Front for the Liberation of Palestine (one of the groups comprising the PLO) killed Israel civilians at Lod Airport, United Nations Secretary General Kurt Waldheim tried to label this act as a terrorist incident, he received considerable criticism (Sofaer, 1985). He argued that since civilians had died, it was an act of terrorism; however, Arab states protested that it could not be labeled as terrorism “without considering its causes” (Sofaer, 1985). In fact, much of the opposition saw the actions as “regarding to colonial and dependent peoples seeking independence and liberation,” which Secretary General Waldheim would also state (Sofaer, 1985).

Even after significant updates to international law, the UN, Israel, PLO and PLO Backed-Arab states, and the United States all disagree with how international law should apply to this situation. For Israel, when the PLO attacks, under Resolution 1373 of the UN Security Council, they have a right to defend themselves (Amet, 2013). However, the PLO states that they were the ones attacked first since Israel is on their territory; therefore, they respond by attacking again. This situation occurs over and over again, and is now seen with Hamas (a PLO-type organization).

To states like Israel, the PLO is waging a war using terroristic means in order to inflict damage and fear into the Israeli population; this is not a fight for freedom, but a way to undermine the state of Israel (History, 2018). Even with recent updates to the definition of terrorism by the United Nations, there is still leeway for the “freedom fighter” argument. Groups, such as Palestinians, who struggle under states like Israel, use tactics that could be labeled as terroristic in other contexts, but since they use them as legitimate means against “regimes deemed...colonial,” the international legal system remains ineffective (Sofaer, 1985). Until a more cohesive definition can be made, each state can make individualized definitions, in order to contain groups that threaten them (in any way). The subjectivity due to a lack of a framework and working definition of terrorism in the international community, means that Israel and groups like the PLO will continue to operate in an international environment without any real legal protections or perceptions of terrorism.

The difficulty even extends within the domestic legality of the United States, as seen with the U.S. courts deciding not to prosecute the PLO after killing U.S. citizens abroad (Hurley, 2018). The courts decided it was outside their jurisdiction, even when there are U.S. laws that apply to terrorism killing U.S. citizens (Hurley, 2018). While this domestic example is outside the scope of this paper, it demonstrates the difficulty of creating an international legal system with agreed upon jurisdiction and definitions – when domestic laws, especially those of the United States, cannot deal with the legality of international terrorism, the international community cannot be expected to do so either.

Conclusion

International law is always adapting to changes in the international arena, and this evolution process needs to occur within the realm of terrorism. Currently, there lacks a cohesive definition of terrorism amongst states and international legal structures. Without a unified definition, there will be an inadequate response to terroristic acts within the international legal community. As with powerful organizations such as the Palestine Liberation Organization, the links between terrorism and freedom fighter will only continue to become more complex without a working, legal definition of terrorism. In the wake of ambiguousness, the international legal community will not be able to perform the necessary functions to prevent and respond to the threats that terrorism poses; instead, the international community will be left with inadequate legal structures that run the risk of incentivizing terrorist groups rather than instilling them with fear of legal justice.

References

- Amet, Sir Arnold K. (2013). "Terrorism and International Law: Cure the Underlying Problem, Not Just the Symptom." *Annual Survey of International & Contemporary Law*.
- Chiha, Islam Ibrahim. (2013). "Redefining Terrorism under the Mubarak Regime: Towards a New Definition of Terrorism in Egypt". *The Comparative and International Law Journal of Southern Africa*.
- Ganor, Boaz. (2002). "Defining Terrorism: Is One Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter?" *Police Practice and Research: An International Journal*.
- Goldstone, Richard J. (2003). "Evaluating the Role of the International Criminal Court as a Legal Response to Terrorism." *Harvard Human Rights Journal*.
- History. (2018). *PLO*. <https://www.history.com/topics/middle-east/plo>.
- Hurley, Lawrence. (2018). *U.S. Top Court Will Not Revive Verdict Against Palestinian Authority, PLO*. Reuters. <https://www.reuters.com/article/us-usa-court-palestinians/u-s-top-court-will-not-revive-verdict-against-palestinian-authority-plo-idUSKCN1H916U>.
- League of Nations. (1937). "League of Nations Convention for the Prevention and Punishment of Terrorism".
- Okoronye, Innocent. (2013). *Terrorism in International Law*. Whytem Publishers.
- Sofaer, Abraham D. (1985). "Terrorism and the Law". *Foreign Affairs*.
- United Nations General Assembly. 1994. A/RES/49/60. "Declaration on Measures to Eliminate International Terrorism".
- United Nations Office of Counter Terrorism. "International Legal Instruments." <https://www.un.org/counterterrorism/international-legal-instruments>.
- United Nations Security Council. 2004. "Resolution 1566".
- U.S. Code. 2018. "Title 22 Chapter 38 U.S. Code § 2656," Legal Information Institute. *Cornell Law School*.
- Wiak, Krzysztof. (2012). *Terrorism and Criminal Law*. Wydawnictwo KUL.

Единое европейское воздушное пространство: быть или не быть?*

Г. Мысаева

Руководитель, Казахстанский институт общественного развития «Рухани жаңғыру».

Казахстан, Нур-Султан

e-mail: g.mysaeva@kipd.kz

<https://orcid.org/0000-0002-9526-9621>

Абстракт. Тема создания Единого европейского воздушного пространства остается открытой на протяжении долгого времени. Цель статьи – рассмотрение будущего данной инициативы, которая находится на стадии реализации и включает в себя комплекс правовых норм, влияющих на экономическое взаимодействие стран ЕС и сотрудничающих с ЕС стран.

Основная задача статьи – раскрыть фрагментарность в подходах международно-правового регулирования видов деятельности и показать необходимость утверждения единых основ в регулировании этой деятельности.

В статье рассмотрены этапы развития Единого европейского воздушного пространства, ряд регламентов, повлиявших на процесс образования единого пространства. В целом европейское воздушное пространство представлено двусторонними соглашениями между ЕС и третьими странами, которые устанавливают общие стандарты, в том числе и безопасности, позволяя эффективно и безопасно его использовать. Отмечено, что единое пространство ЕС с третьими странами было сформировано наряду с постепенной либерализацией рынка и гармонизацией законодательства в сфере международных воздушных сообщений. Также рассмотрено наличие двух противоположных тенденций – либерализации и протекционизма, – где в число сторонников либерализации входят крупнейшие авиадержавы, в противоположность которым государства выступают в защиту интересов национальных авиаперевозчиков. Роль посредника выполняет Международная организация гражданской авиации, которая балансирует между этими двумя тенденциями.

Соглашение об ассоциации с ЕС предусматривает заключение Соглашения об общем авиационном пространстве. В связи с этим рассмотрены преимущества и риски его подписания с указанием примеров. В целом вопрос создания Единого европейского воздушного пространства продолжает оставаться открытым, а вместе с ним юридическое и экономическое регулирование.

Ключевые слова: воздушный транспорт, Единое европейское воздушное пространство, Международная организация гражданской авиации (ИКАО).

Abstract. The topic of creating the European Common Aviation Area has been open for a long time. The purpose of the article is to consider the future of this initiative, which is in the process of implementation and includes a set of legal norms affecting the economic interaction of the EU countries and the countries cooperating with the EU.

The main objective of the article is to reveal the fragmentation in the approaches of international legal regulation of activities and to show the need to establish a common framework for the regulation of these activities.

The article considers the stages of development of the European Common Aviation Area, a number of regulations that have influenced the process of formation of the Common Aviation Area. In general, the European airspace is represented by bilateral agreements between the EU and third countries, which establish common standards, including safety, allowing its effective and safe use. It was noted that a common EU space with third countries was formed along with the gradual liberalization of the market and harmonization of legislation in the field of international air traffic. It was also considered that

* G. Mysayeva (Head, Kazakhstan Institute for Social Development «Rukhani Zhangyru». Kazakhstan, Nur-Sultan).
«The european common aviation area: to be, or not to be?».

there are two opposing trends - liberalization and protectionism, where the proponents of liberalization include the largest air carriers, in contrast to which states are in favour of national air carriers. The International Civil Aviation Organization played the role of facilitator, balancing the two trends.

The Association Agreement with the EU provides for the conclusion of the Common Aviation Area Agreement, and the advantages and risks of signing it are examined, with examples. In general, the creation of the European Common Aviation Area remains open, and with it legal and economic regulation.

Keywords: air transport, European Common Aviation Area, International Civil Aviation Organization (ICAO).

Введение

Создание Единого европейского воздушного пространства направлено на реорганизацию архитектуры европейской системы управления воздушным движением. Главная цель – обеспечение быстровозрастающих потребностей в вопросах пропускной способности, обеспечения безопасности полетов и охраны окружающей среды. Единое европейское воздушное пространство выступает за объединение разных по уровню развития и условиям регулирования воздушных территорий.

В 2006 году подписано многостороннее авиационное соглашение о создании единого авиационного района в Европе (ЕСАА) между ЕС и его странами-членами и десятью соседними государствами. Основной упор был сделан на юридическое обеспечение процесса Единого европейского неба всех участников и заложено совершение полетов в любую страну – участник соглашения без каких-либо ограничений относительно выбора маршрута и количества (частоты) полетов, а также предоставление возможности реализации таких полетов любой из авиакомпаний стран – участников соглашения.

Основополагающими принципами, заложенными в основу Единого европейского воздушного пространства, стали: создание функциональных блоков воздушного пространства в зависимости от потоков воздушного движения, а не от национальных границ; эффективная реализация правил гибкого использования воздушного пространства, позволяющего в соответствии с требованиями ИКАО развивать сотрудничество между военными и гражданскими пользователями воздушного пространства; полезность для ряда стран – участников переговорного процесса, занимающихся поиском путей повышения эффективности использования своего воздушного пространства. Принципы являются экономически

и политически выгодными при использовании общего воздушного пространства. Для развития европейского сектора авиации создаются лучшие условия, увеличивающие количество пассажиров, и предоставляется возможность путешествовать без визовых ограничений. Кроме того, единое воздушное пространство способствует развитию смежных секторов европейской экономики, позволяя создавать условия для процесса либерализации в условиях глобализации. В целом процесс направлен на обеспечение одинаковых правил игры на общем рынке, усиление безопасности на общеевропейском уровне, модернизацию регуляторной среды в части управления воздушным движением, борьбу с изменениями климата в части контроля за вредными выбросами.

В 2008 году принят пакет актов, закрепивший разграничение воздушного пространства в Европе на девять зон контроля – функциональных блоков воздушного пространства. Также был реализован технологический компонент внедрения, направленный на обеспечение широкого использования новейших технологий в авиационном секторе.

Обзор литературы

Единое европейское воздушное пространство – это прежде всего комплексный подход, в основе которого лежат правовые нормы, заложенные в ряде документов, способствовавших его развитию. Основы заложены в доктрине воздушного права французского юриста П. Фошиля «Воздушное пространство и юридический статус аэростатов» (1901), где впервые обоснована концепция «свободы воздуха», которую поддерживали А. Мериныйяк, К. Фербер и другие ученые. Все воздушное пространство планеты – «воздух» – должно быть полностью свободно для целей полетов. В целом эта идея и была реализована

в части открытого воздушного пространства или воздушного пространства, не находящегося под суверенитетом государств.

Представителями другой теории на раннем этапе развития воздушного права были Р. Грюнвальд, Е. Клюне, П. Лубейр, Ф. Лист, Е. Цительман, которые поддерживали полный и исключительный государственный суверенитет в отношении воздушного пространства, расположенного над сухопутной и водной территорией соответствующего государства.

Далее принцип суверенитета государств на воздушное пространство получил закрепление в Парижской конвенции 1919 года, и с тех пор не прекращалась дискуссия в отношении данного принципа до принятия в 1944 году Конвенции о международной гражданской авиации, где в статье 1 он был закреплён.

Также исследователями данной темы выступали А. Амброзини, К.-Х. Букштигель, М. Милде, В. Вагнер, Р. Грюнвальд, Г. Гудхойс, В. Гулдиман, Я. Шенкман, Ф. Козентини, Д. Кроэль, М. Лемуан, Г. Моргентау, Х. Политис, П. Фошиль, Ч. Хайд, Е. Цительман, Б. Ченг, К. Шоукросс и другие.

С 50-х гг. XX в. советские, а затем и российские специалисты отражали свои выводы в работах: А. И. Котов «Правовая регламентация международных полетов и Конвенция 1944 года», А. Н. Верещагин, монография «Международное воздушное право» 1969 г., а также В. Н. Дежкин, Ю. М. Колосов, Ю. Н. Малеев, А. П. Мовчан, А. И. Травников, Ф. И. Сапрыкин и другие авторы.

М. Амброзини определяет воздушное право как «отрасль права, которая изучает отношения, возникающие в связи с аэронавигацией, и определяет ее правовое регулирование» (Ambrozini, 1986: 21). М. Лемуан указывает, что воздушное право «определяет и изучает законы и нормы права, регулирующие движение и использование воздушных судов и отношения, порождаемые в связи с этим» (Малеев, 1986).

Регламентация полетов направлена на воздушные перевозки, в основе которых – поведение воздушного судна в воздухе и его взаимодействие с остальными пользователями воздушного пространства. М. Е. Волосов отмечает: «закрепленные международным воздушным правом правила поведения служат основой для установления правового режима использования земной атмосферы гражд-

данской авиацией и регулирования разнообразных отношений, складывающихся при осуществлении воздухоплавания, включая правоотношения коммерческого характера, связанные с перевозками в процессе воздушной навигации пассажиров, багажа, грузов и почты» (Бекашев, 2005: 559.). А. Н. Верещагин подчеркивает, что «отличительная черта международных воздушных сообщений состоит в том, что здесь полеты выполняются в воздушном пространстве более чем одного государства. А это означает, что решение всей проблемы международно-правового регулирования воздушных сообщений в первую очередь зависит от того, как государства относятся к использованию воздушного пространства, расположенного над их территориями» (Верещагин, 1966: 10).

Методологической основой являются основные положения научного наследия и эволюционные изменения по формированию Единого европейского воздушного пространства. Используются методы анализа: логического, сравнения и экстраполяции.

Результаты исследования. Формирование Единого европейского воздушного пространства определяется целым рядом взаимосвязанных и взаимозависимых процессов. Нарушение системы процессов регулирования несет целый ряд рисков, которые могут негативно отразиться на развитии отношений между государствами и на экономике стран, имеющих общее воздушное пространство. В этом аспекте, по мнению В. Г. Афанасьева, страны ЕС выигрывают по сравнению с другими странами, т. к. имеют большее преимущество. Единое европейское воздушное пространство представляет интересы группы стран ЕС, на которые работает либерализованный режим воздушных перевозок и воздушных сообщений, при этом перевозчики из третьих стран испытывают проблемы, которых до либерализации у них не было. Кроме того, по мнению специалистов, авиация более всего пострадала от пандемии. Прогнозы ИКАО также связаны с кризисом в авиации, который неизменно приведет к изменениям в Едином европейском воздушном пространстве.

Ценность проведенного исследования (внесенный вклад данной работы в соответствующую область знаний). Анализ развития внутреннего авиационного рынка показал, что ЕС постепенно занял свою нишу на международном рынке воздушных перевозок посредством заключения

всеобъемлющего соглашения о воздушных сообщениях со странами, представляющими крупные авиатранспортные рынки мира. Постепенно быстрое развитие авиационного рынка ЕС с третьими странами переросло в расширение внешней политики. Наличие регулирования в области воздушного пространства влияет на реализацию инициативы Единого европейского воздушного пространства, что особенно актуально после того, как будет проведена комплексная оценка воздушного пространства во время пандемии, которая уже значительно сократила количество авиакомпаний в мире.

Практическое значение итогов работы. В статье изложены этапы развития Единого европейского воздушного пространства, а также правовые нормы, регулирующие этот процесс. Отмечены преимущества и недостатки, сделано заключение о том, что развитие Единого европейского пространства не завершено.

Этапы развития Единого европейского воздушного пространства

Непосредственно на авиатранспорт приходится около 2,5 % от валового внутреннего продукта (ВВП) ЕС, а косвенно – 8 %. Практически поддерживается свыше 3 млн рабочих мест, и свыше 30 млрд евро торгового баланса приходится на регион. Авиакомпаниями обычно доставляется почти 40 % импортных и экспортных грузов для ЕС и ежегодно перевозится на континент около 366 млн пассажиров (Резолюция 1735, 2010).

Рассмотрим этапы развития Единого европейского воздушного пространства.

Первый этап (до 1982 г.). В 1978 г. Европейское экономическое сообщество определило основные направления либерализации в области воздушных сообщений, в числе которых: либерализация грузовых воздушных перевозок; признание свободы деятельности воздушного транспорта; признание дипломов и иных официальных свидетельств о квалификации экипажа воздушного судна; улучшение регионального воздушного сообщения; оказание помощи при авиационных происшествиях; гармонизация технических стандартов и норм, а также условий труда на воздушном транспорте.

В 1979 г. Комиссия Европейского сообщества приняла Меморандум о воздушном сообщении, в котором указывалось, что необходимо повышать конкуренцию на европейском рынке воздушных перевозок. Тогда же Советом ЕС приняты директива № 80/51/ ЕЭС от 20 декабря 1979 г. о снижении уровня шума, создаваемого дозвуковыми воздушными судами, и общие для всех членов ЕС правила межрегиональных полетов.

Первый этап характеризуется неопределенностью в ведении политики ЕС в данной сфере.

Второй этап (1983–1998 гг.). В 1983 г. транспорт был признан неотъемлемой частью единого внутреннего рынка. Комиссия ЕС приняла второй меморандум – «На пути к общей транспортной политике в области воздушного сообщения». До 1987 г. авиационные рынки стран Европы характеризовались протекционизмом и раздробленностью, что привело к необходимости создания единого рынка воздушного пространства ЕС. В 1987 г. Комиссия ЕС предложила первоочередные меры по поддержке справедливых условий конкуренции на рынке воздушных перевозок, а также по упорядочению тарифов на транспортные услуги и введению системы рациональной загрузки воздушного транспорта. В 1990 г. Совет ЕС принял меры по либерализации воздушных перевозок и по дальнейшей гармонизации технических стандартов и административной практики.

Совет ЕС в 1992 г. одобрил меры в виде пяти регламентов, закрепившие:

- 1) принципы свободного ценообразования на воздушные перевозки;
- 2) порядок применения технических спецификаций для приобретения оборудования и систем обслуживания воздушного движения;
- 3) введение нормативов Евроконтроля;
- 4) полную либерализацию воздушных перевозок авиапредприятиями стран – членов ЕС с 1 апреля 1997 г.;
- 5) появление режима «открытого неба» и образование Единого европейского воздушного пространства.

Генеральный и главный исполнительный директор Джованни Бисиньяни в своем программном обращении к участникам Европейского саммита по воздушному транспорту, прошедшему в г. Бордо, отметил: «создание Единого европейского неба – точно такой же проект, как и введение евро.

Суверенность даже регламентируется независимыми национальными наблюдательными органами» (Формирование Единого европейского неба, 2008).

В целом Совет ЕС принял правовые акты, направленные на: унификацию технических требований к оборудованию и системе управления воздушным движением; гармонизацию порядка аварийного оповещения и информирования об иных событиях, влияющих на безопасность полетов; унификацию оснований ответственности авиаперевозчиков при несчастных случаях.

Также предприняты меры, ограничивающие критерии, допускавшие картельные соглашения и картельную практику на рынке воздушных перевозок, в отношении совместного планирования и координации планов полетов, осуществления воздушных перевозок, установления тарифов воздушной перевозки пассажиров и грузов и определения временных интервалов в аэропортах.

С 1999 г. концепция Единого европейского воздушного пространства внедрена в практику. ЕК сформулировала основные понятия, одобренные ЕС и Европейским парламентом 23–24 марта 2000 г. в Лиссабоне. Было принято определение воздушного пространства стран – членов ЕС как совместного ресурса, подлежащего рациональному использованию в общих интересах. Для решения вопросов юрисдикции, в рамках суверенного воздушного пространства, проведена реформа управления воздушным движением и приняты общие для членов ЕС меры: по повышению безопасности полетов; созданию взаимосогласованного режима военной и гражданской деятельности

в европейском воздушном пространстве; требованиям охраны и защиты окружающей среды.

Принято решение о том, что стандарты и рекомендуемая практика ИКАО и Евроконтроля носят рекомендательный характер для членов ЕС. В то же время в отношении решений ЕС по воздушным сообщениям и воздушному транспорту признается обязательная сила.

ЕК 30 ноября 2001 г. объявила о программе действий по созданию Единого европейского воздушного пространства и представила проект регламента «Об определении рамок создания Единого европейского воздушного пространства», где заложили перечень мер, необходимых для создания Единого европейского воздушного пространства к 31 декабря 2004 г. В регламенте заложены: принципы создания пространства; создание Комитета по использованию Единого воздушного пространства; формы взаимодействия ЕС с третьими странами посредством заключения двусторонних соглашений или посредством сотрудничества в рамках Евроконтроля.

ЕК 11 декабря 2001 г. определила направления реорганизации структуры воздушного пространства в пределах воздушного пространства ЕС и управления им, выработан унифицированный подход к производству, размещению и использованию аэронавигационных и иных систем, подлежащих применению органами обслуживания воздушного движения и на воздушном транспорте, которые отражены в документе «О создании Единого европейского воздушного пространства». В рамках документа разработано три регламента (см. табл. 1).

Таблица 1

№ п/п	Наименование регламента	Цель
1.	Об осуществлении обслуживания воздушного движения в Едином европейском воздушном пространстве	Реорганизация диспетчерского, метеорологического и консультативного обслуживания, аварийно-спасательных и дополнительных служб
2.	О структуре и использовании воздушного пространства в Едином европейском воздушном пространстве	Определение статуса общеевропейского верхнего района полетной информации и установление структуры аэронавигационных районов, которая не обязательно совпадает с границами суверенного воздушного пространства отдельных государств – членов ЕС
3.	О взаимодействии систем управления воздушным движением	Проведение единой технической политики ЕС в сфере аэронавигации, условий эксплуатации ОВД и правил, применяемых в процессе обеспечения ОВД и осуществления воздушных перевозок
Вывод: регламенты завершили процесс образования Единого европейского воздушного пространства		

Соглашение об общем авиационном пространстве

В рамках рассмотрения Единого европейского воздушного пространства необходимо рассмотреть и Соглашение об общем авиационном пространстве. Инициаторами объединения воздушного пространства в 40-х гг. XX в. выступили США, которые с конца 70-х вели переговоры с другими странами по внедрению двусторонней политики Open Skies, которая отменяла государственное вмешательство в конкуренцию авиаперевозчиков. Практически 100 стран стали партнерами США, и 70 % международных рейсов, отправляющихся из городов США, действуют в рамках соглашения Open Skies («Открытое небо»: откуда оно взялось и что это значит для Украины, 2016).

В 2007 г. подписан договор с ЕС, который предоставил авиакомпаниям США право на выполнение перелетов в ЕС без ограничения по количеству направлений, ценам, партнерствам и частоте

рейсов. Подобные права получили и европейские авиакомпании, выполняющие полеты в США. ЕС было подписано соглашение о либерализации воздушного сообщения с Канадой, Грузией, Израилем, Иорданией, Молдовой, Марокко и со странами Западных Балкан.

В целом Европейское общее авиационное пространство представлено двусторонними соглашениями между ЕС и третьими странами, которые устанавливают общие стандарты безопасности, позволяя эффективно и безопасно использовать воздушное пространство. Совместное авиационное пространство ЕС с третьими странами формируется наряду с постепенной либерализацией авиационного рынка и гармонизацией законодательства в сфере гражданской авиации. В целом Соглашение об ассоциации с ЕС предусматривает заключение Соглашения об общем авиационном пространстве (САП). Рассмотрим преимущества и риски подписания САП (см. табл. 2).

Таблица 2

Преимущества	Риски
1	2
Отказ от двустороннего регулирования авиаперевозок между странами	Многостороннее соглашение подписывается не всеми странами, и, как показывает практика, необходимость в двустороннем регулировании будет иметь место
Снять ограничения по количеству рейсов между пунктами в рамках единого авиационного пространства	Увеличение количества рейсов может негативно отразиться на экологии стран
Увеличить пассажиропоток и количество авианаправлений	Необходимы дополнительная разработка регулирующих мер в направлениях, где будет увеличен пассажиропоток и количество авианаправлений, и согласование со всеми заинтересованными сторонами, что может затянуть процесс
Увеличить приток туристов и иностранной валюты	Увеличение притока туристов также должно регулироваться национальными законодательствами стран, т. к. необходимо обеспечение мер безопасности, создание комфортных условий с момента прибытия в аэропорт до передвижения по стране и в местах проживания
Получить неограниченные права на перевозку из одной страны в ЕС и между странами – членами ЕС после внедрения соответствующих нормативно-правовых актов	Вытеснение с рынка конкурентов и монополизация авиарынка, что приведет к повышению услуг и зависимости от авиаперевозчиков
Создать равные и единообразные условия доступа на рынки для всех перевозчиков ЕС	Доступ на рынок ЕС получают те, кто сможет выполнить предъявляемые условия, что уже ставит в неравное положение представителей авиакомпаний других стран
Установить новые механизмы нормативного сотрудничества и конвергенции между ЕС и страной, подписавшей соглашение, в областях, необходимых для безопасной и эффективной эксплуатации воздушного пространства	Длительный срок инкорпорирования в национальное законодательство более 60 регламентов и директив ЕС наряду с недостаточностью ресурсов профильных ведомств для инкорпорирования соответствующего законодательства. Кроме того, государства – члены ЕС могут не признать сертификаты, ранее выданные экипажам воздушных судов и организациям воздушного движения

1	2
Авиаперевозчики могут свободно работать из любой точки ЕС в любой точке страны, подписавшей соглашение	Вытеснение и исчезновение национальных авиакомпаний, монополизация авиарынка, что приведет к повышению услуг и зависимости от авиаперевозчиков. Авиаперевозчики ЕС получают неограниченные коммерческие права на полеты из ЕС в страну, подписавшую соглашение, и в ее пределах
Снижать цены на авиаперевозки и повысить их доступность	
Обеспечить приход новых авиакомпаний на рынок страны, подписавшей соглашение, в том числе и лоукост-сегмента	
Аэропортам выработать более выгодные условия по сотрудничеству с авиакомпаниями	

Сотрудничество в рамках соглашения позволит сделать конкурентными аэропорты. Одна из директив ЕС предусматривает регулирование государством аэропортовых сборов при условии, что объем перевозок превышает 5 млн пассажиров. Многие аэропорты не имеют международного статуса и регулярных рейсов из-за бюрократических процедур, что не позволяет изменить ранее утвержденные аэропортовые сборы. Лоукостеры чаще называют сумму, которую готовы платить за каждого пассажира аэропорту, а аэропорты имеют право сделать свой выбор, которого нет у многих национальных аэропортов.

В число проблемных входит и система наземного обслуживания. Здесь наблюдаются завышенные цены на топливо, отсутствие четких правил доступа на рынок наземного обслуживания в аэропортах. В рамках ЕС были решены вопросы децентрализации и доступа к региональным аэропортам. Так, региональные аэропорты с международным статусом стали одними из ключевых факторов децентрализации, привлечения инвестиций и притока международных туристов. Здесь примечателен опыт Польши, которая присоединилась к САП в 2004 г. До присоединения к САП в Польше действовало много региональных аэропортов, которые по большей части представляли аэродромы. Так, аэропорт Катовице в 2002 г. обслужил 250 тыс. пассажиров, Краков – 600 тыс. пассажиров, Вроцлав – 250 тыс. пассажиров. За 2005 г. (первый полный год действия САП) в Катовице было уже 1 млн пассажиров, в Кракове – 1,6 млн пассажиров, во Вроцлаве – 0,5 млн пассажиров (Трудности и перспективы «открытия неба» с ЕС, 2016).

Через 10 лет, в 2015 г., главный хаб Польши – Варшавский аэропорт имени Шопена – стал лидером польской авиации с пассажиропотоком 11,2 млн пассажиров при темпе роста 5,8 %. В то же время и региональные аэропорты вышли на прирост показателей: Катовица – 3 млн, Краков – 4,2 млн, Вроцлав – 2 млн пассажиров. Положительным эффектом стало появление в Варшаве второго аэропорта, Модлин, имеющего пассажиропоток 2,6 млн пассажиров и 52 % роста.

В настоящее время аэропорт Катовице занимает четвертое место по величине пассажиропотока в Польше и второй по величине как аэропорт грузопотока. В Катовице работает много чартерных, регулярных и грузовых рейсов. Аэропорт Краков с января по ноябрь 2018 г. отправил и принял 6 млн пассажиров. Широкая сеть маршрутов из аэропорта и работа свыше двух десятков авиакомпаний повлияли на рост пассажиропотока (Аэропорт Кракова обслужил 6 миллионов пассажиров, 2018).

По итогам 2019 г. воздушные гавани Польши приняли и отправили 49,1 млн пассажиров. Это на 3 млн человек, или на 7 % больше, чем годом ранее (Пассажиропоток аэропортов Польши, 2020.).

На примере одной страны можно наблюдать развитие хаба и региональных аэропортов. В целом сотрудничество принесло положительный эффект, повлияв на развитие туристической отрасли и расширение бизнес-контактов. Для каждого государства необходимо иметь авиационную стратегию по следующим направлениям: развитие транзитной модели или привлечение лоукостов; развитие хабов или открытие прямых рейсов между региональными аэропортами; предостав-

ление ночных стоянок иностранным перевозчикам. В целом европейское общее авиационное пространство представляет совместную политику государств, направленную на то, чтобы условия на рынке авиаперевозок были честными и одинаковыми по отношению ко всем участникам, независимо от страны происхождения.

Девять свобод воздушного пространства

Конвенция по международной гражданской авиации, принятая в 1944 г. в Чикаго, определила два основных момента: 1) ввела понятия, принципы и нормы, определяющие развитие отрасли; 2) создала орган ИКАО при ООН.

Также в рамках Конвенции было сформулировано девять свобод воздушного пространства, т. е. правила для стран, которые могли бы договариваться между собой и не мешать развитию транспортного сообщения:

- право пересекать воздушное пространство иностранного государства без посадки;
- право на дозаправку и техническое обслуживание на территории иностранного государства без посадки либо высадки пассажиров или груза;
- право на полет из своей страны в другую;
- право на полет из другой страны в свою;
- право на полет между двумя иностранными государствами при условии, что первоначальный пункт отправления либо пункт назначения находится в своей стране;
- право на полет между двумя иностранными государствами при условии посадки в своей стране по нетехническим причинам;
- право на полет между двумя иностранными государствами при условии отсутствия посадки в своей стране;
- право на внутренний перелет в иностранном государстве при условии последующего рейса в свою страну;
- право на внутренний перелет в иностранном государстве при условии отсутствия последующего рейса в свою страну (Международная организация гражданской авиации, 2004).

Не все из девяти свобод воздушного пространства полностью работают. По первым двум сво-

бодам, снимающим ограничения по транзиту, в рамках Чикагской конвенции разработано многостороннее Соглашение о двух свободах, подписанное 130 странами. Оно отражает две особенности: 1) ряд стран (РФ, КНР, Канада, Бразилия) не являются участниками данного соглашения, и договорные отношения с каждой страной выстраивают по отдельности; 2) данное соглашение и двусторонние соглашения не отменяют право стран взимать плату за полеты над своей территорией.

Подписание массовых соглашений по свободам, позволяющим осуществлять коммерческие рейсы иностранным компаниям, большинством стран не наблюдается. Так, существует многосторонний договор «о пяти свободах», который подписали лишь 11 государств: Боливия, Бурунди, Коста-Рика, Сальвадор, Эфиопия, Нидерланды, Греция, Турция, Гондурас, Либерия и Парагвай. При этом многие международные коммерческие рейсы предусмотрены в рамках двусторонних договоренностей между странами, где оговаривается разрешение определенного количества и точных направлений рейсов.

В тоже время свободы 8–9, включающие право на внутренний перелет в иностранном государстве, действуют только внутри ЕС, но не за его пределами.

Результаты создания Единого европейского воздушного пространства

Свободная конкуренция и низкие цены на авиаперевозки стали результатом создания Единого европейского воздушного пространства и постепенной либерализации на рынке ЕС. В тоже время в ЕС часть полномочий ведет страна, а другую часть – Еврокомиссия, и они не могут влиять на государства – члены ЕС в некоторых вопросах, в том числе в ряде авиационных, что блокирует процесс создания Единого авиационного пространства в рамках ЕС. Это является фундаментальной проблемой ЕС.

Авиационная стратегия ЕС, представленная в декабре 2015 г., включает в себя: 1) основные препятствия, мешающие усилению конкуренции в авиационном секторе ЕС, и способы их устра-

нения; 2) предложение пересмотреть базовые правила Европейского агентства по безопасности авиаперевозок (EASA); 3) запросы на обсуждение всеобъемлющих соглашений о воздушном сообщении между ЕС и рядом ключевых третьих стран.

Яцек П. Кравчик, президент Группы работодателей EESC, среди основных проблем для европейского авиационного рынка отметил: восстановление конкурентоспособности европейской авиации, обеспечение надлежащего выполнения принятых решений и правил, обеспечение добросовестной конкуренции и устранение барьеров роста, соблюдение правил, касающихся широко понимаемой безопасности воздушных перевозок, поддержание высоких стандартов ЕС, стремление к инновациям в секторе (VIII Авиационный завтрак: стратегия развития авиатранспортной отрасли, 10.10.2016).

Марек Серафин, главный редактор портала *avia-museum.ru*, в презентации «Стратегия для рынка авиаперевозок – перспективы авиакомпаний» предлагает сгруппировать ряд проблем в три модуля: 1) определение повышения рейтинга авиационного рынка и размещения Польши на основных коммуникационных (воздушных) маршрутах; 2) преобразование LOT в гибридную линию, которая ориентирована на высокооплачиваемый европейский трафик; 3) рассмотрение роли бюджетных авиакомпаний (VIII Авиационный завтрак: стратегия развития авиатранспортной отрасли, 2016).

Четыре регламента об Едином европейском небе, принятые 10 марта 2004 г. (Кашкин, 2015) создают Единое европейское пространство аэронавигации и оказания услуг. Второй пакет мер по реализации концепции Единого европейского неба был одобрен в 2009 г. для усиления безопасности на авиационном транспорте, реструктуризации европейского воздушного пространства, повышения эффективности работы системы управления воздушным движением. ЕК с целью повышения эффективности решения поставленных задач сотрудничает с Европейской организацией по безопасности воздушной навигации (ЕВРОКОНТРОЛ) (Ханин М. 2008: 234). Также в сфере воздушного транспорта действовало Европейское агентство авиационной безопасности.

Для обеспечения безопасности принята директива Совета 2004/82/ЕС от 29 апреля 2004 г., в которой имеется требование об обязанности авиаперевозчиков сообщать данные пассажиров (Кашкин, 2015: 1023) и с целью пресечения незаконной иммиграции предоставлять национальным властям информацию о лицах, приобретающих билеты на авиатранспорт.

Регламент Европейского парламента и Совета (ЕС) № 847/2004 от 29 апреля 2004 г. о переговорах и имплементации соглашений между государствами-членами и третьими странами в области авиационных услуг регулирует взаимоотношения авиаперевозок с третьими странами. Регламентом 847/2004 устанавливается процедура заключения и пересмотра соглашений, связанных с оказанием услуг на воздушном транспорте, включающая уведомление и консультации с Комиссией государства-члена по отдельным аспектам. Также действует директива Европейского парламента и Совета 2004/36/ЕС от 21 апреля 2004 г. о безопасности воздушных сил из третьих стран, использующих аэропорты ЕС (Кашкин, 2015). Регламентом Европейского парламента и Совета (ЕС) № 785/2004 от 21 апреля 2004 г. о требованиях страхования для воздушных перевозчиков и операторов воздушного флота установлены принципы и минимальные требования относительно страхования любых воздушных судов.

Систему компенсаций за задержку рейсов, позволяющую гарантировать права пассажиров перед авиаперевозчиками, закрепляет Регламент Европейского парламента и Совета № 261/2004 от 11 февраля 2004 г., учреждающий общие правила относительно компенсации и помощи пассажирам в случае снятия с борта, отмены или чрезмерной задержки рейсов и отменяющий Регламент (ЕЭС) № 295/91 (Кашкин, 2015a).

В 2008 г. ЕК издала решение 2008/294 (Кашкин, 2015b), разрешающее оказание услуг мобильной связи во время полета на борту воздушного судна.

Перечисленные меры, принятые в ЕС, свидетельствуют в пользу расширения сферы услуг, оказываемых пассажирам воздушных судов гражданской авиации.

Необходимо отметить, что процесс создания Единого европейского воздушного пространства был сопряжен и с банкротствами. Например, под банкротство попали польская ЛОТ и Чешская на-

циональная авиакомпания. Практически так же на стоимость авиабилета влияют: 1) стоимость тонны авиакеросина, которая колеблется от 1000 долл. и выше (в зависимости от текущего спроса и объемов производства); 2) услуги навигации; 3) расходы на техобслуживание и прочее.

Наряду с этим в разных странах аэропортовые услуги предоставляются по-разному. ИКАО отмечает, что в либерализации заложены и определенные экономические риски, и проблемы. Остается нерешенным отдельный вид расходов – *тарифы на услуги аэропортов*, которые делятся на два вида: *регулируемые* (взлет-посадка, авиационная безопасность и т. д.) и *нерегулируемые* (буксировка, противообледенительная обработка, предоставление трапов и т. п.). Например, в Казахстане из практически 40 аэропортовых услуг к сфере естественной монополии отнесены 5, остальные 35 меняются постоянно и исключительно в сторону повышения. В Индии, имеющей население свыше миллиарда человек, после принятия соглашения произошло перераспределение пассажиропотока, и индийские авиакомпании уступили своим конкурентам – крупнейшим иностранным перевозчикам. Авиакомпании Персидского залива заняли лидирующее положение на рынке авиаперевозок Индии, а местные авиакомпании понесли значительные финансовые убытки. Так, пятизвездочная индийская авиакомпания Kingfisher airlines была вынуждена приостановить свою операционную деятельность. Правительство выделило 7 млрд долл., чтобы избежать банкротства национального перевозчика «Эйр Индия» (Кашкин, 2015с), тем не менее Kingfisher airlines окончательно лишилась лицензии, действие которой было приостановлено в октябре 2012 г. из-за долгов. Действие лицензии авиаперевозчика было приостановлено после забастовки сотрудников из-за продолжавшихся несколько месяцев невыплат зарплат. Ранее Kingfisher Airlines базировалась в Бангалоре и Индии, а самолеты авиакомпании в среднем совершали 218 рейсов в день в 38 аэропортов, как внутренние, так и дальнемагистральные международные рейсы.

Приведенные примеры показали, что не все риски были учтены государствами, которые осуществляли либерализацию воздушного транспорта в соответствии со своими собственными интересами и темпами развития. Например, не-

обходимо рассматривать наличие инфраструктуры аэропортов, национальных авиаперевозчиков и объемы пассажиропотока. Так, казахстанскому авиаперевозчику АО «Эйр Астана» для развития необходима не либерализация, а интеграция, в рамках которой была бы предусмотрена равная конкурентная платформа для всех государств-участников (Кто продает наше небо, 2019.). В этой связи казахстанскими экспертами предлагаются меры, направленные: на разработку единых операционных и технических стандартов по безопасности полетов; гармонизацию антимонопольного, тарифно-таможенного и прочего законодательства; определение принципов функционирования совместного аэронавигационного обеспечения; создание единых стандартов по безопасности полетов по примеру EASA в Европе. Также необходима разработка механизмов сертификации, лицензирования и подтверждения соответствия авиапредприятий установленным требованиям. Отмечается, что реализацию принципов «Открытого неба» в Казахстане следует начинать не ранее 2025–2035 гг. (Кто продает наше небо, 2019а). Также, по мнению экспертов, «небо без границ» возможно только в далекой перспективе. Это связано с определенными рисками: рынок казахстанских перевозок необходимо сохранить, т. к. можно потерять действующий кадровый состав, а новые кадры не будут готовиться во избежание конкуренции. Таким образом, потеря рынка может привести к концу авиации Казахстана. В целом инициатива «Открытое небо» для Казахстана остается в перспективе, когда у страны будет возможность сохранить себя не только на внутреннем рынке.

Создание Единого европейского воздушного пространства сохранило суверенитет государств – членов ЕС над воздушным пространством и вытекающих из него суверенных прав, в частности юрисдикцию. Так, исходя из взаимного согласия и взаимных интересов, они изъяли из собственной юрисдикции часть вопросов, связанных с деятельностью ОВД, и передали в ведение ЕС. В принципе, поставленная цель была достигнута – создано Единое аэронавигационное европейское воздушное пространство с едиными органами ОВД, осуществляющими свою деятельность по единым правилам. Но в то же время в отношении перевозчиков из третьих стран есть ограничения, т. к.

открытость распространяется на европейцев, как и либеральный доступ для европейских авиаперевозчиков. Тому подтверждение – директива ЕС от 14 января 2002 г. «О безопасности воздушных судов третьих стран, использующих аэропорты Европейского сообщества», которая устанавливает, что в случае обоснованного сомнения о соответствии технического состояния воздушного судна третьей страны международным стандартам (имеются в виду стандарты ИКАО) компетентные власти государства – члена ЕС могут задержать его в аэропорту и отказать ему в убытии из аэропорта до исправления технических недостатков.

Термин «обоснованное сомнение» квалифицируется так:

- сомнение может быть высказано в отношении воздушных судов эксплуатанта, однажды уже подвергшихся задержке в аэропорту ЕС, или если у компетентных властей государства – члена ЕС есть основания полагать, что компетентные власти государства регистрации воздушного судна не осуществляют необходимый надзор за техническим состоянием воздушных судов;
- в случае задержания воздушного судна третьей страны компетентные власти государства – члена ЕС незамедлительно ставят в известность власти государства регистрации воздушного судна и государства его эксплуатанта;
- при наличии указанных обстоятельств компетентные власти государства – члена ЕС осуществляют досмотр «подозрительного» воздушного судна.

Общая направленность директивы – сомнение в техническом состоянии воздушных судов из третьих стран – вступает в противоречие с Чикагской конвенцией 1944 г. и нарушает ст. 16 этой конвенции «Досмотр воздушных судов».

Действительно, компетентные власти каждого государства «имеют право без необоснованной задержки производить досмотр воздушных судов других Договаривающихся государств при их прибытии или убытии и проверять удостоверения и другие документы, предусмотренные настоящей Конвенцией». Подчеркнем: такой досмотр имеет строго целевой характер и касается только документации, которая должна быть на борту воздушного судна согласно ст. 29 «Документация,

имеющаяся на воздушном судне», ст. 31 «Удостоверения о годности к полетам», ст. 32 «Свидетельства на членов экипажа», ст. 34 «Бортовой журнал» конвенции.

Наряду с этим существующие соглашения, включающие положение о национальном владении и контроле, до сих пор способствовали развитию национальных авиаперевозчиков, и прежде всего авиакомпаний, принадлежащих государствам. Приватизация государственных авиакомпаний в ряде случаев привела к вложению иностранного капитала в приватизированные авиакомпании. Эти изменения условий коммерческой деятельности в мировой системе воздушного транспорта привели к разнообразию форм владения авиаперевозчиками. Например, многие из них уже не принадлежат государству: некоторые авиакомпании Австрии, Нидерландов, Швейцарии на 50 % принадлежат иностранцам. В этой связи государства вносят коррективы в свое законодательство с целью ослабления ограничений на иностранное владение национальными авиакомпаниями. В большинстве соглашений о воздушных сообщениях по-прежнему применяют традиционный критерий национального владения и контроля (Афанасьев, 2013: 57).

Проблемой либерализации является доступ к рынкам международных авиаперевозок, имеющий фундаментальное значение для успешной коммерческой деятельности авиакомпаний. В число основных требований полного доступа к рынку входит: отсутствие ограничений в отношении маршрутных, эксплуатационных и коммерческих прав; возможность использования права «седьмой свободы воздуха» – права перевозки между третьими странами минуя свою территорию и «восьмой свободы воздуха» – перевозки по внутренней территории или между территориями иностранного государства, т. е. внутреннего саботажа. В целом либерализация доступа к рынку представляет полный доступ к заключению соглашений об «открытом небе».

В то же время авиационные наблюдатели отмечают, что США готовы открыть чужое небо для своих перевозчиков, но не готовы открыть свое небо для чужих. Это подтверждает длительный процесс переговоров между США и ЕС по установлению «открытого воздушного пространства». США не уступают ЕС полный доступ к рынку, ис-

пользуя в качестве инструмента саботаж и снятие ограничений в контроле и степени владения американскими авиакомпаниями, а со стороны государств – членов ЕС была подписана только часть соглашения об «открытом небе» между США и ЕС.

Кроме того, Федеральная авиационная администрация США, авиационные ведомства Великобритании, Германии, Франции, Италии, Австрии, Швейцарии и ряда других стран в качестве устранения ненужных конкурентов используют методы государственного регулирования для лишения доступа к рынку посредством механизма «лицензирования» и установления «уровня цен». Необходимо отметить, что международные воздушные перевозки осуществляются авиакомпаниями, являющимися национальными перевозчиками, и служат национальным интересам государств. В то же время есть ряд транснациональных авиакомпаний, таких как САС, «Галф Эйр», «Араб Эйр Карго», «Эйр Африк» и др., которые принадлежат группам государств. Авиакомпании, принадлежащие полностью или частично государствам, призваны соблюдать определенную степень равновесия между «свободной» (неограниченной) конкуренцией и государственными ограничениями (протекционизмом), и соотношение этих двух составляющих является предметом межправительственных соглашений о воздушных сообщениях, а также резолюций и рекомендаций конференций ИКАО. Заключение двусторонних и многосторонних соглашений направлено на решение проблем, которые обсуждаются в ходе переговоров, но в то же время многие из них остаются нерешенными и спорными.

Заключение

Единое европейское воздушное пространство направлено на создание «зоны свободной торговли» для авиации, но установленное ЕС для самого себя право ставить под сомнение техническое состояние воздушных судов из третьих стран, а тем более задерживать их в аэропорту прибытия идет вразрез с Чикагской конвенцией 1944 г. и является незаконным и противоправным. Данные действия ЕС противоправны и с позиции двусторонних соглашений о воздушном сообщении.

Согласно Чикагской конвенции, мировой рынок воздушного транспорта представлял собой один из наиболее регулируемых секторов экономики, в основе регулирования которого лежали двусторонние межгосударственные соглашения о воздушном сообщении, при которых отдельная авиалиния обслуживается одним перевозчиком, назначенным от каждой стороны по фиксированным тарифам. Практика регулирования международных воздушных сообщений включает подписание двусторонних и многосторонних соглашений, а также исполнение резолюций и рекомендаций международных организаций. В то же время резолюции не всегда реализуются, а государства могут использовать протекционистские меры, в том числе: ограничение количества иностранных авиакомпаний, имеющих разрешения на перевозки, или полный запрет на их деятельность, закрытие ряда аэропортов, лишение доступа на рынки, ограничение права на полеты, невыдача разрешений на чартерные рейсы, ограничение коммерческих прав, в том числе «пятой свободы воздуха», вызывающей определенное недовольство государств, т. к. создает дополнительную конкуренцию со стороны авиакомпаний третьих стран, и ограничение провозных емкостей назначенным перевозчикам, включая пассажироместимость воздушных судов и частоту полетов. Государство имеет право наложить от одного до нескольких ограничений исходя из того, какими коммерческими правами обладает и чего добивается в своих отношениях с другими государствами.

Практически все государства используют различные методы протекционизма для защиты своих национальных авиакомпаний.

В результате инициатива по созданию Единого европейского воздушного пространства представляет собой:

- закрытый «клуб» группы стран ЕС с весьма удобным, привлекательным и либерализованным режимом воздушных перевозок и воздушных сообщений для европейских авиаперевозчиков;
- большие трудности для перевозчиков из третьих стран, которых до либерализации у них не было.

Наиболее пострадавшим от пандемии видом транспорта стала авиация. По прогнозу ИКАО,

по итогам 2020 г. пассажирооборот мировой авиации упадет по сравнению с 2019 г. на 48 %, доходы от перевозок пассажиров сократятся на 55 %, потери отрасли составят \$ 314 млрд (Пандемия заставила компании пересобрать цепочки поставок, 2020). В целом кризис уже повлиял на изменение логистических потоков на всех уровнях и на ряд других мер, которые вынуждены принимать авиакомпании, чтобы сохранить свое присутствие на рынке. В ближайшее время вопрос развития Единого европейского воздушного пространства также будет заморожен в силу экономических причин.

Литература

- Ambrozini, M. (1933). Corso di diritto aeronautico. Roma. Vol.1. VIII Авиационный завтрак: стратегия развития авиатранспортной отрасли. <https://clck.ru/PWQn2>. 10.10.2016.
- Афанасьев, В. (2013). Либерализация и протекционизм в современной аэрополитике. Научный вестник МГТУ ГА. № 196 (10). С. 57.
- Аэропорт Краков обслужил 6 миллионов пассажиров. <https://clck.ru/PWQhR>. 2018.
- Бежашев, К. (2005). Международное публичное право. М. С. 559.
- Верещагин, А. (1966). Международное воздушное право. М.: Международные отношения. С. 10.
- Европейская гражданская авиация перед лицом мирового финансово-экономического кризиса. Резолюция 1735. (2010). <https://clck.ru/PcWNe>.
- Катовице. <https://clck.ru/PWQfw>.
- Кашкин, С. (2015). Право Европейского Союза. Углубленный курс. Т. 2. М. 1023 с.
- Кто продает наше небо? (2019). <https://clck.ru/PWQxG>.
- Малеев, Ю. (1986). Международное воздушное право: Вопросы теории и практики. М. С. 21.
- Международная организация гражданской авиации. (2004). http://www.aviaizdat.ru/uploads/cat_2016_ru.pdf.
- Открытое небо: откуда оно взялось и что это значит для Украины. <https://clck.ru/PcWSn>. 07.06.2016.
- Пандемия заставила компании пересобрать цепочки поставок. <https://clck.ru/PcZ8R>. 16.06.2020.
- Пассажиропоток аэропортов Польши. (2020). <https://clck.ru/PWQiE>.
- Трудности и перспективы «открытия неба» с ЕС: пять мнений. <https://clck.ru/PcWYN>. 8.10.2016.
- Формирование Единого европейского неба к 2012 году. <https://clck.ru/PcWR9>. 19.11.2008.
- Ханин, М. (2008). Международные транспортные организации. М.: ТранЛит. С. 234.

Діни білім беру посмодерн дәуірінде дүниені және өмірді тану үлгісі ретінде*

А. Алтайқызы

PhD, ҚР БҒМ ҒК ФСДИ ғылыми қызметкері. Қазақстан, Алматы.

e-mail: aikerim.altaikyzy@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-9689-4592>

Абстракт. Мақалада постмодерн дәуіріндегі діни білім феноменінің мәні, ерекшеліктері, мазмұны, әдіснамалық, тұжырымдамалық және дінтану негіздері қарастырылған. Сондай-ақ, білім беру жүйесінің зайырлы сипатын ескере отырып, мемлекеттік білім беру ұйымдарында дін туралы білімнің қажеттілігі мен мүмкіндіктері туралы мәселе қаралды.

Мақаланың әдіснамалық негізі - қазіргі заманғы тенденциялар жағдайында діни білімнің қажеттілігі мен мүмкіндіктерін зерттеуге елеулі үлес қосқан ғалымдардың еңбектері, сонымен қатар авторлардың діни білім феноменін талдау жөніндегі зерттеулері. Осы мақсатқа жету үшін діни білімнің құбылысын анықтау барысында институционалдық, тарихи, жүйелік, құрылымдық-функционалдық және салыстырмалы талдау әдістері, сондай-ақ феноменологиялық әдіс қолданылды.

Кілт сөздер: модерн, посмодерн, діни білім беру, әдістеме, білім беру жүйесі.

Abstract. The article deals with the essence, features, content, theoretical, methodological, conceptual and religious studies of the phenomenon of religious education in the post-modern era. And also the question of necessity and possibilities of education about religion in state educational institutions is considered taking into account secular character of the educational system.

The methodological basis of the article is the work of scholars who have made a significant contribution to the study of the necessity and opportunities of religious education in the context of modern trends, as well as the authors' research on the analysis of the phenomenon of religious education. In the process of revealing the phenomenon of religious education for achievement of the set goal the methods of institutional, historical, system, structural-functional and comparative analysis as well as the phenomenological method were used.

Keywords: modern, postmodern, religious education, methodology, education system.

Абстракт. В статье рассмотрены сущность, особенности, содержание, методологические, концептуальные и религиозоведческие основы феномена религиозного образования в эпоху пост-модерна, а также вопрос необходимости и возможностей образования о религии в государственных учебных заведениях с учетом светского характера системы образования.

Методологической основой статьи являются работы ученых, внесших значительный вклад в изучение необходимости и возможностей религиозного образования в контексте современных тенденций, а также исследования авторов по анализу феномена религиозного образования. В процессе выявления феномена религиозного образования для достижения поставленной цели использовались методы институционального, исторического, системного, структурно-функционального и сравнительного анализа, а также феноменологический метод.

Ключевые слова: модерн, постмодерн, религиозное образование, методология, система образования.

* A. Altaikyzy (PhD, Research Fellow at IPPSRS of CS of MES of the RK. Kazakhstan, Almaty). «Religious education as a model for learning peace and living in the postmodern era». / А. Алтайқызы (PhD, научный сотрудник ИФПР КН МОН РК. Казахстан, Алматы). «Религиозное образование как модель познания мира и жизни в эпоху постмодерна».

Кіріспе

«Модерн» терминінің қазіргі қоғамда екі мағынасы бар. Біріншісі – XIX ғасырдың соңғы онжылдығы мен XX ғасырдың басында кеңінен қолданылған өнердегі стиль. Екіншісі – орта ғасырлардың діни көзқарастарын (премодерн дәуірі) алмастырған жаңа дүниетаныммен сипатталатын жаңа және қазіргі заманның тарихи дәуірі. Модерннің пайда болуының тарихи алғышарттары – еуропалық қоғамның діни соғыстан шаршауы, ренессанс кезеңінде басталған ғылыми дүниетанымның қалыптасуы (XIV-XVI ғасыр), әрі қарай үстемдік ететін дінге қарсы рационалдылық.

Мысалы, Жер шарының сфералығын дәлелдеген әйгілі португалдық теңізші Ф. Магеллан (1480-1521) келесі пікірді айтады: шіркеу Жер тегіс деп айтады, бірақ мен оның дөңгелек екенін білемін, Айдың көлеңкелерін көрдім, сондықтан мен бұл көлеңкелерге шіркеуге қарағанда көбірек сенемін (Цвейг, 1980: 99). Ғылыми дүниетанымның пайда болуының бастауы «Оккаманың ұстарасы» деген белгілі қағида болды: оқиғалар мен құбылыстарды түсіндіру үшін қосымша заттарды ойлап табудың қажеті жоқ. Бұл тәсілдің мақсаты – франкискандық монах В.Оккаманың (1285-1347) құдайды өткінші (ажалды) дүниеден ажырату деген тілегі. Монахтың логикасы өте қарапайым еді: егер Құдай христиан дінінен шыққан түсініксіз тіршілік иесі болса, онда адам түсіндіре алмайтын нәрсенің бәрі – құдай, ал қалғанының бәрі уақытша ажал құшатын дүние.

Модерн дүниетанымы дегеніміз – ғылыми білімнің көмегімен (яғни, дүниенің қызмет ету жолын анықтайтын ғылыми білімнің реттелген жиынтығы арқылы) теңдік пен ғылыми-техникалық прогресс қағидаттарына негізделген әділетті және өркендеген қоғам құруға болады деген сенім. Тарихта тұңғыш рет модерн адамның жердегі өміріндегі өзінің болашағы үшін өзі жауапты екенін, жер бетіндегі өмір мен ана өмірді қарама-қарсы қойды. Қазіргі заманғы (модерн) дүниетанымның алгоритмдері классикалық ғылыми принциптерге негізделеді: болмыс заңдары адам санасынан тәуелсіз, олар жалпы және ғаламды басқарады.

Гносеологияда, онтологияда, философияда, саясатта және қоғамда модерн дәуірінің адамы өндіріске, экономикалық қатынастарға, са-

ясатқа, мәдениетке және күнделікті өмірге әкелетін ұтымдылықтың тасымалдаушысы ретінде көрінеді. Модерн дүниетанымның қалыптасуы біртіндеп әлеуметтік заңдылықтардың өзгеруіне әкелді: белгілі бір объективті іргелі әлеуметтік қағидалардың бар екендігіне сенімді модерн өркениетінің қалыптасуы, соның негізінде адамның нақты іс-әрекетін бағалауға болады, зайырландыру процесі басталды, мемлекеттік басқаруды орталықтандыру және институционализациялау жүрді, өндірістің дәстүрлі әдістерінен капитализм мен индустрияландыруға өту болды және т.б. Жоғарыда аталған қағидаттарға сәйкес, қазіргі заманға сай, ақыл-ойдың талаптарына сәйкес өзін-өзі тәрбиелеуге, тәртіпке салуға, қайта құруға қабілетті адамды тәрбиелеу мен оқытудың үлгісі қалыптасады.

Әдебиеттерге шолу

Дағдарыс жүйелік құбылыс болып табылады. Постмодернизмнің алғышарттарын XIX ғасырдың аяғы мен XX ғасырдың басында кең таралған нигилизм деп атауға болады. XX ғасырдың басында өнер өзінің бұрынғы тәжірибесін жоққа шығарады, «эстетикалық идеал» туралы ойлар өзгеріске ұшырайды.

О. Шпенглер еуропалық мәдениеттің идеясы құлдырап кетті деп есептейді, Т.Лессинг шешуші және әрекет ету мүмкіндігін беретін бұдан әрі біртұтас идея жоқ деп санайды, Г.Симмель материалдың өзі ғана мәдениеттің органикалық идеясы үшін жеткіліксіз деп санайды. Постмодерндік тұжырымдамалардың пайда болуына дейін В. Вернадский мынадай пікір айтады: адам алғашқы рет өзін планетаның тұрғыны ретінде сезінді, сондықтанда жаңа аспектіде ойлануға және әрекет етуге тиіс еді, яғни тек жеке тұлға, отбасы немесе қауымдастық, мемлекет немесе бірлестік деңгейінде ғана емес, жалпы планета көлеміндегі сана (Извеков, 2003: 67).

А.Тойнбидің айтуынша, постмодерн дәуірі 1875 жылдан кейін басталады. Алайда зерттеушілердің көпшілігінің пайымдауынша, постмодерн дәуірінің басталуы XX ғасырдың 70-80-ші жылдарында дамыған қазіргі еуропалық мәдениеттің жалпы бағдарларының өзгеруімен, адамзат өркениетінің өсуінің жүйелік дағдарысынан туын-

даған: ғылым дағдарысы, әлеуметтік қатынастар дағдарысы, экономикалық дағдарыс, экологиялық дағдарыс, білім беру дағдарысы және т.б. Ж.Ф. Лиотардың пікірінше, постмодернизм батыстық қоғамның рухани мәдениетінің жалпы жағдайын – әлеуметтік прогреске деген сенімнің жоғалуын, ғылымның беделінің төмендеуін, әлеуметтік қатынастардың дегуманизациясын көрсетті (Лиотар, 1998: 9). Ж.Ф. Лиотардың терминологиясында постмодерн дәуірінің мәні «мета-хикаяларға сенімсіздік», яғни тарихи дамуының осы кезеңінде қоғамды реттеуші рөлін атқаратын идеялар, нормалар, құндылықтар, идеалдар жүйесін білдіреді. Ол постмодерн дәуірінің екі негізгі метахикаясын анықтайды: ағартушылық және гуманистік. Ағартушы мета-әңгіме тарихи дамудың мақсаты – әлеуметтік прогресті қамтамасыз ету деп тұжырымдайды. Гуманистік – тарихи және әлеуметтік даму жоғарғы мақсат болып табылады: лайықты және сыни тұрғыдан ойлайтын, соқыр наным мен догмалардан алшақ адамды қалыптастыру.

Ж.Ф. Лиотар постмодерндік мәдениеттің дағдарысының негізгі үш аспектісін анықтайды: метанарративті, метафизикалық философия және білім. Қазіргі мәдениеттің дағдарысындағы негізгі мәселе, метанарративті дағдарыс, таным дағдарысының көрінісі ретінде, белгілі шындық пен таным субъектісі арасындағы түбегейлі шешілмейтін алшақтықтың болуымен бетпе-бет келді.

Психосоматикалық аурулардың көбею мәселесі, ең алдымен, антропогендік сипаттағы көптеген стресстік факторлардың тәулік бойғы әсерімен байланысты. Қауіпсіз типтегі адам – А. Маслоудың қажеттіліктер жүйесі бойынша ең жоғары деңгей болып табылады, адам ағзасының үйлесімді жұмыс істеуін қажет ететін барлық қолданыстағы қауіпсіздік құзыреттіліктеріне, білімнің жоғарғы деңгейіне және т.б. ие болу (Maslow, 2014: 30). Бұл қауіпсіздік мәселесі адамның рухани дүниесінде қозғайды.

Постмодерн дәуірі – бұл ғылымның тағы бір дағдарыс кезеңі – өтпелі кезең, онда ескі қағидалар қабылданбай, жаңалары әлі қалыптаса қоймады. Постмодернизмнің мәні – жүйелік дағдарыстан шығу, плюрализм және рационалдылықтың алуан түрлілігі, кез-келген ғылыми теория ақиқаттың өзі емес, тек ақиқатқа жақындау екенін түсіну. Алайда, бұл плюрализм мен әртүрлілік жүйелік ойлауға негізделуі тиіс, онда қолданыстағы эмпи-

рикалық ғылыми тәжірибе қарастырылуы қажет. Осыған байланысты ғылыми қызметтің әртүрлі салаларында терең теориялық білімді ғана емес, сонымен қатар шығармашылық сыни ойлауды қажет ететін П.Фейерабендтің пролиферация принципін қолдану пайдалы болуы мүмкін. Қазіргі кезде әлемдік білім беру үдерісінде білім берудің үш негізгі тұжырымдамасын көрсетуге болады: дәстүрлі, рационалистік және феноменологиялық (Хало, Жилина, 2016: 11). Өзінің барлық жетістіктеріне қарамастан дәстүрлі және рационалистік үлгілер студентті оқу үрдісінің орталық түсінігіне айналдырмайды, оны өз өмірінің субъектісі ретінде санамайды. Егер консервативті үлгі кешегідей оқытылса, нақты бағытталған үлгі дәл қазір осы жердегі жағдайға негізделеді.

Методология

Егер дәстүрлі білім беру тұжырымдамасы модерн қоғамның өнімі болса, онда нақты бағытталған үлгі постмодерндік қоғамға сай келеді, оның экзистенциалды хаосына сәйкес болады және шығармашылық компоненттің шектеулері арқылы теріс мінез-құлық ауытқуларының спектрін тарылтуға бағытталады. Феноменологиялық үлгінің жаңалығы, ең алдымен, болашаққа бағытталғандығынан тұрады, яғни профилактикалық құзыреттерді қалыптастыру болып табылады. Соңғысы қазіргі жағдайда студенттерде белгілі бір дүниетанымдық ұстанымды емес, оған арналған ішкі сұраныстың және объективті шындыққа субъективті, бірақ әлеуметтік жауапкершілікті тәуелсіз қалыптастыру жолдарын түсіндіретін курстарды қамтиды. Білім берудің феноменологиялық үлгісі жеке тұлғаны өзін-өзі тануға бағытталған, сондықтан қауіпсіз мінез-құлық типін қалыптастыру міндетіне жақын, яғни постмодерндік қоғамды өзгертуі тиіс қоғамның қалыптасуына ықпал етеді.

Білім берудің постмодерндік үлгісі бейсызықты негіздердегі коммуникацияның жаңа түрлерінің қалыптасуын білдіреді, ол жерде резонанстық қатынаста ғылым, білім және философия болады. Постмодернистердің пікірінше, жаңа білім «постресми ойлауға» негізделген. Постмодерндік білім бұрынғы білім беруді қайта жасаудан гөрі жаңа білім алуға және өзін-өзі тануға де-

ген ұмтылыспен сипатталады.

Постмодерн білім үлгісі оқыту үдерісінде мұғалім мен оқушы арасындағы теңдікке негізделеді, қатаң өктемдікті, мұғалімнің үзілді-кесілділігін артта қалдырып, танымдағы релятивизмді мойындайды. Оқытудың диалогтық формалары, жаңашылдық пайда болады, білім мазмұны ескеріледі, оқушының білімнің құрылысында алатын өзіндік орны ескеріледі. Постмодернизм танымның барлық түрлерін мойындайды, тек рационалды ғана емес, сонымен бірге танымның басқа иррационалды нысандары – түйсік, иррационалды дискурстар, квази-теологиялық тәжірибені мойындауға дейін.

Зерттеудің нәтижелері

Өткен ғасырлардағы діни соғыстардың тарихы догматикалық идеологиялардың радикалды қарсыластығының айқын мысалы болып табылады. Дәл осындай жағдай бүгінде әлемнің кейбір аймақтарында байқалады. Алайда, бүгінде өркениетті елдердің көпшілігінде діни, мәдени және нәсілдік иеліктен арылуға бағытталған мақсатты әрекеттер жасалуда. Адамдар түрлі қақтығыстарды жеңіп, төзімділік пен мәдениеттер диалогының әртүрлі үлгілерін ұсыну арқылы өз қоғамдарының дамуында үлкен қадамдар жасай алатынын түсінді. Өз сенімдерін қарым-қатынасқа түскен адамдардың сенімдерімен салыстыра отырып, олар өздерінің сенімдерін жаңа көзқараспен қарастыруға жол ашты.

XX ғасырдың басынан бастап интеллектуалды даму толеранттылық атмосферасын қалыптастыруға тырысты, атап айтқанда, теологиялық басымдықтардың «шынайы сенімнен» «шынайы іс-әрекетке» ауысуын қамтамасыз етуге аяқ басты. Бұл жағдайда барлық діндердің іс-әрекетінің пайдасы – олардың этикалық мазмұны. Яғни, оны теориялық теологиялық тұжырымдарда емес, бүкіл қоғамның мүддесі үшін тәжірибелік іс-әрекетте көрсету керек. Ақиқаттың статикалық, тұрақты, монолитті және жабық пікірталасының орнына диалогқа серпінді және ашық дүниетаным келді. Осылайша, ақиқат ізденіс үстіндегі адамның дүниетанымына байланысты бола бастады. Мұндай дүниетанымның салыстырмалылыққа ауысуы кез-келген шындық белгілі бір адамның білімі

мен қабылдау деңгейіне байланысты болатындығына әкеледі. Яғни, ол абсолютті болуын тоқтатады және тарихи жағдайларға, ниеттерге, көзқарастарға, түсіндірмелерге және басқа да осыған ұқсас факторларға байланысты болады.

Осыған байланысты, «догмасыз теология» мәнмәтінінде эклектизм мәселесі өзекті болып отыр. Постмодерндік философияға сәйкес қоғам үнемі өзгеріп отырады, ал дін тарихи құбылыс болып табылады (Самедов, 2017). Ол қоғамның қажеттіліктеріне байланысты өзгеріп отырады. Сондықтан да дінде постмодернизм тұрғысынан қарағанда абсолютті ақиқат жоқ. Онда әртүрлі нанымдардың эклектикалық үйлесімі мүмкін. Мұндай діннің өмір сүруінің басты шарты – синкретизм мен эклектизмге негізделген догмадан тыс сенім болуы.

Діни әдебиеттегі догмасыз теология деконструкция идеясының контекстінде қарастырылады. Бұл теологиялық бағыт негізінен Ж. Дерриданың «әлсіз күш» идеясының негізінде қалыптасты (Derrida, 1998: 33). Бұл догматикалық емес перспективаны қажет етеді, өйткені ол «әлсіз теология»; оның ізбасарлары қазіргі теологияның үстемдігі идеялық, тоталитарлық және жауынгерлік сипатта болады деп санайды. Керісінше, «әлсіз» теология тұрақты контексттік түсіндіруді білдіреді. Себебі Д. Капутоның айтуынша, ол Құдайдың әлсіздігін білдіреді (Caputo, 2006: 301). Осы тұжырымға сүйене отырып, Құдайды физикалық және метафизикалық салалардың қуатты иесі ретінде қабылдауға болмайды деп айтуға болады. Бұрын аса құдіретті болған Құдай әлсізге айналады. Сондықтан ол енді табиғатқа әсер ете алмайды. «Әлсіз» теологияда адамның іс-әрекеті бірінші орынға шығады. Дәл осы заманауи діни сананың идеяларын Дж. Ваттимо да атап өткен (Vattimo, 1991: 23). Осыған ұқсас идеяларды Слава Жижек те жазған (Zizek, 2011: 102).

Постмодерндік дінтануда дінде стандарттар жоқ, оларды бұзғаны үшін айыппұлдар жоқ, жалпы діни жүйелер жоқ деп түсіндіріледі. Бұл діни дүниетаным этникалық немесе гендерлік дискриминацияны жоққа шығарады. Христиандық дін мен исламды постмодерндік түсіндіруге келетін болсақ, оларға деген көзқарас ұқсас ұстанымдармен анықталады. Постмодерндік тәсіл олардың догмаларын таратуға және синкретизациялауға, сондай-ақ дәстүрлі түсіндірулерден алыстауға

бағытталған. Дәстүрлі діндердің белгілі бір этикалық және құқықтық қызметтері ғана мойындалады.

Мысал ретінде жыныстық мәселелерге деген көзқарасты айтуға болады. Христиан діні некеден тыс қарым-қатынастарды қабылдамайтыны белгілі. Постмодернистер бұл тәсілді дәстүрлі деп санайды. Егер кейбіреулер дәстүрлі догмаларды мойындамаса, онда олармен өмір сүруге міндетті де емес. Тиісінше, некеден тыс істер, нашакорлық, ұрлық және т.б. сияқты құбылыстар, әдетте, қоғамға қарсы деп қабылданады, бірақ адамдардың кейбір топтары үшін олар әртүрлі жағдайларға байланысты қолайлы болуы мүмкін. Бұл жағдайларды ескеру қажет (Simpson, 2009: 51). Бұл авторлар дәстүрлі ойлау қандай да бір құдіретті қасиеттің бар екендігіне сендірді, сондықтан адамның пікір білдіру еркіндігіне кедергі келтірілді деп санайды, іс жүзінде адам өзінің пікір айту құқығын жүзеге асыруы, логика мен ғылымды дамытуы тиіс.

Рорти жаңа дәуірдің басты ерекшелігі – бұл қасиеттілікпен байланысты метафизикалық логикадан бас тарту және шынайы ізгілікке ұмтылу. Рорти атап өткендей, дінінің ортасында пайда болған білімге деген ұмтылыс, ақырында, «құдайшылыққа табынуды алмастырған гуманизм мен сүйіспеншілік идеалдарын біріктіруге» әкелді (Vattimo, Rorty, Zabala, 2007: 156).

Постмодерндік тәсілдерді кейбір протестанттық бағыттағы христиан шіркеулері қолдайды. Мысалы, унитарияндық шіркеудің ізбасарлары үшін дінді немесе жынысты таңдау адамның жеке ісі болып табылады және бұл қоғамның талқылауы немесе сынына ұшырамауы тиіс. Адам өзіне және жанының сезімдеріне сәйкес өмір сүруі қажет. Олардың пікірінше, әлемдік діндер мен философиялардың барлық ережелері ақиқат болып табылады. Адам өзінің таңдаған жолымен жүргені жеткілікті. Кейбір протестанттық шіркеулерде гомосексуалдық неке мойындалады және тіпті гомосексуалдық діни қызметкерлер қызмет етеді.

Католиктер мен православие өкілдері жалпы алғанда дәстүрлі діни көзқарастарды ұстанады және постмодернизм көріністеріне сыни көзқараспен қарайды. Исламға келетін болсақ, бұл тек дін ғана емес, сонымен қатар өмір салты болып табылатынын да ескеру керек. Сонымен қатар, бүгінгі күні ол өзін қазіргі заманғы батыстық құн-

дылықтарға балама ретінде әрекет ететін дүниетанымдық жүйе деп танытады. Ислам бағыттарының көбісі дәстүрлі түсініктемелерден сәл ғана айырмашылығы бар қандай-да бір жаңалықтарды немесе жаңа ойларды жоққа шығарады. Сондықтан исламдық дүниетаным негізінен постмодернизмді қабылдамайды. Бірақ сонымен бірге исламның кейбір ағымдары мен кейбір қазіргі мұсылман ойшылдарының еңбектерінде постмодернизмнің элементтерін табуға болады, оларда реформистік ойлар бар. Дәстүрден жартылай ауытқып, постмодернизм тұрғысынан шындықты қабылдаған мұсылман реформистік қауымдастықтардың мысалдары да бар. Бұл топтар негізінен мұсылмандар басқа мәдениеттермен белсенді араласатын Батыс елдерінде немесе шеткері (сыртқы, перифериялы) мұсылман елдерінде бар.

Жалпы, қазіргі діни білім берудегі постмодерндік үрдістер діни фундаментализм мен радикализмге идеологиялық қарсылық болған жағдайда тиімді бола алады деп айтуға болады. Осы орайда әлемде тұрақтылықты сақтауда шешуші рөл атқаратын діни плюрализм және әртүрлілік идеясының философиялық негізделуі өте маңызды болып табылады. Мұндай негіздеу дәстүрлі діни доктриналардың ішіне енетін плюрализм мен толеранттылықтың әлеуетін жандандыруға мүмкіндік береді. Шынында да, кез-келген жағдайда, қазіргі өркениетті әлемдегі дағдарыстан шығудың жолы – догмаларды қайта қарау, әр адамның жеке басын және таңдау құқығын құрметтеу.

Әдетте постмодерндік мәселелер көпше түрде айтылады, оларды термоядролық апаттың қаупі, жеке тұлғаның сұрақтары, экологиялық дағдарыс және қазіргі заманғы құндылықтардың шешімі ретінде қарастырады. Бұл қозғалыс қай бағытта жүреді? Бұл сұрақ бүгінде көпшілікті мазалайды. Бір жағынан, біз постмодерн дәуіріне кіруді көбінесе ағартушылық жолмен белгіленген даму жолының құлдырауы немесе тоқтауы тұрғысынан сипаттаймыз. Кейде постмодернизм адамзаттың прогреске деген сенімін жоғалтуы ретінде анықталады. Екінші жағынан, постмодерн дәуіріне кіру ақпараттық қоғамның қалыптасуымен, жоғары технологиялар, байланыс құралдары мен ақпараттық қолдаудың дамуындағы серпіліспен қатар жүреді. Осыған байланысты жаңа қоғам кейде постмодерндік қана емес, сонымен бірге постиндустриалды деп аталады, яғни мәдениеттің түбе-

гейлі жаңа салаларына негізделген экономикалық дамудың мүддесі мен басымдығы бар қоғам.

Осы тұрғыдан алғанда, постмодернизм – жаңа мүмкіндіктер дәуірі. Постмодерндік сана тек прогресстегі түңілуді ғана емес, сонымен қатар жаңа сатыдағы прогреске кіруді де қамтиды. Бұл процесс әлем туралы, өзіміз туралы, осы әлемді білу және оны өзгерту жолдары туралы біліміміздің өсуі болып табылады. Бұл, бір жағынан, адамның техникалық күшінің жоғарылауымен, екінші жағынан, жинақталған тарихи тәжірибемен және адамның техникалық қуатын тек қана қабылдап қана қоймай, одан сақ болу керек деген сеніммен байланысты. XX ғасырдың басты қасіреті технологияның дамуы адамзаттың рухани-өнегелік дамуынан басып озды.

Постмодернизмнің негізгі идеяларының бірі – барлық білім билікпен байланысты. Танымдық және білім беру іс-әрекеттері осы тұрғыдан алғанда әдейі қарастырылады. Танымдық және білім беру іс-әрекеттері арқылы адам өзінің жеке және корпоративтік мүдделерін жүзеге асыруды көздейді. Әдеттегі, классикалық интенциялардың бірі (сиқыр мен ғылымға ортақ) – қоршаған табиғат күштері мен басқа адамдардың бір адамға бағынуы. Постмодерндік философияның білім мен тәрбиенің осы әлеуметтік қауіпті қызметіне баса назар аударуы тек деструктивті тұрғыдан қарастырыла алмайды (Козырев, 2014: 281). Керісінше, бұл ақпараттық революцияның арқасында олар жаңа және өте кең мүмкіндіктерге ие болған әлемде зұлымдық пен зорлық-зомбылықтың өршуіне қарсы иммунитетті дамытудың бір түрі бола алады. Техникалық тұрғыдан толық басқаруға, толық бақылауға және сананы басқаруға арналған әлемде, бұл тұрғыдан қоғам технологиялық прогрестің жаңа мүмкіндіктеріне жеткілікті түрде дайын болады деп үміттенуге болады.

Мектеп – әлеуметтік қажеттіліктерге қатты тәуелді мекеме, және, әрине, ақпараттық қоғамға кіру білім мазмұны мен қоғамға мектептегі оқушыларға білім беретін құндылықтарға да әсер етеді. Соғыс әдістері мен мектеп тәрбиесі беретін құндылықтардың арасында тікелей байланыс бар екендігін зерттейтін қызықты материалдар бар. Зеңбірек өндірісінің жаңа мүмкіндіктерін игеру қажет болған кезде, XIV және XV ғасырлар дәуірінде зайырлы биліктің қолдауымен қала мектебі қандай үлкен рөл атқарғанын және сол дәуір-

де білімнің мүдделері мен құндылықтары қалай өзгергенін білеміз. Сондықтан, қазіргі ақпараттық қоғам мен мектеп туралы айтқанда, білім мазмұны информатика пәнін енгізуді қажет ететіндігі туралы ғана емес. Сондықтан қазіргі ақпараттық қоғам мен мектеп туралы айтқанда, білім мазмұны информатика пәнін қосуды қажет ететіндігі туралы ғана пікір қозғамаймыз. Яғни нарық мәдениетаралық байланыс сияқты қарым-қатынасқа талап қойып отыр, бұл талаптар халықаралық және қазақстандық құжаттарда көрсетілген. Бұл әр түрлі тілдерде, әр түрлі тілдік ойындарда, сөзбе-сөз мағынада, әр түрлі контексте мағыналарды тез тауып алуға, көбейтуге және құруға жеткілікті икемді, ақыл-ойды дамытуға қойылатын талап.

Жаңа заманның мектеп алдындағы қойып отырған талаптары туралы айта отырып, біз мектептегі діни білім барлық жүріп жатқан процестерден тыс қала алмайтындығын айтамыз. Мектептегі білім беруді қарастыратын болсақ, Ф.Н. Козыревтің ғылыми желісі бойынша постмодерндегі бірнеше ерекшеліктерді, шарттарды атап көрсетуге болады.

Нәтижелерді талдау

Сонымен, *бірінші жаңа шарт* (бұл, әрине, жаңа емес, бірақ соңғы онжылдықтарда өте жақсы дамуда) – бұл мектептің коммерциялануы. Лиотардың анықтамасы бойынша, ақпараттық қоғам – бұл білім тауарға айналатын қоғам. Біз неғұрлым өмір бойы көбірек қозғалатын болсақ, соғұрлым білім қымбаттайды. Осыған байланысты, әрине, ата-аналардың, мұғалімдердің қызығушылық танытатын прагматикалық көзқарасы – мектеп құндылықтарға тәрбиелеу үшін қажет деген классикалық ұстанымын ығыстырады. Мектеп еңбек нарығын білікті жұмыс күшімен қамтамасыз етуді көздейді. Осы жағдай білім менеджерлері мен тәрбиешілердің бойында бар басты және басым сезімдер мен көзқарастардың бірі. Осыған байланысты діни білім берудің алдында мектепте өзінің орнын сақтау міндеті тұр. Қазақстанда мемлекеттік мектептерде дін пәндерін факультативті түрде ашуға болатын жағдай қарастырылмаған.

Екінші шарт – зайырлылық (секуляризация). Неміс теологиясының өкілдерін алсақ немесе Ро-

берт Крэмнің еңбектерін, Карл Эрнст Нипковтың пікірін қарастырсақ (Нипков, 1995: 69), олардың ойларымен толықтай келісуге негіз бар. Олардың тұжырымдары жастар арасында жүргізілген зерттеулерге негізделген және зайырлылықты діндарлықтың құлдырауы тұрғысынан сипаттау дұрыс емес. Діндарлықтың төмендеуі Еуропа елдерінің көбінде байқалмайды. Жеке тұлға түрлерінің өзгеруі, діндарлықтың және діни көзқарастың дәстүрлі үлгілерінің өзгеруі байқалады. Осы үрдістер Қазақстан жағдайына да сай келеді. Білім беру саласында бұл процесс шынымен жүріп жатыр, ал Еуропаның кейбір елдерінде, мысалы, Нидерландыда, қазіргі кезде шіркеу діни мектептерге тек формалды түрде ғана араласа алады, бірақ іс жүзінде ол мемлекеттің қолында.

2001 жылы 11 қыркүйекте АҚШ-та орын алған оқиғалар Еуропада кейбір үрдістерді тудырды. 2006 жылы Еуропалық Комиссия мектептегі діни білім беру бойынша алғашқы еуропалық зерттеуді қаржыландырды. 2007 жылы ЕҚЫҰ мемлекеттік мектептерде дінді оқытудың жалпы еуропалық қағидаларын әзірлеу үшін Толедода 56 қатысушы елдің өкілдерін жинады. Толедода қабылданған ұсыныстар тек мемлекеттік мектептерге ғана емес, сонымен қатар мемлекеттік емес (оның ішінде діни) мектептердің ұжымдары мен басшыларына бағытталған, өйткені бұл мектептердің барлығы мемлекет тарапынан қолдау табады. Аталған үрдіс діни білімге қатысты инструментализмнің жоғары қаупі туралы айтуға мүмкіндік береді, себебі оқушының жеке басын дамыту мен жетілдіру міндетіне тікелей қатысы жоқ, бірақ қоғам мен мемлекеттің мүдделерін алға тартатын мектептегі білім берудің діни білімге қатысты компонентін бағындыру болып табылады.

Постмодернизмнің *үшінші шарты* – жаһандану және онымен байланысты қазіргі қоғамның көп мәдениеттілік және көпконфессионалды сипаты. Осы себепке байланыстыбатыстық педагогикалық әдебиеттерде мектептегі діни білім беруде жаңашылдықтың қажеттілігі туралы пікір айту кеңінен таралған. Қазірдің өзінде Нидерланды мен Германиядағы католик мектептерінде оқушыларының жартысынан көбі ислам дәстүрінің өкілдері болғанын жиі көруге болады. Мұндай жағдайда діни білім беруді қалай құру керек екендігі маңызды мәселе болып табылады.

Төртінші шарт, өкінішке орай, білім философиясында, білім беру теориясы туралы қазіргі еңбектерде біршама ескеріп қалған тақырыптардың бірі, бұл ғылым мен адамзат тап болған – жаңа гносеологиялық жағдай. Осы жағдайдың туындауына бірқатар факторлар мен себептер әсер етті. Бұл ғалам туралы көзқарастарымызды қайта қарастыруға итермелеген физика саласындағы іргелі жаңалықтар және логикалық жүйелерді әртараптандыруға, аксиоматиканы қайта қарауға әкелген математиканың қарқынды дамуы. Алайда біздің ғылыми біліміміздің шектеулі болуы – ғылым әлемді танып зерттеудің, мәдениеттің барлық түрлерін алмастыра алмайтындығын көрсетіп отыр (Стёпин, 2004: 138). Тиісінше, олар әлемді рухани тұрғыдан түсінудің басқа формаларымен орнын толтыруы тиіс – көркем өнер, дін, өнегелік, философия. Жаңа эпистемологиялық ахуал дінге ғылыми рационалдылықтың кемшіліктерін өтеуге мүмкіндік беріп қана қоймай, студенттерге шындықты өзіндік ерекше көзқарас тұрғысынан түсінудің жемісті жолын ашуға мүмкіндік береді. Сонымен бірге ол құндылық релятивизмінің қауіптілігін алып келді.

Қорытынды

Діни білім оның теориялық, әдістемелік базасын түбегейлі қайта қарауды қажет етеді, діннің білім берудегі орны туралы жаңа тұжырымдаманы әзірлеуді (тек зайырлы білімде ғана емес, сонымен бірге конфессиялық біліммен де байланысты), дін мен білімнің өзара байланысын қайта қарастыруды талап етеді. Білім берудің гуманитарлық парадигмасына көшу білім мазмұнын, қағидаларын, білім беру процесіне қатысушылардың өзара әрекеттесу формаларын түбегейлі қайта қарастыру дегенді білдіреді. Діни білім беру саласына гуманитарлық ойлау стилінің енуі гуманитарлық ғылымдарға тән толық емес білімнің аксиомасын қабылдауды білдіреді. Онда білімді контексттеу талаптары бар. Бұл сонымен бірге гуманитарлық технологияны игеруді білдіреді, сондықтан бізде түсіндіру әдістерін, діннің феноменологиясының гуманистік нұсқаларына негізделген әдістемелерін қолданудың сәтті мысалдары бар.

Әдебиеттер

- Caputo, J. (2006). *The Weakness of God: A Theology of the Event*. Indiana Series in the Philosophy of Religion. Indiana: *Indiana University Press*. 376 p.
- Derrida, J. (1998). *Faith and Knowledge: The Two Sources of Faith and Knowledge at the Limits of Reason Alone*. Religion. ed. Derrida J. & Vattimo, G. Stanford: Stanford University Press. P. 1-78.
- Maslow, A. (2014). *A Theory of Human Motivation*. New York: *Sublime Books*. 32 p.
- Simpson, Ch. (2009). *Religion, Metaphysics, and the Postmodern: William Desmond and John D. Caputo*. Indiana: *Indiana University Press*. 232 p.
- Vattimo, G., Rorty, R., Zabala, S. (2007). *The Future of Religion*. New York: *Columbia University Press*. 304 p.
- Vattimo, G. (1991). *The End of Modernity: Nihilism and Hermeneutics in Postmodern Culture*. Baltimore: *Johns Hopkins University Press*. 256 p.
- Zizek, S. (2011). *Living in the End Times*. New York: *Verso*. 520 p.
- Извеков, А. (2003). Педагогические задачи высшей школы эпохи постмодерна. Серия Symposium. Инновации и образование. Сб. мат-лов конференции. Вып. 29. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. С. 65–80.
- Козырев, Ф. (2014). Религия как дар. Педагогические статьи и доклады. М.: *Свято-Филаретовский православно-христианский институт*. 408 с.
- Лиотар, Ж. (1998). *Состояние постмодерна*. М.: *Институт экспериментальной социологии*. 160 с.
- Нипков, К. (1995). Ян Коменский сегодня. М.: *Глаголь*. 104 с.
- Самедов, Э. О постмодерне в религии. <https://clck.ru/PqHwe>. 05.02.2017.
- Стёпин, В. (2004). От философии науки — к философской антропологии. Познающее мышление и социальное действие. Под ред. Н. Кузнецовой. М.: *Высшая школа*. 544 с.
- Хало, П., Жилина, К. (2016). Анализ эффективности базовых моделей образования на современном этапе развития общества. *Альманах мировой науки*. № 11-3 (14). С. 9–15.
- Цвейг, С. (1980). *Подвиг Магеллана*. М.: *Мысль*. 264 с.

